

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2007
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Хатунцев С.В.</i> (Воронеж). К вопросу об эволюции воззрений К.Н. Леонтьева на славяно-греческие взаимоотношения и Восточный вопрос в 60-х – начале 70-х годов XIX века	3
<i>Крючков И.В.</i> (Ставрополь). Российская дипломатия об экономических процессах в Венгрии в начале XX века (1903–1912 гг.)	17
<i>Адельгейм И.Е.</i> (Москва) В мире “Реала”. Молодая польская проза и реалии постсоциалистической Польши	28
<i>Анастасова Е.</i> (София). Старообрядцы в Румынии и глобализация	41

СООБЩЕНИЯ

<i>Главачка М.</i> (Прага). Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г.....	54
<i>Плотникова А.А.</i> (Москва). Русские старообрядческие села в Румынии: архаика и заимствования в народной культуре.....	66
<i>Карлина Н.Н.</i> (Москва). “Польский вопрос” в произведениях Василия Аксенова	75

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Данилова О.С.</i> (Екатеринбург). Луи Леже – основоположник научного славяноведения во Франции	81
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Михальченко С.И.</i> А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения	90
<i>Шведова Н.В.</i> А.Г. Машкова. Словацкий натурализм (30–40-е годы XX века)	91
<i>Проскурнина М.Б.</i> А.Г. Шешкен. Студии за македонската литература; Г. Тодоровский. Прикосновения: русско-македонские темы	94
<i>Калнынь Л.Э.</i> В. Жобов. Звуковете в българския език	97

<i>Зогович С.</i> К 25-летию юбилею Института старославянской культуры в Прилепе	103
<i>Досталь М.Ю., Лешкова О.О.</i> Международная научная конференция “История и современное состояние отечественной славистики. К 170-летию основания кафедр славистики в университетах России”	106
<i>Проскурнина М.Б.</i> Международная научная конференция “Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы. Центральная и Юго-Восточная Европа”	111
<i>Филатова Н.М.</i> Конференция “Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре”	114
<i>Досталь М.Ю.</i> Первое заседание Комиссии историков России и Словакии	120

ЮБИЛЕИ

<i>Норман Б.Ю., Супрунчук Н.В.</i> К юбилею Геннадия Афанасьевича Цыхуна	123
<i>Станчев М.</i> К юбилею Георгия Иосифовича Чернявского.....	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (и.о. главного редактора),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
 E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2007 г. С. В. ХАТУНЦЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВОЗЗРЕНИЙ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА
НА СЛАВЯНО-ГРЕЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС
В 60-Х –НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Исследователям отечественной общественно-политической мысли К.Н. Леонтьев известен как публицист, далекий от свойственного значительной части русской дореволюционной интеллигенции восторженного отношения к “братьям-славянам” – не только к западным, но и к южным, публицист, который развивал идеи о духовной несамобытности славянских народов как таковых (в том числе и русских), об их неспособности к подлинному, не повторяющему чужие “зады” культурному творчеству, об их “буржуазности” и второсортном “европеизме” (см.: [1. С. 81, 669, 653, 388–390 и т.д.]). Однако окончательно такие представления о славянах (и о греках) сложились у Леонтьева только во второй трети 70-х годов XIX в., когда он превратился в “принципиального”, “идейного”, консерватора. Каково же было отношение этого масштабного публициста и социального мыслителя к славянам и грекам в более ранний период его интеллектуального творчества, как оно менялось? К сожалению, в историографии, которая существует в настоящее время, эти проблемы, как и взгляды “раннего” Леонтьева на тесно связанный с ними Восточный вопрос, специально не изучались. Лишь В.И. Косик в том или ином ракурсе рассматривал последние в своей монографии (см.: [2.С. 20–102]).

В 50-е годы XIX ст. Леонтьев, стоявший тогда на либерально-западнических позициях, ни славянами, ни греками, ни Восточным вопросом, с которым данные народы так или иначе ассоциировались, практически не интересовался. В первой трети 1860-х годов в его сознании произошел серьезный “умственный перелом” (см.: [3]). Мыслитель пересмотрел свои взгляды, началось его идейное сближение со славянофилами. Именно в этот период у него появился пристальный интерес и к зарубежным славянским народам, и к потомкам античных эллинов, и к Восточному вопросу, который впоследствии занял большое место в его социально-политической историософии.

В конце 1863 г. Леонтьев, служивший в Азиатском департаменте российского МИДа, отправился в балканские провинции Турции. На Восток мыслитель, по его собственным словам, уезжал “учеником, поклонником ... культурного славянофильства” [1. С. 169]. Под “культурным славянофильством” он понимал

стремление к созданию особой, своеобразной по отношению к Европе славяно-русской культуры. Это – главнейшее положение, вынесенное им из славянофильской доктрины. Но учеником славянофилов в настоящем значении этого слова мыслитель не был, т.е. усвоил он не всю систему славянофильских взглядов, а лишь отдельные ее стороны, дав им к тому же свое самостоятельное толкование. Его интересовала не столько религиозно-этическая, сколько культурологическая сторона славянофильского учения, те доводы, с помощью которых славянофилы обосновывали необходимость (и даже неизбежность) обособления восточнохристианских стран и народов – в первую очередь России – от Запада.

Подобно славянофилам, в указанный период Леонтьев отнюдь не относился к славянам, в частности, к южной их ветви, скептически а, напротив, являлся человеком, исполненным горячей веры в балканских родственников великороссов: мечтал о “патриархально освежающих югославянских родниках”, черпая из которых югославы научат русских “как лучше бороться *против европеизма*”, считал, что на Балканах стремление к созданию особой, резко отличающейся от европейской, славянской культуры со временем, т.е. после изгнания турок, принесет невиданные плоды. В том, что падение османской власти над местными христианскими народами немедленно повлечет за собою “яркий восход сияющего православного солнца”, сомнений он не испытывал [1. С. 169]. Устами Лихачева, персонажа романа “В своем краю” (1863), в данном случае выражавшего авторскую позицию, Леонтьев совсем по-славянофильски Балканы идеализировал: “Миллионы славян говорят почти тем же языком, которым писана наша библия; в глухих, далеких деревнях с восторгом произносят наше имя!” Русских “разочарованных прогрессистов” там бы “на руках носили, пророками бы считали, если бы они шли туда ... там всякому есть еще дело: учителю, попу-проповеднику, художнику, купцу, искателю приключений”. Там «живописные места; Дунай; первобытные народы, которых ... ставят сердцем выше греков, а умом выше турок; монастыри в горах, где молятся за наше государство; монахи там, настоящие ... – знают близко смерть и нужду; древние забавы, песни народные, и эпическое время не прошло еще для них... благодушны, гостеприимны, чисты нравами; за “честный крест” ... каждый мужик готов кровь отдать без приказанья. Если южная пылкость у них слабее, чем в Италии, зато мудрой стойкости больше» [4. С. 533–534].

Конец 1863 – первую половину 1864 г., время, когда К.Н. Леонтьев еще не успел осмыслить и обобщить впечатления, полученные на Востоке, можно считать периодом наибольшей близости – в указанном выше смысле – его общественно-политических воззрений к общественно-политическим взглядам славянофилов. Продолжительным этот период не был. Вскоре наметилось расхождение Леонтьева со славянофилами в оценке югославян и перспектив их культурно-исторического развития, а также в отношении к османскому владычеству на балканских землях.

Живя на протяжении 1864–1865 гг. в турецких владениях – на острове Крит, в Константинополе и в Адрианополе, путешествуя по провинциям Османской империи, он увидел, что культурные традиции местных православных народов отступают под натиском европеизма, и довольно быстро пришел к мысли, что хотя турки и варвары, а османское завоевание, османское иго – зло, только благодаря туркам и держится еще многое истинно православное и славянское на Востоке. Так, например, именно благодаря турецкому “кровавому игу” “выс-

шим лиризмом” наполнена атмосфера, сам “воздух жизни” греческого острова Крит [5. С. 40].

Леонтьев начал подозревать, что “отрицательное действие мусульманского давления, *за неимением лучшего*, спасительно для наших славянских особенностей, и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...” Постепенно у него стало складываться опасение, что даже Россия не сумеет, не сможет, наконец, не успеет “*вовремя* заменить давление мусульманства другой, более высокой дисциплиной – дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жестокого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим*...” [1. С. 169].

Во многом, со своей, в данном случае – вполне консервативно-охранительной точки зрения, Леонтьев оказался прав. Едва ли кто-либо из современных историков будет оспаривать тот факт, что турецкое владычество способствовало сохранению в жизни балканских народов традиционных, феодально-средневековых черт – в том числе и тех, которыми Леонтьев особенно дорожил и которые считал национально-культурными особенностями южных славян. Как известно, турецкое иго было одной из наиболее значительных преград для унификации подымавшегося на Балканах с конца XVIII в. капитализма. Оно тормозило развитие капиталистических отношений в Болгарии [6. С. 6], в Боснии и Герцеговине [7. С. 361, 603], в Македонии [7. С. 371, 628], на сербских землях, входивших в состав Османской империи, препятствовало формированию югославянской (и не только) буржуазии, отгораживало Балканы от Запада. После его свержения формирование капитализма в балканских странах, в частности в Болгарии и в Сербии, пошло определенно быстрее [8. С. 616], а специфические культурно-бытовые черты местного населения, особенно его социальной верхушки, стали намного активнее уступать место унифицированным общеевропейским культурно-бытовым формам. Таким образом, говоря словами Леонтьева, после падения османского владычества “разрушительное действие либерального европеизма” на Балканах и в самом деле усилилось. Россия же ко времени ухода турецких властей не сумела ни выработать для себя самой, ни, тем более, предложить своим единоверцам какой-либо “третий”, небуржуазный, некапиталистический, путь развития, который уже в 1860-е годы пытался, хотя и не вполне сознательно, нащупать К.Н. Леонтьев – путь, который предусматривал сохранение и интеграцию ценностей традиционного, феодально-патриархального общества, развитие, которое дало бы им вторую, новую жизнь. Это и означало, что Россия, пользуясь терминологией Леонтьева, “не сумела заменить тяжесть жестокого ига суровым внутренним идеалом” [1. С. 169].

Никто из настоящих славянофилов представлений мыслителя о роли турок на Балканах и его все более усиливающегося скепсиса по отношению к единоверцам-славянам в этот период не разделял. По происхождению эти взгляды были вполне оригинальны, так как возникли из непосредственных наблюдений Леонтьева за жизнью местных народов – и христианских, и мусульманских. Со временем, к середине 70-х годов XIX в., данные идеи созрели у него окончательно и превратились в важные элементы специфически “леонтьевской” системы общественно-политических взглядов, достаточно хорошо известной исследователям его творчества. Подробнее об этом процессе будет сказано ниже.

Представления об относительной полезности турецкого ига и о том, что балканские христиане (не только славяне, но и греки) не смогут отстоять свое культурное своеобразие от натиска западной цивилизации, отражались в работах

К.Н. Леонтьева с конца 1865 г. В дипломатической “Записке о необходимости литературного влияния во Фракии” от 20 октября 1865 г., составленной в Адрианополе, он писал, что “под турецким владычеством многие стеснения еще отдают их (греков и болгар. – С.Х.) от Европы и от бесплодных дешевых подражаний (передовым европейским странам. – С.Х.). Раз освободившись, что противопоставят они подавляющей культуре Запада? Стоит взглянуть только на независимых греков, чтобы видеть, как в них мало самобытного. Кроме уважения по привычке к древнегреческому языку и (на словах) к великим авторам древности (у которых они не учатся ни политической мудрости, ни вкусу в общественной жизни), они влачатся во всех понятиях за французской буржуазией. ... Европеизированные греки турецких провинций стоят еще ниже их. Болгары и того не имеют, что имеют греки...” [9. С. 210–211].

Эти неутешительные наблюдения положили начало постепенному разочарованию Леонтьева в восточных единоверцах и единоплеменниках России, стали подтачивать его славянофильскую веру в их способность к оригинальному культурному творчеству.

По мнению Леонтьева, балканские христиане ценили русских лишь настолько, насколько они – европейцы. Собственно русское в них единоверцев практически не интересовало. Им импонировало только то, что Россия – могущественная православная и (или) славянская держава с огромным политическим весом, с армией свыше полумиллиона штыков [2. С. 37], не раз демонстрировавшей свою военную мощь, то, что в России множество по-европейски воспитанных светских людей, которые широтой своей образованности превосходят многих коренных европейцев. Также ценили они, согласно Леонтьеву, “наши дипломатические способности и дальновидную глубину нашей политики” [10. С. 357]. Он же хотел, чтобы и славяне, и греки видели в нашем Отечестве не только “большую, единоверную силу, но сверх того и своеобразный государственно-национальный организм и своеобразное общество, и еще более своеобразный простой народ, и своеобразную литературу, единственную по свежести теперь во всем мире, и особую историческую науку, более и более развиваемую”.

Ни у греков, ни у балканских славян, полагал Леонтьев, почти не было в то время умственной аристократии, и недостаток “высшего”, т.е., в леонтьевском контексте, не утилитарного, “точного” и естественнонаучного, а гуманитарно-эстетического образования чувствовался у них во многом: в “отсутствии всякого духовного творчества, в невежестве и апатии духовенства, в предпочтении торговли всему остальному, в отсутствии искусств и т.д.”. Он замечал, что с каждым годом европеизм проникает в их умы и души все сильнее и глубже [9. С. 210–211]. Этому, на его взгляд, способствовала культурно-психологическая комплементарность балканских и европейских народов: согласно Леонтьеву, те же болгары и греки по характеру своей домашней жизни – европейские буржуа, одинаково расположенные к филистерству [10. С. 392]. Верхушка болгарского общества – так называемые “приматы” – раздражала его своей унылой буржуазностью еще в Адрианополе [11. С. 62], где он в качестве секретаря и драгомана (переводчика) русского консульства находился (с перерывами) более двух лет, пока не получил назначение вице-консулом в придунайский городок Тульча, с 1829 по 1856 гг. принадлежавший России.

Укоры Леонтьева касались почти исключительно представителей образованной прослойки балканских христиан. В грамотном сословии на Востоке, писал Леонтьев, отсутствует идеализм – и личный, и религиозный, и философский, и поэтический. Он считал, что развить и возобновить его могут лишь рус-

ские – но только тогда, когда у них у самих пройдет “утилитарное одурение” [10. С. 396–397], т.е. устремленность к буржуазно-западным формам культуры и социально-экономического развития.

Балканское же простонародье, полагал Леонтьев, в отличие от местной интеллигенции не лишено “залогов для будущего”, под которыми он подразумевал культурно-бытовое своеобразие южных славян и их приверженность восточным христианским Церквам – все то, чем “православные, считающие себя образованными представителями своей нации ... не дорожат”, называя своих верующих соотечественников-селян “варварами” [9. С. 211]. Вопреки сомнению балканской интеллигенции, бедное и низшее сословие на Востоке “во всех отношениях – в религиозном, политическом, нравственном (и даже ... в эстетическом) выше своих обученных архонтов, одевшихся в европейский сюртук”, – писал он [12. С. 329]. К его представителям русский мыслитель питал огромную и искреннюю симпатию, нашедшую выражение в его художественных произведениях, посвященных жизни христиан в Турции.

Дипломатические донесения Леонтьева 60–70-х годов XIX в. также наполнены проявлениями сочувствия к необразованной бедноте, к “трудовому народу” Балкан, под которым он подразумевал главным образом крестьянство – сербское, болгарское, греческое, и довольно часто обличал османские власти в грабеже и обмане этого “бедного класса населения” (см.: [12. С. 220–221, 236, 324, 362, 364]). Данный факт вполне объективно свидетельствует о том, что в процессе “переоценки ценностей” в 1861–1863 гг. демократические умонастроения, до этого периода свойственные Леонтьеву, не были изжиты им полностью и сохранились в его сознании до начала следующего десятилетия, хотя он сам, а также исследователи его творчества придерживались иного мнения.

Следует сказать, что среди славяноязычных народов более всего Леонтьеву импонировали поляки, точнее – представители шляхты. Ему нравился аристократизм польского дворянства, его “размашистые рыцарские вкусы”, которые, на взгляд мыслителя, были близки “казачьей ширине великоросса” [9. С. 392]. Это вполне объяснимо: Леонтьев обладал аристократическим мирозерцанием, аристократизмом были проникнуты и его общественно-политические воззрения.

По его мнению, польское национальное движение, вдохновляемое главным образом шляхтой, было для России скорее полезно, чем вредно [13. С. 382]: оно у самих русских пробуждало здоровые национальные и религиозные (православные) чувства, размытые европеизацией общества, способствовало их развитию и укреплению. Так, благодаря польскому восстанию, всколыхнувшему империю в 1863–1864 гг., представители ее образованного класса “стали несколько более славянофилы” [10. С. 366]. Реально, как дипломат-профессионал, представляя военно-политическую силу России, Леонтьев был твердо уверен в том, что поляки не в состоянии нарушить ее территориальную целостность, то есть завоевать свободу для собственно польских по этническому составу земель, и, тем более, “вырвать” у империи “Украйну” и Белоруссию [10. С. 365]. Сам он, несмотря на свои симпатии к шляхте, в качестве дипломата решительно и умело боролся с антироссийскими демаршами польской революционной эмиграции в турецких владениях (см.: [13. С. 335–365]).

Никто из россиян-современников специфического отношения К. Леонтьева к полякам не разделял, оно было весьма оригинальной чертой его общественно-политических взглядов. Часть отечественной интеллигенции сочувствовала полякам, но только как угнетенной нации. Их борьбу за национальную незави-

симось поддерживали революционеры, стоявшие за “братство русских с поляками”. Несколько сот русских солдат и офицеров действовали в повстанческих отрядах [14. С. 35]. Горячими сторонниками польских восстаний являлись А.И. Герцен [15. С. 101], Н.П. Огарев, М.А. Бакунин [16. С. 600].

Однако пропольские настроения всех вышеперечисленных групп и лиц были настроениями демократическими, аристократизм шляхты ни русская интеллигенция, ни Герцен не одобряли; к нему, в отличие от Леонтьева, в России относились враждебно, причем не только левые, но и правые. А.С. Хомяков считал польский аристократизм чуждым славянскому духу, индивидуалистическим, агрессивным, преклоняющимся перед силой, презирающим семью, общинное братство [17. С. 19–20]. Следуя за Хомяковым, Н.Я. Данилевский называл польское шляхетство “ренегатом славянства” [18. С. 157]. Большинство славянофилов и отечественных панславистов поляков как таковых считали элементом, враждебным России принципиально, относились к Польше как к “Иуде славянства”, противопоставляли русизм полонизму, как православие католицизму [19. С. 301]. “Полонизм” они рассматривали как просветительскую и вооруженную миссию католицизма-латинства в славянском мире и стремились его подавить, чтобы обеспечить преобладание “русской, православной стихии над латинопольской” [20. С. 64].

В тесной взаимосвязи с вопросом славянским – вопросом национально-политического освобождения славянских народов, находился вопрос Восточный. Восточный вопрос, как и вопрос славянский, Леонтьев в 1860-е годы называл делом общенациональным, одним из тех, которые стоят “выше всяких выгод частных лиц и отдельных компаний” [21. 6 П 1868]. В этом пункте он был вполне солидарен со славянофилами, придававшими Восточному и славянскому вопросам большое значение. Миссия русской дипломатии на Балканах виделась Леонтьеву главным образом в защите гражданских прав православного населения и в сдерживании, по мере необходимости, пыла его “политических стремлений” [9. С. 208] – борьбы за национальную независимость. В данном случае его позиция практически полностью совпадала с позицией тех, кто руководил в то время действиями России на Востоке, в первую очередь А.М. Горчакова, сменившего К.В. Нессельроде на посту министра иностранных дел в 1856 г. (см.: [22. С. 146, 151, 241; 14. С. 24–25]). Ослабленная Крымской войной и лишенная военного флота на Черном море, занятая внутренними реформами и испытывающая финансовые затруднения, Россия в 60-е годы XIX в. не была готова к проведению на Востоке активной политической линии и не стремилась сталкивать балканские народы с Османской империей, а желала сохранения мира в ее владениях (см. [23. С. 195, 197–198; 24. С. 237]). Поэтому она не предлагала каких-либо коренных изменений, однако не собиралась и отказываться от политики защиты и поддержки интересов христианского населения [23. С. 10]. В этот период Россия лишь создавала предпосылки для замены турецкого владычества на Балканах дружественными, главным образом славянскими государствами, которые позволили бы ей установить контроль над черноморскими проливами и над северной частью Эгейского бассейна [25. С. 144].

Как дипломат, проводивший в турецких владениях линию имперского МИДа, Леонтьев находил, что в целом восточная политика России в рассматриваемое время носила гораздо больше общеправославный, чем общеславянский характер [9. С. 210]. Прямой оценки этого факта он тогда еще не давал, но из контекста уже упоминавшейся “Записки о необходимости литературного влияния во Фракии” ясно, что ярким панславистом он не был, и “общеправослав-

ный”, а не панславистский характер российской политики на Востоке его в принципе устраивал.

Касательно греков Леонтьев в данный период высказывал следующие соображения. Он отмечал, что исторические судьбы и религиозные предания тесно связали греческий народ с русским [12. С. 286, 427]. Эллинскому племени, писал мыслитель, суждено еще не раз сказать свое громкое слово в истории, и славянам, т. е., в первую очередь, России, было бы хорошо иметь его “дружеским аванпостом на Юге” [21. 5 XII 1867]. Данная мысль свидетельствует о присутствии у Леонтьева в 60-е годы XIX в. геополитического подхода к проблемам Балкан: с точки зрения геополитики наличие дружественного государства, контролирующего значительную часть Эгейского моря, находящегося по ту сторону черноморских проливов, значительно усилило бы позиции России и союзных ей славянских народов, и заметно помогло бы им в решении Восточного вопроса в свою пользу.

С Грецией связаны некоторые геополитические проекты К. Леонтьева рассматриваемого периода. Один из главных героев написанной им повести “Ай-Бурун” (1867), грек Маврогени, которому Леонтьев отдавал свои авторские симпатии, мечтает о том, чтобы “составились две большие православные земли – сухопутная Россия и морская, большая Греция, которая вытеснила бы английский флаг из Средиземного моря” [26. С. 283] в качестве союзницы российской короны. Через несколько лет, в 1873 г., Леонтьев изложил аналогичную идею, но развитую гораздо глубже и шире, в статье “Панславизм и греки” [1. С. 43]. Таким образом, о греко-русском союзе, территориальном росте независимой Греции и превращении ее в коммерческого лидера Средиземноморья вместо сильнейшего соперника России – Британской империи он мечтал на протяжении как минимум 1867–1872 гг.

Надежды Леонтьева не осуществились, хотя принципиально несбыточными они не были: объективные предпосылки для их реализации имелись. Партия “русофилов” являлась одной из трех крупнейших политических сил Греческого королевства; ее первым лидером был выдающийся государственный деятель Греции Т. Колокотронис [27. С. 54]. Простые греки в большинстве своем испытывали симпатии к России как к стране-освободительнице и часто выступали в ее поддержку, например во время Крымской кампании. В то же время морские, торговые интересы Греции и держав Запада, в частности, Великобритании, весьма ощутимо расходились [28. С. 88, 90, 93], что порождало серьезные трения между этими государствами в Средиземноморье. Однако с течением лет Греция все сильнее попадала в орбиту именно западного, главным образом английского, политического и экономического влияния.

Греческий фактор имел второстепенное значение в политических планах России. Последняя стремилась в основном к сохранению равновесия между славянами и греками при изменении в будущем карты Балканского полуострова, хотя по крайней мере два высокопоставленных представителя царской дипломатии в регионе – Н.П. Игнатьев в Константинополе и П.А. Сабуров в Афинах, пытались включить греков в общий антитурецкий и, в более широком плане, антибританский фронт [25. С. 146–148].

С появлением панславизма и изменением российской политики в пользу балканских славян традиционная вера греков в Россию значительно пошатнулась [28. С. 93]. Почти благоговейное ожидание освобождения нации от османского ига великой православной державой Севера, наблюдавшееся накануне борьбы за независимость, сменилось после Крымской войны недоверчивостью, страхом

и, наконец, противодействием панславизму. Явным поводом для этого стала поддержка российской дипломатией создания, вопреки противодействию Вселенской патриархии в Константинополе, болгарской независимой церкви (1870 г.). Способствовала росту таких настроений и та помощь, которую русские консульские власти оказывали болгарам Фракии и Македонии, особенно во время их столкновений с греками тех же провинций. Все это происходило на фоне подъема греческого национального самосознания, греческого политического национализма. Поэтому вскоре после подавления Критского восстания (1869 г.), когда с молчаливого согласия России и был образован Болгарский экзархат, греки, чьи чаяния удовлетворены не были, разочаровались в ней настолько, что сделали ставку на ее противников, Англию и Францию.

Последние в той или иной степени поддерживали геополитические планы панэллинизма. В случае окончательного распада Османской империи они предусматривали создание на ее руинах большого греческого государства, которое, по их замыслам, должно было сыграть роль преграды для продвижения России к Проливам и северному побережью Эгейского моря [25. С. 144–147].

Постепенно, к 1875–1878 гг., независимая Греция стала для России государством, которое находится в самой прямой зависимости от интересов западных морских держав, главным образом Великобританией, и любая попытка установить тесные узы между Петербургом и Афинами могла иметь исключительно неблагоприятные последствия [25. С. 153]. Таким образом, лишь в этот период “потомки Перикла и Демосфена” окончательно предпочли “покровительство далекой Англии и близкой Британской империи” дружескому давлению “своих российских единоверцев” [2. С. 95].

Леонтьев понимал, что прочность позиций России в Юго-Восточной Европе связана не только с военно-политическим, но и с экономическим присутствием ее в этом регионе, в частности с существованием русского парового судоходства на Дунае, и предлагал “усилить движение наших пароходов” по этой реке [21. 6 II 1868; 12. С. 162].

Он вполне справедливо считал, что по мере распространения европейских мод и утилитарного знания, которое называл “поверхностным”, духовный авторитет России на Балканах будет падать [9. С. 210], и думал о том, как укрепить ее позиции в борьбе с Западом и западными влияниями на православном Востоке.

Для этого Леонтьев предлагал форсировать воздействие на балканские страны русской культуры: учредить там на государственный счет гимназии, распространить знание русского языка и книги, изданные в России [9. С. 210–212]. Понимая, что многого она по своим финансовым, внутри- и внешнеполитическим обстоятельствам позволить себе не могла, Леонтьев писал: “Учреждение за счет наш гимназий в одном или двух городах Турции ... имело бы огромный вес, возбуждая новую благодарность в единоверцах наших. Покровительствуя не только правам и религии, но и первой степени светского просвещения их, мы приобрели бы еще одно право на их признательность” [9. С. 212]. В принципе Леонтьев высказывал верную и здравую мысль, однако исторические события, последовавшие за освобождением южных славян от османской власти, показали, что несмотря ни на какую поддержку, помощь и даже жертвы со стороны России, принесенные балканским единоверцам, мера их признательности своим освободителям и радателям, в зависимости от различных обстоятельств, менялась чрезвычайно сильно. Отто фон Бисмарк, говоря о южных славянах, заметил: “Все эти народности с радостью приняли помощь России в освобождении

от турок; но как только они обрели свободу, они не проявили желания принять царя в качестве наследника султана” (цит. по: [8. С. 572]). Впрочем, Леонтьев в рассматриваемый период и сам видел, что балканские славяне “... еще более греков боятся потерять ту политическую независимость, о которой мечтают, боятся из рук Турции (попасть. – С.Х.) прямо в руки России” [9. С. 209].

Необходимо отметить, что различные учебные заведения, получавшие поддержку и пожертвования как от российского правительства, так и от частных лиц из России, в данный период на Балканах уже имелись [2. С. 56]. Как и Леонтьев, другие русские дипломаты, например сараевские консулы А.Ф. Гильфердинг, а затем и А.Н. Кудрявцев, в своих донесениях и письмах ходатайствовали об организации и оказании материальной помощи такого рода учреждениям [2. С. 57–60]. Поэтому в вопросе о поддержке Россией в этом регионе школьного дела первопроходцем Леонтьев не был. Элемент отличия заключался в том, что он предлагал гораздо более широкую, чем его коллеги, программу воздействия на умы балканских единоверцев. Фактически он ратовал за те же самые меры, которые уже давно выработали и проводили в жизнь ведущие державы Европы, и не на одном Балканском полуострове, где в данном направлении действовали главным образом Франция, Австрия и Италия, но и по всему миру, только Леонтьев, учитывая реальные возможности царской России, говорил о более ограниченных, в сравнении с этими странами, масштабах такого рода активности. Он и сам наверняка понимал это, когда, например, писал, что на Балканах Россия борется с Западом силою только двух влияний, политического и религиозного, Запад же сверх этого использует “европеизм”, промышленность, книги, моды, обычаи, вкусы и т.д. [9. С. 211].

Уже в то время, считал Леонтьев, Россия могла бы противопоставить всему этому свою литературу, историческую науку, искусство, например новую иконопись, неовизантийскую архитектуру, влияние некоторых обычаев и т.п. Даже черты и свойства, лишь наполовину национальные, русские, а наполовину западные, были бы, по мнению Леонтьева, для турецких христиан лучше, чем влияния чисто западные, например французские [9. С. 212].

Он дальновидно полагал, что русское культурное влияние на Балканах предпочтительнее обучения тамошней молодежи в России, так как в училищах и университетах последней она сблизится с нигилистами (см.: [9. С. 214]). В.И. Косик пишет, что Леонтьев «явно не учитывал такого мощного поветрия, как нигилизм, привлекательности идей Чернышевского и других обличителей “темного царства” и проповедников “светлого будущего”...» [2. С. 61]. Притягательную силу русского нигилизма Леонтьев при составлении своей “Записки...”, как следует из вышеизложенного, во внимание принимал, хотя вполне очевидно, что, по словам того же исследователя, в это время, т. е. в конце 1865 г., он еще не подозревал – подобно большинству отечественных интеллектуалов, в том числе будущему автору “Бесов” Ф.М. Достоевскому, “об омуте нечаевщины, куда бросится охваченная жертвенным порывом российская молодежь” [2. С. 61]. Он считал, что нигилистические настроения “...для болгар, сербов или греков гораздо вреднее, чем для нас при могуществе наших консервативных начал в государственной и домашней жизни” [9. С. 214]. Таким образом, Леонтьев, основываясь на своем опыте дипломата-практика, в отличие от славянофилов полагал, что патриархально-охранительные устои у местных православных народов сильны недостаточно.

Если же балканская молодежь, оставаясь у себя на родине, вне сферы прямого интеллектуального воздействия русских нигилистов и не видя непосредствен-

но несовершенство русской жизни, без которых, впрочем, "... не может быть ни один народ, ни одна эпоха" [9. С. 213], станет читать русские книги, то она, по мнению Леонтьева, обязательно проникнется симпатией к России и ее общественному устройству, даже если в этих книгах и "встретятся изображения ее недостатков" [9. С. 214].

Он наметил список книг для обучения в русских училищах, которые предлагал открыть прежде всего во Фракии [9. С. 212]. Помимо работ явных консерваторов (Ф. Шатобриана, Н.М. Карамзина, митрополита Филарета (В.М. Дроздова)) и славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, А.Ф. Гильфердинга) Леонтьев рекомендовал книги и авторов либерального (Дж. Ст. Милля, А.Н. Пыпина), демократического (В.Г. Белинского) и даже откровенно революционного толка (П. Прудона), однако делал из них свои собственные выводы, брал только то, что отвечало его собственным взглядам, и старался использовать для целей, им намечаемых. Так, необходимость изучения балканской молодежью трактата Милля "О свободе" обосновывалась стремлением мыслителя "напомнить о необходимости разнообразного развития личности, чего совершенно нет у православной буржуазии на Востоке". Указанную им работу Прудона ("Война и мир") Леонтьев находил сильно уклоняющейся по духу от его же революционных сочинений и даже проникнутой религиозным чувством; в ней же мыслитель отыскал "доброе слово о России", статьи о Польше и России в пользу последней. В издании французского социолога Ф. Ле-Плэ его привлекли похвалы русской общине, у В. Рия – его "крайняя преданность сельскому охранительному началу и национальной физиономии". У А. де Токвиля ему импонировали высказывания против, по выражению самого Леонтьева, "излишеств" демократии во Франции и Америке [9. С. 215–216].

В связи с Восточным вопросом Леонтьева интересовал не только православный, но и исламский мир. Он считал, что мусульманская цивилизация может быть погублена европейским просвещением, а ее гибель приведет к уменьшению духовного богатства (понимаемого как разнообразие) всего человечества. Исламский мир, полагал мыслитель, способен к самобытному обновлению, но для этого ему нужно очистить Балканы и предоставить тамошним христианам возможность развиваться самостоятельно. Благодаря уходу из Европы мусульманская цивилизация избавится от опасности "стать жалким лакеем Запада" [26. С. 283].

Османь, полагал Леонтьев, *должны* будут отступить за Босфор, ибо против них действует общая направленность исторического процесса. Они уступают в силе своим противникам – России и балканским христианам, составляющим большую часть населения полуострова, не в пользу турок были и "раздоры слепых дураков – европейцев" [29. С. 210]. Однако желательно, чтобы османь ушли без катаклизмов и потрясений, "посредством общих реформ". С этой целью, считал Леонтьев, Россия должна стать их союзником, их самым искренним и верным другом и, пугая и турок, и христиан Австрией и Германией, подвигать османскую администрацию к медленным, но прочным политическим преобразованиям. Тогда, лет через 25–50, рассчитывал он, христиане наберутся гражданской зрелости, возьмут в свои руки все дела управления, и "султан, быть может, без пролития капли крови русской и турецкой уйдет за Босфор, оставаясь *и в Азии нам другом*" [29. С. 211].

Как видим, проект Леонтьева был реформистским, проникнутым тем умеренно-либеральным духом, против которого он сам с середины 1870-х годов неистово восставал. Составив его, мыслитель изменил своему всегдашнему эсте-

тизму, требовавшему борьбы и битв, в пользу пацифизма и гуманизма. Но этот план Леонтьева, как и многие другие, осуществлен не был. События на Балканах всего через несколько лет после того, как мыслитель “озвучил” свой проект в письме к царскому дипломату Ф.Р. Остен-Сакену, пошли совершенно иным путем – гораздо более коротким и кровавым: “эстетика жизни” одержала победу над реформизмом. К этому времени план Леонтьева уже устарел – благодаря восстановлению военно-политической мощи России, оправившейся от последствий Крымской кампании, и росту национально-освободительных движений в турецких владениях. Соединение этих факторов шансов на воплощение в жизнь данного проекта практически не оставило.

Взгляды мыслителя на славян и греков с течением времени трансформировались, теряли оптимистическую настроенность и славянофильскую окраску. Перемены в общественно-политических взглядах К.Н. Леонтьева были следствием изменений в его мировоззрении и жизненной философии, вызванных различными причинами интеллектуально-психологического характера. Прежде всего они коснулись отношения к религии. В конце 1860-х годов у Леонтьева начался все более обостряющийся духовный кризис, который разрешился в 1871 г. обращением мыслителя в глубинное, “личное”, как он его назвал, православие. После этого взгляды Леонтьева принципиальных изменений уже не претерпевали и он, по его же признанию, вышел на свой собственный путь и в беллетристике, и в социологии, и в политике [30. С. 28].

Ко времени последней в сознании мыслителя “переоценки ценностей” особую остроту в восточной политике России приобрел так называемый греко-болгарский вопрос – проблема взаимоотношений между Константинопольской патриархией и болгарской национальной церковью (см.: [1. С. 793–794; 2. С. 39–44]). Для Леонтьева этот вопрос стал делом исключительной важности, поскольку он непосредственно касался судеб православной церкви, ее будущности, а также будущности России и всего славянства. По словам С.Н. Дурылина, “частный вопрос текущей политики заставил Леонтьева задуматься над основами исторического процесса, поскольку он выявляется в судьбах греко-славянского мира во главе с Россией, а затем и во всем просторе всемирной истории” [31. С. 472]. В эволюции его позиций по греко-болгарскому вопросу четко прослеживается эволюция леонтьевского мировоззрения в целом; размышления о греко-болгарском вопросе способствовали окончательной ревизии отношения мыслителя к славянству, а также к славянофильству, к панславизму и к политическому национализму вообще. Поэтому на проблеме изменения взглядов Леонтьева на греко-болгарский спор следует остановиться подробнее.

До начала 1870-х годов Леонтьев, как и подавляющее большинство образованных русских, в греко-болгарском конфликте был скорее на стороне болгар, чем греков, хотя, в отличие от своих соотечественников, очарован этим славянским народом не был, а весьма скептически отзывался о его лидерах и о болгарской интеллигенции в целом [32. С. 129–130]. Исполняя обязанности консула, он неоднократно оказывал поддержку болгарам [1. С. 582]. Затем, когда Леонтьев перебрался на Афон, он, учась у афонских монахов основам православного послушания и проникаясь от них “истинным духом Церкви” (см.: [1. С. 706]), перестал считать болгар абсолютно правыми в этом споре. Однако, как об этом можно судить по его более поздним высказываниям, в том числе – публицистическим, он все еще полагал, что истины больше на стороне болгар, и последние “несравненно правее” греков [1. С. 42]. В своих работах на данное обстоятельство обращал внимание В.И. Косик (см.: [2. С. 44; 33. С. 124–125]).

Между Леонтьевым и русским послом в Константинополе, графом Н.П. Игнатьевым, по поводу греко-болгарского дела возникли противоречия [34. С. 209–210]. Последний был убежденным панславистом. Ему казалось, что историческая миссия России заключается в том, чтобы “сбирать и сохранять для себя славян, не уступая никому добровольно пяди славянской земли” [35. С. 35], и в любом конфликте славянских и неславянских народов он неизменно выступал на стороне славян. Увлечение Игнатьева идеями панславизма отмечали русский дипломат Ю.С. Карцов и Д.А. Милютин (см.: [36. С. 10; 22. С. 229]), военный министр в 1861–1881 гг.

В конце 1872 г. Леонтьев поселился в османской столице. Там его отношение к греко-болгарской распре изменилось еще сильнее. Это произошло, во-первых, потому, что в Константинополе Леонтьев узнал подоплеку данного конфликта, его “тайные пружины” (см.: [1. С. 81]). Во-вторых, он получил политическую “свободу рук”, выйдя в отставку с должности консула и став с 1 января 1873 г. лицом неофициальным. Третий и, пожалуй, главный фактор, способствовавший быстрой эволюции позиций Леонтьева в греко-болгарском вопросе – регулярное общение его с ректором и профессорами Халкинской богословской академии, неподалеку от которой он жил. Халкинские богословы познакомили его с церковными канонами и администрацией, с состоянием Церквей на Востоке [1. С. 706], что заметно помогло переходу Леонтьева к строго-православным взглядам, ортодоксии, отстаиваемой священноначалием Константинопольской патриархии. Именно в Царьграде Леонтьев, “взволнованный и огорченный теми размерами, которые приняла греко-болгарская распря”, впервые, по его словам, начал прозревать “вовсе не церковные и не богомольные цели ... болгар” [1. С. 582]. Действительно, лидеры болгарской интеллигенции использовали церковную борьбу не для осуществления какой-либо религиозной задачи, а для национальной эмансипации, и сделали значительный шаг на пути к превращению своей родины в независимое самостоятельное государство. Таким образом, существо вопроса было национально-политическим, и лишь по форме он являлся церковным (см.: [22. С. 184]).

Леонтьев “с ужасом понял тогда и глубокий индифферентизм болгар (по отношению к православию. – С.Х.), и полупростодушие, полумерзость наших русских надежд и затей, и удивительную твердость и смелость греческого духовенства” [1. С. 668]. Его разногласия с Игнатьевым в 1872 г. усилились [34. С. 215]. В чисто славянских сочувствиях русских официальных лиц и русской обществу, в первую очередь славянофильской, Леонтьев увидел давно уже ненавистный ему самому “*всесмесьительный, радикальный европеизм*”. Как человек, привыкший и к политической практике, и к пониманию общегосударственных вопросов, он стал находить опасным “*сдвигать нашу вековую политику с привычного, векового пути греко-русского единения*”, как русский гражданин-патриот, возмущался тем, что “*мощные представители Императорской России, графы и князья наши (Н.П. Игнатьев и А.М. Горчаков. – С.Х.), тянутся боязливо – по следам каких-то славянских халуев-демагогов*”. В отделении болгар от Вселенской Царьградской церкви он увидел “*весьма резкие признаки начинающегося у нас на Православном Востоке вторичного смесьительного разложения*” [1. С. 669]. При этом болгары, по его мнению, “*не только отложились своевольно от патриарха (т.е. вопреки его запрещению), чего не сделали в свое время ни Россия, ни Сербия, ни Румыния, но и преднамеренно искали раскола, преднамеренно всячески затрудняли мирный исход, чтобы произвести больше политических захватов*” [1. С. 81]. Он пришел к мысли, что “*просто великий*

грех нарушать так сознательно, лукаво и преднамеренно уставы Церкви, как нарушали их болгарские либеральные вожди по соглашению с турками, обманывая и свой простой народ, и нашу дурацкую интеллигенцию” [37. С. 460].

Споры с болгарами и греками убедили его в том, что первые канонически абсолютно не правы, и Леонтьев решил, что Россия слишком открыто потворствует “их необузданности и коварству” [1. С. 706]. Следует уточнить, что в данном вопросе он был сторонником не греков как таковых – это, по его же словам, было бы слишком глупо – а “*Патриарха Вселенского и вообще духовенства Восточного*”, и защищал их Леонтьев от “либерального посягательства болгарских демагогов, захвативших ... церковные дела в свои хамовато-европейские руки” [37. С. 459].

Однако и самим грекам, представлявшим Константинопольскую патриархию, Леонтьев даже в 1873–1874 гг. еще не вполне верил и несколько колебался в своих оценках. Только знакомство со статьями по церковному вопросу Т.И. Филиппова и высказываниями митрополита Московского Филарета окончательно закрепило его убежденность в большей, чем у болгар, правоте царьградского духовенства [38].

Тем не менее, Леонтьев отнюдь не превратился в болгарофоба: простые болгары в его “восточной” повести “Египетский голубь”, написанной уже в 1881 г., изображены с любовью и не менее теплыми и колоритными красками, нежели представители других балканских народов (см. [26]).

В этот же период, и довольно скоро, под впечатлением антипатии, которую внушили ему *руководители* болгарского раскола в Восточной церкви, Леонтьев окончательно отошел от веры в славянство, разочаровавшись в возможности зарубежных славян – как южных, так и, тем более, западных, создать какую-либо оригинальную культуру, а ранее ведь именно это более всего притягивало его к славянству. “В славянофильстве не столько *сами славяне* важны, сколько то, что в них есть особенного славянского, отделяющего нас от Запада... славянофил истинный не славян во что бы то ни стало и *во всех формах* должен любить, а именно это *особое* культурно-славянское... *Дело в своей культуре, а во все не в славянах*” [39. С. 445], – писал он вскоре после возвращения на родину.

Окончание пересмотра отношения мыслителя к славянам и формирования специфически леонтьевских взглядов на них можно отнести к 1874 г., когда он вернулся в Россию и потерпел фиаско в попытке найти понимание и поддержку у лидеров тогдашнего славянофильства – И.С. Аксакова и кн. В.А. Черкасского. Это избавило его от последних надежд на те чисто умозрительные славянофильские теории, которые у него в то время еще сохранялись. Ко времени завершения работы над опубликованным в 1875 г. вариантом эссе “Византизм и славянство” (осень–зима 1874 г.) переход мыслителя на обновленные идейно-мировоззренческие позиции закончился полностью, и он стал “тем самым Леонтьевым”, чьи взгляды столь активно изучаются в России на протяжении последних 10–15 лет множеством философов, социологов, политологов, культурологов, и, пока еще в меньшей степени, историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.
2. *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997.
3. *Хатунцев С.В.* О переходе Константина Николаевича Леонтьева на консервативно-охранительные позиции // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 9–28.

4. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912. Т. 1.
5. *Леонтьев К.Н.* Хризо // Русский вестник. 1868. Т. 76. № 7.
6. *Державин Н.С.* История Болгарии. М.; Л., 1947. Т. III.
7. История Югославии. М., 1963. Т. I.
8. *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.
9. *Леонтьев К.Н.* Записка о необходимости литературного влияния во Фракии // Русия и българското национално-освободително движение: 1856/1876. София, 1990. Т. II.
10. *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. М., 1992.
11. *Коноплянцев А.М.* Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911.
12. *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). М., 2003.
13. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. СПб. 1913. Т. 9.
14. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.
15. *Искра Л.М.* Б.Н. Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж, 1995.
16. *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989.
17. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого. М., 1992. Вып. 2.
18. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.
19. *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб., 2000.
20. *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа в Царстве Польском. М., 1962.
21. *И[в.–н] Руссопетов (К.Н. Леонтьев).* С Дуная // Одесский вестник.
22. *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX века. М., 1970.
23. *Сенкевич И.Г.* Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970.
24. *Вяземская Е.К., Данченко С.И.* Русско-греческие отношения (последняя четверть XVIII – начало XX в.) в трудах советских историков // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. Балканские исследования. Вып. 11.
25. *Кифос Э.* Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. Балканские исследования. Вып. 11.
26. *Леонтьев К.Н.* Египетский голубь. М., 1991.
27. *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII – 90-е гг. XX в. М., 1998.
28. *Пападопулос С.* Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. Балканские исследования. Вып. 11.
29. Российский архив. 1999. Вып. 9.
30. *Александров А.А.* Памяти К.Н. Леонтьева. I. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. II. Сергиев Посад, 1915.
31. *Дурылин С.Н.* Примечания // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24.
32. *Хатунцев С.В.* К.Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историограф. Отечества. Воронеж, 2001. Вып. 3.
33. *Косик В.И.* К.Н. Леонтьев: болгарская тема – pro et contra // Славянский альманах 1997. М., 1998.
34. *Губастов К.А.* Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911.
35. Записки графа Н.П. Игнатьева // Исторический вестник. 1914. № 1.
36. *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. Пг., 1915.
37. Из воспоминаний К.Н. Леонтьева // Лица. Биографический Альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6.
38. *Леонтьев К.Н.* Письмо к Т.И. Филиппову от 16 II 1887 г. // РГАЛИ. Ф. С.Н. Дурылина. Машинописная копия.
39. *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24.

© 2007 г. И. В. КРЮЧКОВ

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ВЕНГРИИ В НАЧАЛЕ XX В. (1903–1912 ГГ.)

Российские дипломаты всегда очень тщательно подходили к анализу состояния дел в венгерской половине Дунайской империи. Кроме традиционного сбора сведений о стране местопребывания дипломатической миссии, здесь проявлялось и несколько специфических факторов. Первое – это отношение к Австро-Венгрии, как вполне вероятному противнику, с которым рано или поздно Россия может вступить в боевые действия, что требовало наличия всесторонней информации об экономическом потенциале империи, без чего не возможно было проводить стратегическое планирование сценария возможного вооруженного конфликта. Военное ведомство России являлось одним из основных потребителей информации, поступавшей из Генерального консульства России в Будапеште. Необходимо отметить, что военное ведомство стремилось и самостоятельно собирать сведения об Австро-Венгрии, используя связи и контакты военно-морского и военного атташе, состоявших в посольстве России в Вене.

Территория Австро-Венгрии вплотную примыкала к границам Российской империи, что лишний раз актуализировало для российского политического и военного истеблишмента значимость изучения в том числе и ее венгерской половины и ее экономики. В России внимательно следили за экономическими успехами Венгрии, которая являлась основным производителем продовольствия в Австро-Венгрии. Кроме того, в Венгрии развивались новые высокотехнологичные отрасли промышленного производства и, прежде всего, электротехническая и оборонная [1. Ед. хр. 576. Л. 60]. Венгрия добывала полезные ископаемые, имеющие исключительное военно-стратегическое значение, и в данной связи Россию интересовала также ее металлургическая промышленность. Кроме этого в России уделялось внимание развитию транспортной инфраструктуры страны, включая возможности порта в Фиуме. Это напрямую было связано с оценкой мобилизационных способностей Австро-Венгрии и ее армии. В случае всевропейского военного конфликта Венгрия в силу своего географического положения находилась бы между российским и балканским театрами боевых действий, и от ее транспортных систем во многом зависела скорость передвижения войск империи Габсбургов.

Однако венгерская экономика привлекала внимание не только российских дипломатов и военных, но и представителей российского бизнеса. В конце XIX в. экономические взаимоотношения России и Венгрии начинают постепенно вы-

ходить из состояния ступора. И хотя их объем был еще незначителен и не соответствовал экономическому потенциалу двух стран, и в Венгрии, и в России среди значительной части представителей бизнеса проявлялся взаимный интерес. Поэтому деловые круги России требовали от дипломатов полной информации о развитии экономики страны.

Интерес к Венгрии подогревался еще одним обстоятельством. Развитие экономик двух стран совпадало по многим позициям. Россия и Венгрия сравнительно поздно вступили на путь индустриализации, в обеих странах аграрный сектор и соответственно аграрный экспорт имели исключительное значение, и в Венгрии, и в России остро стояла задача модернизации сельского хозяйства, обе страны сильно зависели от внешних инвестиций.

Тревожные события 1903 г. в Триедином королевстве на время отодвинули внимание российского консульства в Будапеште от состояния дел в экономике Венгрии в целом. Санкт-Петербург интересовали причины антимадьярских выступлений в Хорватии, истоки которых стремились найти Генеральное консульство в Будапеште и консульство в Фиуме. По мнению российских дипломатов, работавших в Венгрии, хорвато-венгерское соглашение 1868 г. делало Триединое королевство практически бесправным в экономической сфере. Загреб оказался в полной экономической кабале у венгерского правительства. Такая политика вела в конечном итоге к разорению Хорватии, и главную роль в этом играли непосильные налоги [1. Ед. хр. 1506. Л. 25]. Страна оказалась на грани банкротства. Тяжесть экономического положения Хорватии не мог не признать премьер-министр Венгрии К. Куэн-Хедервари [1. Ед. хр. 578. Л. 95].

Сильный удар по экономике Хорватии наносила неопределенность ее будущих взаимоотношений с Венгрией. С этим утверждением Генерального консульства можно полностью согласиться. Серьезные инвесторы не станут вкладывать средства в территории, отличающиеся политической нестабильностью. Особое место дипломаты среди причин обострения ситуации в Триедином королевстве отметили нарастание эмиграции хорватов в страны Нового света [1. Ед. хр. 578. Л. 94]. Национальная элита очень болезненно реагировала на данный факт, опасаясь “дехорватизации” Хорватии в связи с оттоком населения. Вопросы эмиграции в это время бурно обсуждались и в самой Венгрии. В одном из донесений российских дипломатов отмечалась резкая реакция венгерских клерикалов на бездействие правительства в решении данной проблемы, они призывали власти срочно принять меры по ограничению выезда населения за пределы Венгрии. Особо они обрушились на евреев, проживавших в северо-восточных комитатах страны, которые на взгляд клерикалов нещадно эксплуатировали местное население, вынуждая его покидать Венгрию при попустительстве правительства [1. Ед. хр. 578. Л. 13].

В депеше от 17 июня 1903 г. генеральный консул в Будапеште князь А. Львов попытался проанализировать разрозненные факты и создать целостную картину причин и последствий беспорядков в Хорватии. Он был абсолютно убежден в том, что главная причина нового обострения хорвато-венгерских отношений кроется в экономических факторах. По его мнению, все основные экономические проблемы Хорватии заключались в следующем: 1) акцизные доходы от алкоголя, пива, сахара, керосина, минуя Загреб, уходили в бюджет Венгрии; 2) железнодорожная система Хорватии находилась под полным контролем Венгрии, что в большей степени отвечало интересам Будапешта, поэтому хорваты не могли добиться строительства прямой железной дороги от Земплина до Фиуме [1. Ед. хр. 578. Л. 107]. Таким образом, экономические противо-

речия привели к серьезным трениям между Загребом и Будапештом. Правда, в отличие от многих дипломатов и политиков, Львов полагал, что новый виток обострения хорвато-венгерских отношений не представлял значительной угрозы для целостности Венгерского королевства. В данном отношении он был полностью согласен с Куэн-Хедервари, который в парламенте страны заявил, что конфликт с Хорватией не имеет серьезной подоплеки и что для его решения следует всего лишь отрегулировать финансовые взаимоотношения Венгрии и Хорватии [1. Ед. хр. 578. Л. 118].

В целом политическая нестабильность в Хорватии, наряду с разногласиями Венгрии с Австрией по поводу нового экономического соглашения двух половин империи Габсбургов, сказала самым негативным образом на экономике Венгрии, и это нашло отражение в сообщениях российских дипломатов. В качестве подтверждения своих слов они приводили ряд аргументов (падение сбора прямых налогов на 4 млн крон, гербового сбора на 700 тыс. крон, падение котировок венгерских ценных бумаг) [1. Ед. хр. 578. Л. 172].

Традиционно в структуре российской внешней торговли экспорт аграрной продукции занимал лидирующие позиции. С последней трети XIX в. российские товаропроизводители испытывали сильную конкуренцию со стороны США, Канады и стран Центрально-Восточной Европы. Поэтому дипломатические представительства за рубежом активно занимались сбором информации о состоянии дел на мировом аграрном рынке. Венгрия, будучи крупным экспортером зерна и мяса, конкурировала с российскими экспортерами в Германии, Франции, Великобритании. В силу этого Генеральное консульство в Будапеште внимательно отслеживало положение дел в сельском хозяйстве Венгрии. В 1903 г. российские дипломаты констатировали ряд качественных изменений. Прежде всего, это относилось к децентрализации хлебной торговли в стране, что, по мнению российских дипломатов, привело в конечном итоге к падению роли Будапешта в торговле зерном и особенно мукой на мировых рынках. Потребителям стало выгоднее приобретать муку непосредственно на мельнице, чем на оптовом складе, что привело к росту ее производства в Венгрии, ограничиваемого, правда, по мнению А. Львова, нехваткой складов и таможенной войны с Германией [2. С. 375–376]. Венгерский пример, где товаропроизводители все больше переходили на производство и экспорт муки, отказываясь от экспорта зерна, был весьма поучителен для России. Экспорт муки был более выгодным занятием, и России безотлагательно требовалось развивать свое мукомольное производство и экспорт муки, как это сделала Венгрия.

В 1903 г. А. Львов констатировал падение в Венгрии деловой активности, что самым негативным образом сказывалось на экономическом положении страны. С 1900 г. в Венгрии неуклонно сокращалось количество предприятий, открытых в течение года. В 1900 г. – 48, 1901 г. – 30, 1902 г. – 24, 1903 г. – 16 [2. С. 384]. Это говорило о серьезном кризисе. Об этом же свидетельствовало сокращение импорта Венгрией керосина, что отчасти объяснялось увеличением его поставок из Австрии, но значительную роль в данном явлении сыграл и промышленный спад.

Начало 1904 г. ознаменовалось первыми реальными шагами правительства Венгрии по стабилизации экономики Хорватии. Они включали выделение из бюджета Венгрии средств для ликвидации дефицита бюджета Хорватии в размере 3 млн крон. В целом Генеральное консульство России в Будапеште отнеслось с одобрением к данному шагу Будапешта, но оно видело в этом решение сиюминутных проблем, не устранявших основных предпосылок для возникновения экономического кризиса в Хорватии в будущем.

События, связанные с началом русско-японской войны, на время отвлекли внимание российских дипломатов от проблем развития венгерской экономики, их больше интересовала реакция венгерской общественности на войну и влияние политических последствий войны на позиции России в Венгрии.

Особое беспокойство у российских дипломатов вызвали слухи о возможной закупке Японией в Венгрии лошадей и военного снаряжения. Еще больше их насторожили слухи о размещении Японией заказа на производство 2000 торпед на заводе Уатхеда в Фиуме [1. Ед. хр. 1057. Л. 6–8]. Российскому консульству в Фиуме было поручено четко отслеживать информацию по данному поводу. Большинство слухов и предположений не подтвердились.

Вторая проблема, которая привлекла внимание дипломатов, – это развитие венгеро-сербских отношений после переворота в Белграде 1903 г. Генеральное консульство подробно информировало Санкт-Петербург о посещении Венгрии делегацией сербских предпринимателей летом 1904 г. Визит прошел в очень доброжелательной обстановке, проявлением уважения к делегации сербов стало присутствие на прощальном банкете министра земледелия Венгрии. Во время визита делегации на всех уровнях звучали призывы к развитию двухсторонних экономических связей между Венгрией и Сербией. Во всех этих реверансах дипломаты вычленили повторявшиеся несколько раз заявления о том, что полноценному развитию экономического сотрудничества между Венгрией и Сербией мешает конкуренция австрийских товаров с венгерскими на сербском рынке [1. Ед. хр. 579. Л. 88].

Без внимания Генерального консульства не остался провал всеобщей забастовки железнодорожников Венгрии, которые требовали повышения заработной платы. По мнению консульства, причина провала стачки заключалась в том, что подавляющее число жителей страны поддержало меры правительства, направленные на ее подавление [1. Ед. хр. 579. Л. 37–39].

В целом в экономике Венгрии в 1904 г. А. Львов не отметил особых позитивных перемен по сравнению с предыдущим годом. В сельском хозяйстве из-за засухи был отмечен спад, и даже рост цен на зерно после начала русско-японской войны не мог компенсировать полностью потерь венгерских аграриев. В 1904 г. они недополучили почти 500 млн крон [3. С. 455]. Вторым тревожным симптомом для венгерской экономики являлась все большая зависимость промышленных предприятий страны от финансовой помощи со стороны государства, что, по мнению генконсула в Будапеште, показывало слабость некоторых секторов промышленного производства в Венгрии [3. С. 461–462]. Однако это не мешало консулу отметить и ряд положительных моментов. Уже несколько лет А. Львов констатировал серьезные качественные изменения в сельском хозяйстве Венгрии, выводившем его из состояния патриархальности. Модернизацию аграрного сектора страны не мог остановить даже экономический кризис. На этот раз внимание консула привлек рост поголовья производительных пород скота, закупленных за границей и выведенных венгерскими селекционерами [3. С. 459]. В России эта проблема стояла остро. Малопродуктивный скот российских крестьян являлся тормозом для развития животноводства в стране. Поэтому, собирая зарубежный опыт, правительство России стремилось переломить эту негативную тенденцию, и в данной связи венгерский опыт представлялся весьма ценным.

Новое обострение отношений венгерской национальной оппозиции с короной и Венгрии с Австрией в 1905 г. по вопросу заключения нового экономического соглашения заставили российских дипломатов заняться изучением причин

и последствий данных явлений. Князь А. Львов пришел к весьма примечательному выводу. По его мнению, за действиями венгерской оппозиции и антиавстрийских сил стояло “всесильное еврейство” Венгрии, которое стремилось к полному экономическому отделению Австрии от Венгрии [1. Ед. хр. 580. Л. 5]. Антисемитизм являлся отличительной чертой генерального консула России в Будапеште. Он традиционно обвинял еврейскую общину Венгрии во всех смертных грехах, видя в ней главный источник распространения в Венгрии антироссийских настроений. В еврейях генеральный консул находил ведущую и антиавстрийскую силу страны, хотя это было отнюдь не так. Некоторая часть еврейской общины Венгрии действительно поддерживала венгерских националистов. Однако основная часть занимала вполне лояльные позиции по отношению к короне и Австрии, выступала в качестве одной из интегрирующих сил Дунайской империи. Реагируя на действительно происходившее усиление еврейского элемента в венгерской экономике, Львов в одном из своих последних сообщений пришел к тенденциозному выводу, что вся экономика Венгрии в той или иной мере оказалась в руках евреев: “Сеи последние (евреи. – *И.К.*) в силу своего материального благосостояния завладели всеми функциями как экономической, так и политической жизни королевства (Венгрии. – *И.К.*)” [1. Ед. хр. 581. Л. 105].

В целом российские дипломаты в 1905–1907 гг. довольно скептически оценивали перспективы дальнейшего развития экономического союза Венгрии с Австрией, отмечая из года в год рост количества его противников среди венгерской деловой и политической элиты [1. Ед. хр. 581. Л. 28, 46]. В то же время они и не исключали возможности нахождения неких компромиссов между Венгрией и Австрией по экономическим проблемам. Хотя, даже если такие компромиссы и будут найдены, они, по мнению российских дипломатов, не будут носить стратегический характер. В любом случае Венгрия, как они считали, постепенно будет экономически отделяться от Австрии.

Большое внимание в сообщениях за 1907 г. Генеральное консульство в Будапеште уделило положению сербов в Венгрии. Этот интерес был неслучаен. В 1906–1907 гг. работа очередного национально-церковного собора сербов зашла в тупик, острая конфронтация сербских радикалов с духовенством поставила под сомнение дееспособность самой автономии сербов Венгрии. В Будапеште стали обсуждаться возможные варианты ее ликвидации или приостановления. В своих аналитических отчетах российские дипломаты снабжали Санкт-Петербург исчерпывающей информацией об истории сербов Венгрии, характере их автономии и современном положении. Разумеется, они не обошли стороной и экономическое положение сербов, оценивавшееся в целом положительно, особенно в сравнении с другими славянскими регионами страны. В отличие от остальных славянских земель Венгрии, землевладение сербов росло, им в основном принадлежали плодородные земли в Хорватии и Южной Венгрии. Главную причину такого положения дел дипломаты усматривали в широком развитии кооперативного движения среди сербских землевладельцев [1. Ед. хр. 581. Л. 14]. Им был присущ высокий уровень организации и национальной сплоченности. В стране действовали сербские банки, фирмы, разнообразные объединения предпринимателей, которые ориентировались на оказание помощи сербскому бизнесу. Все это спасало сербов от кабалы ростовщиков и угрозы разорения. Особое внимание обращалось на культивирование в среде сербских бизнесменов и населения в целом пуританского образа жизни (борьба с пьянством, азартными играми, предпринимательская честность и т.д.), который, безусловно, спо-

собствовал экономическим успехам сербов в Венгрии; формированию у них чувства национальной сплоченности, ответственности. Все это позволяло успешно противостоять политике мадьяризации [1. Ед. хр. 581. Л. 15]. Экономическое положение сербов Венгрии, по оценке российских дипломатов, выгодно отличалось от развития хозяйства не только сербов Королевства Сербия, но и остальных народов Венгрии, в том числе венгров (мадьяр).

В 1907 г. сербская тематика еще раз появилась на страницах донесений российских дипломатов из Будапешта. На этот раз она касалась дел внешнеполитических. Новый генеральный консул в Будапеште В. фон Штральборн уделил большое внимание подготовке заключения торгового соглашения между Австро-Венгрией и Сербией. Главное препятствие в деле заключения нового соглашения В. Штральборн видел в позиции венгерских аграриев, которые опасались острой конкуренции на рынках Австрии с сербскими товаропроизводителями [1. Ед. хр. 581. Л. 131]. Поэтому они выдвигали новые требования к сербам, в том числе отказ от ввоза живого скота из Сербии и его транзита в забитом виде. В затягивании заключения торгового соглашения с Сербией В. Штральборн усматривал и политическую подоплеку: осложнение положения правительства Н. Пашича из-за недовольства сербских аграриев кабинетом, что могло привести к его падению. Так оно собственно и произошло, и соглашение было заключено в 1908 г. после отставки Пашича. Оно расценивалось Генеральным консульством России в Будапеште как очень невыгодное для Сербии. От соглашения больше всех выиграли венгерские аграрии, добившиеся существенного ограничения экспорта сербской аграрной продукции в Австро-Венгрию [1. Ед. хр. 582/1. Л. 213]. Правда, это не привело к полной стабилизации сербо-венгерских отношений, о чем не раз докладывали в Санкт-Петербург российские дипломаты [1. Ед. хр. 582/2. Л. 30–37]. Только под давлением общественности венгерский парламент утвердил в 1911 г. торговый договор с Сербией. Многие в Венгрии полагали, что все проблемы с договором начались тогда, когда Сербия заказала артиллерийские орудия для армии не на предприятиях “Шкода”, а во Франции. Таким образом, этот конфликт затрагивал интересы Австрии, а Венгрия должна была “отдуваться” [1. Ед. хр. 584. Л. 2]. Кстати, против ратификации торгового соглашения с Сербией в парламенте Венгрии голосовали только аграрии.

Конец 1907 г. ознаменовался заключением столь долгожданного экономического соглашения Австрии с Венгрией. Конечно, это стало главным событием в политической и экономической жизни Австро-Венгрии. Санкт-Петербург сразу же затребовал полную информацию от своих дипломатических миссий по этому поводу. Генеральное консульство в Будапеште дало свое видение проблемы. На его взгляд, соглашение 1907 г. по сути стало договором двух независимых государств, заменившим таможенный союз, хотя единое таможенное пространство пока сохранялось [1. Ед. хр. 581. Л. 147]. И Австрия, и Венгрия по соглашению получали полную экономическую независимость. Теперь все международные договоры Австро-Венгрии утверждал не только общеимперский МИД, но и представители правительств Австрии и Венгрии. По мнению консульства, соглашение носило компромиссный характер. С одной стороны, Венгрия увеличивала свою долю в общих расходах на 2% и не получала права на строительство железной дороги от Кошшау (Кошице. – *И.К.*) до прусской границы, соглашалась на проведение прямой железной дороги из Австрии в Далмацию, с другой стороны в действии сохранялась железнодорожная тарифная система 1903 г., невыгодная Австрии, к тому же Австрия согласилась увеличить поток грузов и пассажиров по действующим железным дорогам в сторону Пруссии

[1. Ед. хр. 581. Л. 147]. Таким образом, Вена и Будапешт пошли на взаимные уступки. Что же касается перспектив, консульство не бралось делать прогнозы. Соглашение же подтверждало его выводы о неизбежности экономического дистанцирования Австрии и Венгрии.

В 1906–1907 гг. В. Штральборн заинтересовался проблемой положения сельскохозяйственных рабочих в Венгрии. Это не было праздным любопытством. Венгрию то и дело постоянно сотрясали аграрные беспорядки, сама Россия недавно пережила период сельских бунтов в годы первой русской революции. Поэтому консул постарался сам разобраться в сложной проблеме и найти нечто ценное для России. По его мнению, проникновение американского экспорта аграрной продукции в Европу с 70-х годов XIX в. самым негативным образом сказалось на положении сельскохозяйственных рабочих в Венгрии и привело к появлению среди них массовой безработицы. На взгляд Штральборна, правительство Венгрии на рубеже XIX–XX вв. проводило довольно грамотную политику, заручившись поддержкой большинства самих сельскохозяйственных рабочих. Оно организовало переезд рабочих в те регионы страны, где ощущался острый дефицит рабочих рук. Кроме этого, особого внимания заслужила система социального страхования сельскохозяйственных рабочих в Венгрии на случай болезни и потери трудоспособности с 1901 г. Причем значительная часть страхового фонда формировалась из отчислений из бюджета страны, что консул считал положительным явлением [4. С. 507–508].

Появление такого рода отчетов было неслучайным. В это время Россия переживала новый этап модернизации, импульс которой придала деятельность П.А. Столыпина. Ей было необходимо познакомиться с опытом других стран, главным образом близких по уровню развития, к каковым, бесспорно, принадлежала Венгрия. Поэтому вполне логично, что такое авторитетное издание, как “Сборник консульских донесений”, регулярно публиковало отчеты о состоянии дел в венгерской экономике, и прежде всего, в сельском хозяйстве.

Российских дипломатов заинтересовал план социальных реформ, предложенный министром торговли Венгрии Ф. Кошутом. Он предложил объединить все страховые фонды в одну структуру, существенно увеличив число трудящихся, попадающих под действие социальных программ [5. Ед. хр. 40. Л. 2]. Генеральному консульству этот план показался очень интересным и заслуживающим внимания, так как в России социальные противоречия проявлялись довольно остро.

1908 год ознаменовался крупными потрясениями на Балканском полуострове, вызванными аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Кроме политических, этот шаг Дунайской империи имел и определенные экономические последствия. Аннексия привела к бойкоту товаров из Австро-Венгрии в Османской империи и Сербии, особенно эта кампания развернулась в Македонии, где кроме мусульман активное участие в ней приняли и христиане. Генеральное консульство отслеживало и реакцию на бойкот политической и экономической элиты Венгрии, отмечалась озабоченность Будапештской торгово-промышленной палаты по поводу бойкота венгерских товаров [1. Ед. хр. 582/1. Л. 205].

В начале 1909 г. генеральный консул подвел предварительные итоги бойкота. По его мнению, Венгрия пострадала значительно меньше по сравнению с Австрией. И, тем не менее, по его подсчетам, венгерский экспорт в Османскую империю за 1908 г. сократился на 75%. Это притом, что с 1900 по 1907 гг. он увеличился более чем в два раза [1. Ед. хр. 582/1. Л. 260]. Серьезные потери венгерские предприниматели понесли и в Сербии, экспорт в которую сократился на

20%. Позиции Венгрии в Османской империи и на Балканах быстро занимали Италия, Румыния, Россия. Понимали это и в Будапеште, Штральборн привлёк внимание МИД России к одной из статей, опубликованной в “Pester Lloyd” под броским названием “Торговая политика Австро-Венгрии на Балканах”, где утверждалась идея о необходимости укрепления экономических связей Дунайской империи с балканскими народами, в том числе и с Османской империей, как бы этому не противились аграрии. Без этого, по мнению автора статьи, нельзя было говорить об укреплении политических позиций Австро-Венгрии на юго-востоке Европы [1. Ед. хр. 582/1. Л. 238].

Большой резонанс в Санкт-Петербурге вызвало сообщение Генерального консульства России в Будапеште о заключении Венгрией первого самостоятельного международного договора. Это было вполне прогнозируемое событие, которое давало повод для новой волны рассуждений о будущем Австро-Венгрии. Договор был заключен с Италией и касался вполне рядовой темы – о взаимном страховании рабочих в Венгрии и Италии. В Венгрии насчитывалось 1200 рабочих из Италии, и в Италии находилось несколько сот венгров, поэтому этот договор был крайне необходим. Но на него никто не обратил бы внимание, по мнению консула, если бы он не был подписан, минуя общеимперский МИД к большому недовольству Вены [1. Ед. хр. 582/1. Л. 102]. Что же это было – путь к окончательному развалу империи Габсбургов или новая форма интеграции Австрии и Венгрии? Генеральный консул уходил от ответа на данный вопрос.

В 1910 г. российские дипломаты в Будапеште обратились к довольно злободневной для Дунайской империи проблеме – раздел единого Австро-Венгерского банка на две части (австрийскую и венгерскую). Этого особенно добивалась венгерская национальная оппозиция. Дипломаты относились к этой идее весьма скептически, видя в ней больше популизма, чем здравого смысла: от ее реализации проиграла бы только Венгрия, на которую приходилось 2/3 всех векселей, в основном венгерских аграриев, 80% залоговых операций. На их взгляд, венгерская экономика значительно слабее австрийской, поэтому ее банк будет слабым, тем более что Венгрия лишится в случае раздела Австро-Венгерского банка доступа к дешевым государственным кредитам, без чего она не сможет успешно развиваться [1. Ед. хр. 583. Л. 25]. Генеральный консул полагал, что большинство венгров и особенно деловые круги это прекрасно понимали. Поэтому он не верил в возможность раздела Банка Австро-Венгрии в ближайшей перспективе, несмотря на все попытки части политической элиты Венгрии добиться финансовой независимости от Австрии.

В этой же связи консул рассматривал и попытки Венгрии разместить заем в 560 млн крон в Париже. Как только в Будапеште возник этот план, генеральный консул сразу же доложил об этом в Санкт-Петербург. По его мнению, Венгрия заставило это сделать катастрофическое финансовое положение страны, связанное с провалами в налоговой политике, в результате чего бюджет страны не дополучил значительные средства [1. Ед. хр. 583. Л. 89]. Правительство Франции оказалось в затруднительном положении. Ряд политиков и финансистов предлагали удовлетворить этот запрос Венгрии, полагая, что тем самым Венгрия будет постепенно сближаться с Францией и ее союзниками, при этом следовало только четко оговорить, что кредитные средства должны были идти лишь на финансирование экономических проектов, не связанных с военным ведомством. Но большинство представителей французской элиты относилось отрицательно к такого рода планам, считая, что любая помощь врагу будет в ко-

нечном итоге направлена против Франции и России, тем более что всегда трудно провести четкую границу между гражданскими и военными проектами. Эта точка зрения в конечном итоге и победила. В Венгрии данное известие привело к большому разочарованию. Консул полагал, что этот отказ на долгое время похоронил надежду на получение реальной финансовой автономии Венгрии, еще больше привязывая ее к Австрии. Отказ на размещение займа способствовал и очередному распространению в Венгрии русофобских настроений, так как венгры подозревали, что за провалом займа стоит и позиция России [1. Ед. хр. 583. Л. 135].

В одном из донесений за 1911 г. российские дипломаты проанализировали развитие акционерных обществ в Венгрии с 1874 г.: с 380 до 6000. Однако, на их взгляд, за этими количественными характеристиками крылась одна большая проблема для Венгрии. Многие акционерные общества не имели значительной капитализации, некоторые из них находились на грани выживания и, если бы не помощь со стороны государства, они бы просто разорились [1. Ед. хр. 584. Л. 72]. Это отражало общую для Венгрии тенденцию – острой нехватки внутренних и иностранных инвестиций.

Новый 1912 г. оказался напряженным в истории Венгрии и ее ближайших соседей. На Балканах постоянно витала угроза новой широкомасштабной войны, способной дестабилизировать всю ситуацию на полуострове. Амбиции Сербии и других государств Балканского полуострова настораживали Будапешт. Периодически в Австро-Венгрии распространялись слухи о возможности начала войны между Дунайской империей и Сербией. Все это самым негативным образом сказывалось, по мнению российских дипломатов, на экономическом развитии Венгрии. То и дело приходили неутешительные новости с фондовой и зерновой бирж Будапешта [1. Ед. хр. 585. Л. 123]. Ситуацию усложнял неурожай в стране. На взгляд нового российского консула в Будапеште князя Маврокордато, в Венгрии сложилось особенно критическое положение в финансовой сфере. В преддверии войны население страны кинулось изымать средства из кредитных учреждений. Это потянуло за собой вниз котировки акций ведущих венгерских банков. В качестве примера консул приводил курс акций “Венгерского кредитного банка”: если в июле 1912 г. одна акция банка стоила 847 крон, а в ноябре – 786 крон, то в середине декабря – 763 кроны [1. Ед. хр. 585. Л. 188]. Все это консул расценивал как фактическое банкротство страны.

В 1912 г. Генеральное консульство в Будапеште по заданию МИД России серьезно прорабатывало вопрос, насколько реальна война Австро-Венгрии с Сербией и Россией. Заключение консульства было однозначно – войны не будет. В качестве аргументов приводилось множество доводов, включая и экономические. Консульство полагало, что в Австро-Венгрии, особенно в Венгрии, сложилась неблагоприятная экономическая конъюнктура: биржевой крах, отток золота, дестабилизация финансовой сферы страны [1. Ед. хр. 585. Л. 187]. Это заставляло правящие круги Австро-Венгрии воздержаться от широкомасштабной войны в Европе, поскольку экономика страны не была готова к этому.

Абсолютно новой темой в деятельности Генерального консульства России в Будапеште в 1912 г. стало обсуждение возможности развития российско-венгерских экономических связей. Начало этому процессу положила публикация в январе этого года венгерской газетой “Budapesti Hirlap” статьи, в которой говорилось о необходимости развития экономических и политических связей России и Австро-Венгрии, тем более в условиях набирающей силу американской экономической экспансии на европейском континенте. Генеральное консульство от-

неслось к этой в известном смысле революционной публикации весьма серьезно. Этому способствовал и характер самого издания. В депеше консульства в Санкт-Петербург отмечалось, что “Budapesti Hirlap” серьезное “нееврейское” издание, близкое к королевскому двору [1. Ед. хр. 585. Л. 2]. По мнению консульства, данная инициатива явно исходила от Вены, которая хотела заручиться поддержкой России на случай оккупации Австро-Венгрии Санджака. Кроме этого, Дунайская империя стремилась обезопасить себя на случай войны с Италией. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что пресловутая “угроза с Севера” (т.е. со стороны России. – *И.К.*), которой Вена постоянно пугала венгров, добиваясь единства империи, больше не работала. Помимо всего, Австро-Венгрия нуждалась во французских кредитах и российском рынке [1. Ед. хр. 585. Л. 4]. Генеральное консульство рекомендовало всячески способствовать развитию добрососедских отношений между двумя империями, если намерения Вены и Будапешта будут искренни, и, прежде всего, экономических связей. Однако на пути развития сотрудничества России и империи Габсбургов Генеральное консульство видело и одну существенную проблему. “Само собой разумеется, что сближение России с Венгрией должно встретить серьезные здесь препятствия, и самое трудное из них – отношение к нам всеильного здесь еврейства...”, – отмечал генеральный консул [1. Ед. хр. 585. Л. 5]. Но даже это препятствие он считал вполне преодолимым, полагая, что МИД и Генеральное консульство должны развернуть мощную пропагандистскую кампанию в Венгрии с целью доказательства миролюбивых настроений России по отношению к Венгрии, вплоть до создания в Будапеште специального информационного бюро, а венгерских евреев следовало привлечь на свою сторону обещанием выгодных экономических контрактов [1. Ед. хр. 585. Л. 5].

Генеральное консульство полагало, что количество сторонников сближения с Россией в Венгрии постоянно увеличивалось, особенно в правительстве страны и среди представителей крупного бизнеса. В это время Россия переживала состояние торговой войны с США, что негативно сказывалось на экономических интересах самой России, особенно болезненным было сокращение импорта сельскохозяйственных машин из США. Генеральное консульство в Будапеште убеждало Санкт-Петербург в том, что Венгрия может отчасти компенсировать России эти потери, наладив производство сельскохозяйственных машин для нужд российской экономики: она имела для этого все необходимые производственные мощности [5. Ед. хр. 51. Л. 4–5].

Кроме обсуждения глобальных проблем, российские дипломаты в Венгрии по-прежнему занимались сбором различных сведений об экономической жизни страны. В частности, консул России в Фиуме проанализировал деятельность в 1911–1912 гг. единственного венгерского порта на Адриатике. Он дал четкий анализ структуры венгерского экспорта и импорта, выделяя основных внешнеторговых партнеров. Консул пришел в результате анализа к неутешительному выводу: российских судов в Фиуме не было, что свидетельствовало о слабости экономических отношений между Россией и Венгрией [6. С. 55].

Таким образом, Генеральное консульство России в Будапеште и консульство в Фиуме старались доставлять в МИД России всестороннюю информацию об экономическом развитии Венгрии. Кроме сбора сведений о вероятном противнике, данное обстоятельство, как уже отмечалось, определялось тем, что Россия переживала во многом сходные проблемы модернизации экономики, особенно аграрного сектора. Правда, российские дипломаты допускали некоторую схематизацию экономических процессов в Венгрии, несколько их упрощая. Так,

с 1903 по 1912 гг., если судить по донесениям консульств, получается, что венгерская экономика находилась в состоянии перманентной депрессии, сопровождавшейся периодическими кризисами, вызванными главным образом нестабильностью на Балканах и неопределенностью взаимоотношений с Австрией. Но факты свидетельствуют о том, что тенденция к экономическому, в том числе промышленному подъему, сохранялась в Венгрии, несмотря на те острые проблемы, с которыми ей приходилось сталкиваться.

Выделяя негативные моменты, в большинстве случаев абсолютно верно, дипломаты зачастую делали неправильные выводы, абсолютизируя значимость отрицательных факторов в экономике Венгрии. Они не замечали того обстоятельства, что эти проблемы постепенно изживались, и, прежде всего, в промышленности. Анализ процессов, происходивших в сельском хозяйстве и социальной сфере Венгрии, был более взвешен. Возможно, это было вызвано тем, что сама Россия нуждалась в серьезных реформах в этих областях, что и предопределило особую тщательность дипломатов при сборе и анализе информации по данным аспектам социально-экономической жизни Венгрии. Здесь венгерский опыт мог быть особенно востребован в России.

Очевидно, в донесениях дипломатов проявилось и то, что исследование основных тенденций и противоречий развития промышленности требовало от них существенной экономической подготовки, которой они не обладали, что наложило отпечаток на их сообщения.

Определенную роль в присутствии некоторой тенденциозности в донесениях российских дипломатов из Будапешта и Фиуме мог сыграть “образ врага”, который всегда незримо присутствовал с обеих сторон в дипломатических взаимоотношениях Вены и Санкт-Петербурга, особенно в условиях обострения борьбы двух соседних империй за сферы влияния на Балканском полуострове в начале XX в. В то же время это не мешало российским дипломатам, работавшим в Венгрии, активно выступать за развитие венгеро-российских экономических связей.

В любом случае донесения российских дипломатов из Венгрии, в том числе о состоянии экономики страны, являются бесценным историческим источником, который уточняет многие факторы развития венгерской экономики, предоставляет весьма интересные статистические данные о развитии хозяйства страны и т.д. Однако здесь не следует забывать и то, что данные источники позволяют внести весомый вклад в исследование глобальной проблемы – формирование образа Дунайской империи в различных типах российского дискурса. Дипломатические документы приобретают особую значимость, так как они создавали образ Австро-Венгрии не только среди представителей политического истеблишмента, но опосредованно через периодику и среди более широких слоев населения. Притом, что население получало только дозируемую информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Политархив. Оп. 482.
2. Сборник консульских донесений за 1904 г. СПб., 1904. Вып. 1–6.
3. Сборник консульских донесений за 1905 г. СПб., 1905. Вып. 1–6.
4. Сборник консульских донесений за 1906 г. СПб., 1906.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 217 Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 40.
6. Донесения Императорских Российских Консульских представительств за границей по торгово-промышленным делам 1913 г. СПб., 1913. Вып. № 26.

© 2007 г. И. Е. АДЕЛЬГЕЙМ

В МИРЕ “РЕАЛА”. МОЛОДАЯ ПОЛЬСКАЯ ПРОЗА И РЕАЛИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШИ

... в мире товаров и потребителей ... – в “Реале” ...

Р. Осташевский

Сетовать по поводу несбывшихся литературных прогнозов – занятие не многим более благодарное, чем сердиться на ошибки метеорологов. То, что произошло в польской прозе после 1989 г., очень напоминает столь часто цитируемые у нас в последнее десятилетие слова Юрия Тынянова: “Литература ... не поезд, который приходит на место назначения. Критик же – не начальник станции. ... заказывать ей бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку” [1. С. 166].

От новой литературы новой Польши (и, в первую очередь, от вступившего на литературную арену молодого поколения – писателей, родившихся в 1960-е годы, а также тех, кто “опоздал” с дебютом) естественно, ожидали, что она станет описывать новую действительность. А поскольку так не случилось, долго и сурово упрекали в том, что она этого не делает. Или делает недостаточно. Критики язвительно напоминали, что вскоре после обретения страной независимости в 1918 г. появились “Генерал Барч” (1922–1923) Юлиуша Кадена-Бандровского (1885–1944), “Роман Тересы Геннерт” (1923) Зофьи Налковской (1884–1954), “Канун весны” (1925) Стефана Жеромского (1864–1925), “Поколение Марека Свида” (1925) Анджея Струга (1871–1937); после окончания Второй мировой войны – “Стены Иерихона” (1946), “Небо и земля” (1949–1950) Тадеуша Брезы (1905–1970), “Боденское озеро” (1946), “Елисейские поля” (1949) Станислава Дыгата (1914–1978), “Медальоны” (1946), “Узлы жизни” (1950) З. Налковской, “Пепел и алмаз” (1948) Ежи Анджеевского (1909–1983). То есть литература отвечала на исторические сломы и перемены в жизни ожидаемой от нее новой тематикой.

Адельгейм Ирина Евгеньевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Атмосферу же, со второй половины 1990-х годов воцарившуюся в критике по отношению к новой прозе, иронически описал польский критик и литературовед Пшемислав Чаплинский: “Думали, все будет иначе. Праздник, разнообразие, в общем, перелом ... Прямо как в анекдоте – мол, обещали шампанское и икру, а подали водку и соленые огурчики” [2. С. 5].

Но, предъявляя подобные претензии к литературной продукции молодых авторов, критика, в частности, выражала потребности читателя-современника, нуждавшегося в хотя бы первичном структурировании хаотических впечатлений от меняющейся на глазах действительности, в получении определенного набора представлений и сценариев поведения, чувствования – эмоциональных и эстетических ориентиров, помогающих выбитому из привычной колеи сознанию адаптироваться к переменам понятийного языка времени и обрести эстетическое самоощущение. До сих пор в ситуациях слома литература эту задачу хуже или лучше выполняла. Что же изменилось?

В сущности, ничего. Так или иначе она и теперь все равно свидетельствовала о происходящем в мире – в том числе, умалчивая о нем. В 1990-е годы в польской прозе место ожидавшихся постсоциалистических реалий действительно заняли другие сюжеты, так или иначе “замешанные” на чувстве ностальгии и проблемах памяти. Это обращение к малой родине – Стефан Хвин (р. 1949), Павел Хюлле (р. 1957), Артур Даниель Лисковацкий (р. 1956), Александр Юревич (р. 1952), Анна Болецкая (р. 1951); пристальное внимание к вешнему миру как некоей самоценности пространства частной жизни – С. Хвин, Марек Беньчик (р. 1956), Анджей Стасюк (р. 1960), Ежи Пильх (р. 1952), А. Юревич, Ольга Токарчук (р. 1962), П. Хюлле; выстраивание “фиктивной” истории и географии пространства – Магдалена Тулли (р. 1955), О. Токарчук, Марек Сеправский (р. 1968); использование мотивов инициации – А. Стасюк, Изабела Филипяк (р. 1961), Гжегож Струмык (р. 1958), С. Хвин, А. Юревич, А. Болецкая, Антоний Либерта (р. 1949), Юрек Зелёнка (р. 1955), П. Хюлле, Томек Трызна (р. 1949), Адам Убертовский (р. 1967), Малгожата Холендер, Зыта Рудзкая (р. 1964) и др. Проза активно, а порой провокационно экспериментировала с жанрами (в частности опробуя – в разных “пропорциях” – сплавы с массовой литературой), с метатекстуальными элементами, бесфабульным повествованием и т.д. (Отметим сразу, что формальные тенденции предыдущего десятилетия в значительной степени развивает и сегодняшняя молодая проза – писатели, родившиеся уже в 1970–1980-х годах. Это, в первую очередь, фрагментарность, цитатность, языковые и жанровые игры – у Доминики Киверской (1979–2001), Малгожаты Дацко, Луции Кшижановской, Даниеля Одийи (р. 1974), Томаша Малышека (р. 1971), Яна Красновольского, Михала Витковского (р. 1975) и др.; склонность к пастишу – у М. Витковского, Мариуша Сеневича (р. 1972), Д. Киверской, Т. Малышека и др.)

Реакция литературы на свободу началась в **большей степени с языкового, чем с фактографического уровня описания** (который – как и традиционные формы его художественного освоения – почти целиком отошел в это время в массовую культуру).

Обращений непосредственно к новым реалиям тогда, в 1990-е годы, оказалось сравнительно немного. Не слишком удачные попытки дать образ новой реальности сделали писатели старшего поколения: Марек Новаковский (р. 1935) в рассказах “Homo Polonicus” (1992) и “Греческий божок” (1993) рисовал распад привычных человеческих связей под напором дикой экономики сво-

бодного рынка. Тадеуш Конвицкий (р. 1926) в романе “Чтиво” (1992) представил гротескный портрет общества, не способного справиться с вождеденной демократией. Петр Войцеховский (р. 1938) в романе “Школа обаяния и выживания” (1994) показал механизмы поведения в современной действительности через историю аферы.

В молодую же прозу жизнь новой Польши если и проникала, то почти исключительно через предметный мир и описание маргинальной действительности. Так, герои А. Стасюка и И. Филипьяк отмечали абсурдное сочетание имитации новой “роскошной”, но по-прежнему не своей жизни – и привычной нищеты: «Косметический салон “Флорида” в деревянной халупе с коричневыми ставнями, музыкальный салон “Манхэттен” в бараке на колесиках, а из-за закрытой двери доносились “Польские Орлы»» [3. S. 60]; «...серость прикрыта слоем пастельных тонов, водопадами вздымаются блестящие банковские интерьеры, вокруг сплошная нуворишевская мишура ... витрины являют собой кошмарную и дорогущую дешевку с вывеской “Сэконд-хэнд, прямо из Италии»» [4. S. 258].

Рисуя противоречивый, чем-то трогательный, но одновременно жалкий пейзаж польской провинции 1990-х годов, Стасюк иронически использовал библейские аллюзии, уподобляя киоск с импортными товарами и его “миниатюрные копии” в домах сельчан алтарю: «На буфетах, на телевизорах, на сверкающих стенках стоят ряды пустых банок из-под пива “Дэб”, коробочки от “Максим Бренди”, ряды пустых упаковок “Голд винер”, “Орэнж Джус” ... Над ними старые пыльные олеографии: святой Иосиф в сепии, Божья Матерь в вылинявшем голубом, черно-белый Папа Римский. Одна-единственная Мария, один-единственный Иосиф, один-единственный Папа, а рядом – такой ассортимент, такое разнообразие» [5. S. 5–6]. В 2000-е годы это очевидное сравнение стало весьма популярным: “Обложится цветными журнальчиками и изучает их, словно Библию, вчитываясь в явления сезонных мод. Апокалипсис от св. Креативщика” [6. S. 31] – “...и вскоре пакеты с рекламой пары булок с котлетой посредине перестанут быть святым причастием” [7. S. 90] и пр.

Среди реалий нового времени были отмечены молодой прозой 1990-х и непременные “русские” барахолки с их жутковатым изобилием, вызывающим аллюзии с диковатой экзотикой, восточными сказками: “Восточная роскошь, сверла и станки, чудо-клей ... сказки тысячи и одной ночи, сезам картонных коробок”; “...все вместе напоминало монгольские шатры, разбитые среди серой полупустыни повседневных предметов” [3. S. 83, 85].

В конце 1990-х годов А. Стасюк, продолжая тему М. Новаковского, разрабатывает также своеобразную мифологию городского маргинала – рисует наступление периферии на центр. В “Двух пьесах (о смерти)” (1998) писатель утверждал, что именно центростремительное движение оказалось для жителей предместий тем ключевым опытом, который позволил им осознать условность любых границ – социальных, нравственных, физических. В романе “Девять” (1999) Стасюк попытался отыскать отправную точку процесса. Он начинался сразу после войны, когда вчерашние сельчане покоряли городские предместья – ненавидя свое прежнее, унижающее их в социальной иерархии пространство, они не могли побороть отвращение и к новому, чуждому. Эта антипатия к месту происхождения и проживания передалась следующему поколению, которое, в свою очередь, двинулось дальше, к центру: “...ничто уже не могло их остано-

вить ... Десятилетиями они ... осуществляли десант ... марш к центру города с его чудесами, блеском и мишурой" [8. S. 97–98].

Однако полноценное описание нового быта и нового сознания объективно оказалось главной **задачей**, а субъективно – **потребностью** следующего поколения. Двадцати-тридцатилетние писатели 2000-х годов обратились, во-первых, уже к **человеческим** судьбам, разворачивающимся в интерьере этих реалий, во-вторых, к **"официальной"** стороне жизни, ее внешним по отношению к человеку обстоятельствам, в которых он принужден жить и которые должен осознать.

Представляется интересным сравнить эти "смежные" поколения, где продолжение соседствует с отталкиванием и в определенной степени намечается совершаемый литературой выбор.

Главный опыт поколения писателей, родившихся в 1970–1980-е годы, – стремительно пройденная граница между двумя системами. С одной стороны, указанные авторы и их героини-повествователи живут в эпоху капитализма, с другой – детскими воспоминаниями (но уже не юношескими, более зрелыми, чем у предшественников) связаны с социализмом. Именно поэтому повседневности постсоциалистической Польши эта генерация уже не может противопоставить романтизм борьбы за независимость, как герои "Заливных лугов" (1999) Петра Семёна (р. 1961), "Мерседеса-бенц. Из писем к Грабалу" (2002) П. Хюлле, "Пути к Бельведеру" (2003) С. Хвина и др.: "...фестиваль свободы, ветер с моря, которым мы так патетически захлебывались, сменившийся ... неизбежным политическим болотом, мукой повседневности, поэзией афер, эпикой обманов, ярмаркой тщеславия, словом, нормальной жизнью" [9. S. 123]. "Экологическая ниша" новых персонажей-повествователей – разве что память о детстве на излете ПНР, а пафос сопротивления сводится к воспоминаниям о пропущенной из-за введения военного положения телепередаче: «...теперь все, кому тогда было девять лет, патриотически завывают, что коммунисты не дали им смотреть "Телеутро" ... И что за это оскорбление следует отомстить, и так им и надо, что их свалили» [7. S. 12].

Отсюда, в частности, – значительно больший, по сравнению с предшественниками, катастрофизм молодой прозы 2000-х годов. Она приносит в польскую литературу – как тему, мотив, названное словом переживание – очень жесткое неприятие современности, отчаянную критику *человеческих* последствий экономического перелома, современной цивилизации, осознание тупиковости подобного существования.

Так, Славомиру Схуты (р. 1973) принадлежит идея создания целого художественного проекта под названием "Схуты™, сделано в Польше". Его сверхзадача – описание современной Польши как общества потребления. Первая книга писателя (сборник рассказов "Новый великолепный вкус", 1999) представляла собой пародию на новую действительность, в которой личность подвергается насилию со стороны беспардонной рекламы, назойливых "торговых акций" и псевдонаучных маркетинговых слоганов. Роман "Тарабарщина" (2001) – своего рода путеводитель по Кракову: мрачная панорама (киоски фаст-фуд, тренажерные залы, солярии и пр.) диссонирует с традиционным образом этого города как европейского культурного центра. М. Витковский назвал книгу "ударом кулаком по столу", увидев в ней проявление настоящего бунта против новой польской реальности, капитализма и потребительства. Сборник рассказов "Сахар в норме" (2002) закрепил за Схуты репутацию автора, описывающего постсоциалистическое общество, которое пытается удержаться "в норме", на поверку

оказывающейся фикцией. “Многоэтажка” (2002) стала первым польским гипертекстуальным романом, который посвящен опять-таки сегодняшней польской повседневности. “Отходняк” (2004) – роман о буднях служащих банка, метафорический портрет ментальности молодого жителя современной Польши в тисках капиталистического предприятия. “Сделано в Польше” – увлекательный и одновременно жутковатый комикс, иллюстрирующий сознание польского обывателя начала XXI в. (“Введение в потребительство”, “Молитва перед большим шопингом”, “Молитва после удачного шопинга” и т.д.), форма которого свидетельствует, в частности, о том, что хотя для **аналитического** описания сознания молодого жителя сегодняшней Польши еще не хватает “голоса” – критериев, иерархии ценностей, но потребность в его художественном осмыслении существует.

Молодые прозаики бунтуют против новой несвободы – обязательной и унифицированной политкорректности – “служебной маски” [10. S. 55], “предусмотренной договором улыбки” [6. S. 95], капиталистической дисциплины и пр. – “Устрица” (2005) М. Дзидо (р. 1981), “Copyright” (2001) М. Витковского, “Отходняк” Сл. Схуты, “Ничто” (2005) Д. Беньковского (р. 1963). Герой “Масалы” (2002) М. Цегельского (р. 1975) уезжает в Индию, не в силах смириться с “завладевшими городом и людьми ... высотками банков, супермаркетами и гипермаркетами” [11. S. 10].

Закономерно появление в 2000-е годы своего рода “нет-повествований”, “нет-монологов”. Таковы “Поругание” (2005) П. Червиньского (р. 1972) с его обилием отрицательных конструкций (начиная с не-посвящения: “Не посвящаю этого никому” [7. S. 5]), “Устрица” М. Дзидо, “Польско-русская война под бело-красным флагом” (2002) Д. Масловской (р. 1983). Роман же Д. Беньковского демонстративно назван “Ничто”.

Именно у самых молодых авторов возникли и своего рода аналоги “производственных романов”: о психологе – “Случай Юстины” (2004) Томаша Пёнтека (р. 1974), о журналисте – “Несколько ночей вне дома” (2002) Т. Пёнтека, о банковском служащем – “Отходняк” Славомира Схуты, о рекламщике – “Апокалипсо” (2004) М. Цегельского, об архитекторе – “Болото” (2004) Т. Пёнтека, о менеджерах крупных корпораций – “Ничто” Д. Беньковского, “Без конца” (2005) Адама Качановского (р. 1976), о шоу-бизнесе – “Плевки королевы” (2005) Д. Масловской, провинциальном бизнесмене – “Лесопилка” (2003) Д. Одийи.

Свидетельством потребности ориентации в мире “ускоренным” литературой путем – через концентрированный ею в слове опыт – оказывается и бытописательская проза (прежде всего сборники рассказов), посвященная будням спальных районов или провинции. “Сахар в норме” Сл. Схуты – ряд жанровых сценок, иронически рисующих повседневные проблемы жителей городской окраины. Герои сборника Марека Кохана (р. 1969) “Баллада о добром качке” (2005) – жители варшавской периферии – качок, безработный, мелкий правонарушитель, охранник, обедневший интеллигент, рекламщики. Сборник “Доля идола” (2005) Р. Осташевского (р. 1972), согласно подзаголовку (“и другие сказки из рая потребителя”), изображает быт сегодняшнего польского обывателя – посетителя распродаж и гипермаркетов, участника чатов, виртуальных игр и реалити-шоу. Д. Одийя в сборнике “Улица” (2001) обращается к пространству провинции. Молодой прозаик описывает историю небольшой улицы в маленьком нищем городишке с ее незначительными событиями и вяло-агрессивными жителя-

ми. Физиологический очерк, рисующий этот саморазрушающийся, замкнутый, безысходный мир, предстает одновременно метафорой фатальной потерянности человека в сегодняшнем мире.

Если дебютанты 1990-х годов (особенно “поздние”) испытывали **разочарование**, то следующую за ними генерацию отличает вообще **полное отсутствие иллюзий** относительно постсоциалистической действительности – это ключевой для нее психологический, мироощущенческий, мировоззренческий опыт. Западная реалистическая проза подобный путь описания и критики реального капитализма проходила в свое время постепенно, “по мере поступления”, молодые же польские авторы рубежа XX–XXI вв. оказались в мире, в котором стремительные перемены, а значит и надежды, были уже позади. “Переполненный вакуум, вакуум, все пополняемый, улучшаемый и полируемый. Больше вещей и информации, лучше связь. Вакуум обжорства” [12], – такой диагноз ставит, описывая опыт своего поколения, едва ли не самая молодая в нем Д. Масловская.

Отсюда скепсис по отношению ко всеобщей меркантильности сегодняшнего дня и ностальгия по ПНР-овскому детству с его восхищением “сказочными” импортными товарами, иллюзиями и верой в это незамысловатое счастье – “Японская деревня” (1999) Йоанны Виленговской (р. 1971), “Три истории” (2000) Ежи Франчака (р. 1978), “Широкий, глубокий, зачеркнуть все” (2002) Лукаша Орбитовского (р. 1977), “Поругание” П. Червиньского и др. Показательно, что если предшествующее поколение освобождало прозу инициации от проблем идеологии, то в 2000-е годы происходит обратный процесс. Так, например, М. Витковский рассматривает процесс взросления как утрату мальчиком из европейской провинции иллюзий относительно западной цивилизации потребления. Инициация уподобляется знакомству с материальными воплощениями мифического Запада (от жевательной резинки до роскошного отеля): мир, воспринимаемый поначалу с детским энтузиазмом, предстает затем адом поп-культуры. Объективно – в соответствии с потребностью времени – автор рисует социальный портрет (или набросок его, общую схему) своего поколения, детство которого пришлось на время серой действительности заката ПНР, а молодость – на эпоху глянцевого изобилия. Но как писателя Витковского при этом интересует прежде всего экзистенциально-символический аспект существования человека в обществе потребления. Мир обратился в гигантский гипермаркет, предлагающий множество готовых моделей идентичности, стилей жизни, автоматически “прилагающихся” к конкретным предметам или услугам. Однако их разнообразие и доступность лишь усугубляют ощущение потерянности и страха.

Добавим, что поколение поляков, родившихся в 1970–1980-е годы, в целом – “дети худшей конъюнктуры”, хлебнувшие безработицы, вне зависимости от образования, и почувствовавшие себя бесполезными. Это еще одна причина характерного отличия: если у предшествующей генерации необычайно популярная в 1990-е годы тема нежелания или неумения человека взрослеть, как уже говорилось, облекалась в метафизику, то молодые герои 2000-х годов испытывают абсолютно реальные, объективные трудности с вхождением в зрелую жизнь, в том числе связанные с наркотиками, – в прозе Д. Киверской, романе Т. Пёнтека “Героин” (2002) и др.

Не стремясь изображать польскую современность, молодые писатели 1990-х годов предпочитали переносить действие в утопию, антиутопию, сказку, в прошлое, погружаясь в ностальгию и пр. Здесь же события разворачиваются

на курсах английского, в модных кафе, частных гимназиях, в новостройках, на дискотеках, в ставшей обыденной виртуальности и т.д.

Однако выбирая в качестве отправной точки сюжета *здесь и сейчас* узнаваемую современную Польшу, молодые писатели нередко облачают его затем в фантазмагорическую форму. Так, например, “Домофон” (2005) З. Милошевского (р. 1976), описывающий жизнь в многоэтажке, или “Четвертое небо” (2003) М. Сеневича, повествующее о наступлении капитализма на провинциальный городок, постепенно все более “пропитываются” мистикой. В сборнике рассказов Сеневича “Евреек не обслуживаем” (2005) предсказуемая как будто бы поначалу повседневность ставится с ног на голову, открывая свою абсурдную и жуткую изнанку, и тем не менее подчиняется, в конечном счете, привычным законам, стереотипам, критериям сегодняшней реальности. Обычный поход за покупками в гипермаркет оборачивается поразительным сеансом ненависти, жадности и извращенности, переполненный автобус в час пик превращается в арену убийственной игры между пассажирами. Фантазмагорией предстает посещение торгового центра в “Галерее” Мирослава Нахача (р. 1984) (сборник “Аист и Лола”, 2005). Кроме того, демонстративно ассоциирующие героя-повествователя с автором, молодые писатели стремятся эпатировать читателя, дополняя “автопортрет” какой-нибудь шокирующей деталью, вроде убийства или изнасилования (М. Витковский, Т. Пёнтек, Сл. Схуты).

Для 1990-х годов была характерна фабула-следствие, опиравшаяся на поиск значений жизни-текста: на первый план выступали разнообразие повествовательные игры с детективом. “Подозреваемым” представлялся сам мир, “расследование” велось над его смыслами, а в роли “следователя” выступал герой, находившийся в постоянном поиске ответов на онтологические вопросы. Главным инструментом такого поиска оказывался язык вымысла, позволявший использовать в рамках одного текста практически бесконечный ряд интерпретаций. В 2000-е же годы **детективная канва уступает место приключенческой**. За пятнадцать лет, прошедших после перелома 1989 г., т.е. как раз на глазах готовившегося вступить в литературу младшего поколения писателей, жизнь менялась настолько стремительно и интенсивно (отметим, прежде всего, массовое распространение Интернета, сотовой связи и прочих технологий), что значимым для них опытом оказывается не столько необычность действительности как таковая, сколько уже привычка к ней, ее “вседозволенности” как условию жизни. Это **отсутствие** самого **психологического “пространства” для удивления** молодые авторы словно бы пытаются восполнить в своих текстах.

Введение в реалистическое, а то и бытописательское порой повествование мистики объясняется, очевидно, также ощущением, что это наиболее действенный способ изображения – остранения и отстранения – абсурда постсоциалистической повседневности. М. Цегельский называет свой роман “Апокалипсо”: рекламная кампания таинственного продукта под одноименным названием оказывается предвестником загадочной катастрофы. М. Сеневич воплощает в романе “Четвертое небо” идею страха перед “захлестывающим” Польшу западным капитализмом в фантазмагорической картине пришествия современного дьявола. В рассказе “Евреек не обслуживаем” из одноименного сборника того же автора внезапное и необъяснимое превращение героя в женщину с желтой звездой на рукаве моментально находит применение в маркетинге – на лоб ему приклеивают штриховой код и объявляют: “Внимание! Внимание! Еврейка в нашем магазине! Рекламная акция у кассы номер один!” [13. С. 191]. М. Сеневич

утверждает: "Реализм изображения общественных явз имеет свои пределы. Этот деградировавший, дьявольский мир, этот реализм ... требует магии и гротеска. Позитивизм обращается в метафизику ... Дьявол здесь вполне уместен – для него нашлось бы занятие" [14].

Наконец, важнейшей чертой поэтики этой прозы оказывается интерес к "услышанному" слову – опыт "**стенографирования**" устной **речи своего поколения**. "Я болезненно много слышу. Мир является мне через язык ... Меня интересует, можно ли написать этот язык", – признается Д. Масловская [12]. М. Сеневиц утверждает, что "шел за языком" [15]. Эти писатели вводят голос (речь) своего поколения, своего социального пласта, выполняя одновременно эстетическую и социологическую задачи. Поэтому широко используется форма монолога – "Польско-русская война под бело-красным флагом" Д. Масловской, "Отходняк" Сл. Схуты, "Поругание" П. Червиньского и других или набора/коллажа монологов – "Ничто" Д. Беньковского, "Плевков королевы" Д. Масловской, "Global nation. Картинки эпохи поп-культуры" (2004) Г. Копачевского (р. 1977) и др.

В произведениях молодых авторов не просто вводятся, комментируются, пародируются всевозможные сегодняшние языки, но из них сотканы сами тексты. Именно окружающие нас **дискурсы** являются и главным **инструментом**, и главным **объектом изображения**. Эта проза фиксирует значимое последствие пережитого слома – изменение культурного языка, иерархии составляющих его представлений, потерю многих казавшихся "вечными", а на самом деле лишь традиционных понятий, смену способов выражения переживаний, их структуры.

Стержнем повествования и основой самоидентификации повествователя становятся десятки раз повторенные "ключевые слова" современности: например *трендовый* и *лайфстайл* в "Поругании" П. Червиньского, *стандарт*, *таргетинг*, *приоритеты*, *процедура* в "Ничто" Д. Беньковского, *улыбайся*, *будь красивой* в "Устрице" М. Дзидо и пр. Это отражение самоощущения сегодняшнего человека, по сознанию которого ежедневно "быют" однообразные слоганы цивилизации потребления: "Собственно, весь этот мир придуман специалистами по маркетингу" [6. S. 32].

К дискурсам, о которых идет речь, относится, прежде всего, язык **рекламы** и глянцевого журналов, не призывающих, но жестко требующих: "будь красивой, будь красивой, будь красивой" [10. S. 111], ибо современный мир – это "мир, в котором волосы приобретают природный блеск" [16. S. 70], а "лайфстайл" неизбежно уступает место "ультрагиперсуперлайфстайлу": "...не мыслит жизни без фирменных цветочных мюсли, лайфстайлового дринк-энерджи и обычного порошка, отстирывающего уже при сорока градусах" [7. S. 208, 16]; "Что-то разъедает меня изнутри. Какой-то доместос, доместос, убивающий бактерии"; "...мир, словно тройное бритвенное лезвие, безупречное бритье"; "... а они смеются надо мной с обложек и газетных полос, потому что мой живот вовсе не плоский и идеально твердый ... а они мне: похудей этим летом, ты этого достойна, позаботься о волосах, будь красивой ради него ... У них идеальная кожа. Сны чистые, с выведенными пятнами. Предварительно выстиранные порошком с микрогранулами ... У них тоже есть проблемы. Как избавиться от растяжек? Купить крем для век или крем от заусениц?", "Как бороться с морщинами? Как бороться с жиром? Как бороться с собственной головой? Как эффективно бороться с собой?" [10. S. 83, 85, 108–110]; "Знаете, почему Бася сияет с

утра до вечера? Во-первых, придание матовости. Во-вторых, увлажнение. В-третьих, долговременный эффект” [16. S. 14] и пр.

Это также своего рода **бизнес-сленг** – язык быта компаний и корпораций, речь их менеджеров-винтиков, призванных следить за четкой работой винтиков более мелких (“Ничто” Д. Беньковского, “Доля идола” Р. Осташевского, “Отходняк” Сл. Схуты и др.), язык слоганов фирм, бесконечно повторяемых менеджерами всех уровней: “Каждый новый “Позитив” – это больше здоровья и нормы”; “Давая полякам позитивную кухню, позитивный подход к клиенту и позитивные отношения внутри фирмы, мы возрождаем похороненную предшествующим режимом систему ценностей” [17. S. 40–41]; “Руки прочь от репутации знаменитой торговой марки! С трудом завоеванного уважения клиента! Глобальных ценностей!” [18. S. 32], “...клиент должен выйти из магазина счастливым” [6. S. 95]; “Наша цель – удовлетворить клиента” [16. S. 218]. В романе Беньковского ключевые слова – “стандарты”, “процедуры”, “таргет”, “панированный элемент” и пр. – постепенно, по мере работы в корпорации, становятся основой речи и мышления всех персонажей – бывшего интеллигента, мелкого торговца, мелкого предпринимателя и других, вне зависимости от происхождения и индивидуальности. Примером этнографического анализа языка и ментальности служащих Фирмы – отделения “Хамбургер-Банка” – оказывается “Отходняк” Сл. Схуты. Языки собеседования при приеме на работу, резюме, корпоративных мероприятий – дискурс “Апокалипсо” М. Цегельского, “Домофона” З. Милошевского, “Отходняка” Сл. Схуты, “Ничто” Д. Беньковского, “Устрицы” М. Дзидо и пр. Это также **поп-музыка** (“Плевок королевы” Д. Масловской полностью написан в стиле рэп). И **англицизмы** как знак времени, подчиненного бизнесу и всевозможным технологиям – “...и кликают в мауспед, и сейвуют копи, и снифуют кул стаф...” [7. S. 14], “Никого нет... Во всем оупен спейсе ни души” [17. S. 144], “...позвони в хелл...” [16. S. 21]. И всевозможные **аббревиатуры** как символ ритмов эпохи: “PIT-ов, NIP-ов, WAT-ов, ZUS-ов, PIC-ов, TIP-ов, VIP-ов, трюков и нервных тиков ... ЭКГ, УЗИ, АВС, SOS” [10. S. 10–11]. Даже технические, сугубо функциональные **элементы современного быта** оказываются метафорой катастрофического самоощущения: “Нажми цифру один, чтобы прослушать сознание. Чтобы удалить сознание, нажми цифру два ... www.otzovites!com www.ne-otzovutsia.com www.spasite.pl” [7. S. 231, 243]; “абонент временно недоступен, пожалуйста, позвоните позже” [10. S. 7] (лейтмотив главы “Устрицы” М. Дзидо); “дилейт прошлое” [19. S. 73] и т.д. Это также язык всевозможных **“анти”**: антиглобализма, антикапитализма, антиклерикализма, антикоммунизма, антирусских стереотипов (“Четвертое небо” М. Сеневича, “Поругание” П. Червиньского, “Польско-русская война под бело-красным флагом” Д. Масловской, “Апокалипсо” М. Цегельского, “Global nation. Картинки эпохи поп-культуры” Г. Копачевского): “...ежедневно и повсеместно правящая, имущая раса эксплуатирует трудовую, неимущую расу. Доказываю, что это рабство. Что Запад прогнил и воняет, портит окружающую среду, загрязняет ее разными противоестественными химикатами типа ПВХ и ДСП. Что господствуют там жидаубийцы и кровопийцы рабочего класса, которые себя и своих внебрачных детей содержат на доходы от угнетения трудящихся, что они процветают благодаря тому, что втюхивают людям фирменное говно в фирменной бумажке”; “...на наших землях идет польско-русская война под бело-красным флагом, которую ведут коренные поляки с русскими, которые воруют у местного населения акцизы и никотин ... русские хотят поляков прокинуть и

основать тут русское или даже белорусское государство, хотят позакрывать школы и учреждения, поубивать в роддомах польских новорожденных младенцев, чтобы исключить их из общественной жизни, и наложить дань и контрибуцию на промышленные и продовольственные товары” [20. С. 45, 52]; “Рецепт промывки мозгов унифицирован в глобальном масштабе” [21. С. 73] и пр. В прозе сегодняшних молодых закрепляется и характерный *антиваршавский* дискурс (“Апокалипсис” Цегельского, “Плевки королевы” Масловской, “Баллада о добром качке” Кохана, “Аист и Лола” Нахача). Одним из клишированных языков оказывается также язык **самоидентификации поколения**: “ошибка в матрице”, “потерянное” поколение, “воспитанное на рекламных акциях шоколадных батончиков и клипах MTV” [7. С. 10, 62]; “выросшее в период, когда бороться никто не хотел, но и лизать задницу системе тоже” [19. С. 35]. Наконец, составляющей этого дискурса оказывается язык электронной почты, чатов, форумов, интернет-игр, блогов (“Счастье. Версия 1.0” из “Доли идола” Осташевского, “Отходняк” Схуты, “Ничто” Д. Беньковского, “Global nation. Картинки эпохи попкультуры” Копачевского и т.п.).

Повсеместно используемые этой прозой **вульгаризмы** представляют собой защитную реакцию на унифицированное, воспринимаемое как неадекватное, неточное и фальшивое языковое пространство современности, поскольку трактуются героем-повествователем как единственное пространство **естественности**.

Другой реакцией оказывается своеобразная попытка дистанцироваться с помощью введения **“эпических” интонаций**, которые не то чтобы пародируются, но известным образом остраиваются: “Место, в котором происходит данная история, – страна в самом центре Европейской низменности ... Эпоха, в которую разыгрывается наш роман, это годы, отстоящие всего на полвека от исключительно интенсивных военных походов по этой равнине ... Мы в Варшаве, столице Польши, средних размеров городе, лежащем примерно между Парижем и Москвой” [17. С. 7–8]; “Представим себе: одиннадцатое сентября, две тысячи первый, век двадцать первый. Эпоха катаклизмов, кризиса, кретинизма ... Наконец мы останавливаемся в галактике номер тысяча девятьсот восемьдесят восемь. Век двадцатый, планета Земля” [7. С. 21, 79].

Главной же приметой современного сознания оказывается ее “коллажеподобность”: “Кто ты? Поляк малый¹. Улыбайся. Паста колгейт, жевательная резинка винтерфреш – да улыбайся же” [10. С. 124]. В “Сделано в Польше” Схуты использует коллажи фрагментов рекламных каталогов и газет, символов, элементов религиозных образов, телепрограмм, плакатов избирательной кампании, фотографий узнаваемых фигур мира политики и шоу-бизнеса, этикеток, тестов на водительские права, инструкций для спортсменов и спасателей. Возникает своеобразный языковой пазл повседневной реальности.

Поистине сатирическую аллегорию дискурсов сегодняшней Польши представляет собой “Польско-русская война под бело-красным флагом” Масловской. Или – если наш мир ограничен границами нашего языка, то – и сатирическую картину современной Польши в целом. Герой маневрирует между разными языками, ни один из которых его не удовлетворяет. Образ абсурдной

¹ Аллюзия с известным патриотическим стихотворением: “Кто ты есть – поляк малый, что за знак твой – орел белый”.

неофициальной “польско-русской войны под бело-красным флагом” символизирует агрессивность и одновременно расплывчатость одного из основных дискурсов, которым пользуются персонажи романа: “...русские подделывают компакт-диски, роют яму под нашу экономику, убивают наших и ваших собак, из-за них плачут наши дети. Да или нет? Польша для кацапов или Польша для поляков?” [20. С. 120] и пр. Сумбурная смесь антикоммунистических и антироссийских настроений есть сублимация не только и не столько недовольства современным польским бытием, сколько ощущения **недостаточности имеющегося для выражения своей неудовлетворенности**. Она дополняется торопливыми, поверхностными, приблизительными дискурсами современного экономического популизма, дешевого национализма, страха перед Западом, критики современного капитализма, польского католицизма, а заодно и антикатолицизма (примерно те же “ингредиенты” используют герои романа М. Сеневича “Четвертое небо”, а набор их прекрасно иллюстрирует перечень граффити на стене: “Еврей вон!”, “Долой капитализм!”, “Коммуняки в Москву!”, «Лучше кока, чем “Кока”», “Лучше вступить в отношения с Марксом, чем выяснять их с приходским священником”, “Иисус жует резинку Дюрекс” [19. С. 233] и пр.). Это уродливый бриколаж, включающий в себя обиды, рефлексy, обрывки различных языков и одновременно тщетные попытки защититься от них. Не случайно одна из книг Сл. Схуты названа “Тарабарщина” – уродливая полифоническая тарабарщина есть ни что иное, как тщетная попытка противостоять навязчивым и неадекватным языкам современности. Подобным образом выстроен и второй роман Д. Масловской – “Плевки королевы”, написанный в стиле рэп, сленгом, “хромым”, безобразным, ограниченным языком, той же, в сущности, “тарабарщиной”.

Другим признаком ощущения недостаточности имеющегося у повествователя языка – ощущения, которое заставляет прибегать к инфантильным формулам компенсации, – оказывается синтаксическая связка *как*, постоянно встречающиеся в молодой прозе обороты *как в кино, как в сериале, как в рекламе*.

Это *как* связано еще и с ощущаемой в молодой прозе стремлением к подчеркнутой типизации (персонажи Д. Киверской, Д. Масловской, А. Качановского, в сущности, герои комиксов). Во-первых, на поэтике мультфильмов и комиксов выросло данное поколение авторов, во-вторых, очевидно, в семиотически размытом мире с изменчивыми формами и критериями возникает потребность в конструировании персонажей характерных и определенных.

Если реклама, которая становится питательной средой “молодой” прозы, – пастиш внерекламных текстов, то присутствие языка рекламы в ней – это уже пастиш пастиша, т.е. скрытое остранение и снятие его фикции. Реклама (и поп-культура в целом) “обобщает”, клиширует, стереотипизирует для удобства “потребителя” или “пользователя” (каким в конечном счете становится человек в современном мире) эмоции, постепенно замещая, вытесняя реальные, индивидуальные ощущения, не давая им сформироваться в чувства или прочувствованную мысль. Мир слишком быстро меняется, перегружен информацией, он пугает своей хаотичностью, непредсказуемостью, неопределенностью – во всяком случае, опасение, что это происходит, явственно ощущается в молодой прозе.

Молодые писатели не хотят – или не могут за невыработанностью адекватного таким задачам языка переживания и неготовностью к нему потенциально-го читателя? – писать “напрямую” о важных проблемах времени, истории, тщете,

политических расчетах. Они отвергают “серьезное” повествование – такое, как у А. Стасюка, О. Токарчук, М. Беньчика, С. Хвина, П. Хюлле и т.д. Повествователь этой прозы – не “умный”, а умничающий, гримасничающий, провоцирующий. Потому ли, что боится показаться эпигоном? Или сознательно отказывается от поэтичности, поскольку не видит ее в жизни и не имеет ни в своем опыте, ни в опыте своего поколения? Его время слишком инфантильное, цветное, потребительское, в нем нет места для меланхолии, рефлексии, метафизики. Современность, впрочем, никогда не бывает литературной, поскольку еще “не обросла” поэтикой. И, возможно, эта современность, меняющаяся с такой скоростью, за которой не поспевает выражающий ее язык, ломающая привычное соотношение форм языка – устного и письменного, способы коммуникации, и не может быть описана пока даже в первом приближении иначе, чем делает это молодая проза начала нового века.

Книга “Сделано в Польше” Сл. Схуты имеет характерный подзаголовок “Рейсайклинг” (т.е. “повторное использование”, “утилизация отходов”). Это, в сущности, и есть основной прием молодых прозаиков, а возможно, и основной механизм ее сознания.

Молодые прозаики, казалось бы, пишут сегодня так, словно не было многих веков существования литературы – без ощущаемой и не подвергавшейся до сих пор сомнению необходимости опоры на ее сложившийся язык. Пишут так, как нечитающая действительность “заставляет” сегодня говорить, чувствовать, мыслить. Опосредованный ответ на вопрос – рвется ли на самом деле здесь связь литературы с письменной культурой, традицией мировой литературы, вытесняется ли она – временно или навсегда – поп-культурой, – дает Д. Масловская: «... (поп-культура. – И.А.) – целый мир, **параллельный** настоящему, где все уплощено и спрессовано до размера бумажки, где в газете с телепрограммой можно прочитать содержание “Гамлета”» [22. S. 46]. Значит, фильм “Гамлет” в какой-то форме все же в сознании или подсознании этой литературы присутствует, задавая некий масштаб для будущего?

Если в 1990-е годы новые реалии попадали в молодую прозу только через **предметный** мир и попытки описания **маргинальной** действительности, то 2000-е годы приносят в польскую литературу прежде всего новые сценарии **человеческих судеб** через обращение к “**официальному**” быту молодого поколения. И языки повседневности оказываются тут одной из важнейших реалий новой действительности – даже протестность поколения выражается *через* изображенные дискурсы. Насилие современной действительности ощущается повествователем этой прозы в первую очередь как насилие ее упрощенного, уплощенного языка: «Куда ни повернешься – “купил”, “занял”, “заработал” ... “отложил”, “получил проценты”, “сэкономил” ... “спустил”, “выторговал”, “отдал” ... “продал” ...» – другими словами, “ничего не изменилось, кроме ... нескольких слов” [19. S. 146, 209].

Предсказывать, куда пойдет молодая литература дальше, как говорилось вначале, занятие бессмысленное, но лишь до известной степени. Потому что поэтика есть не только определенная конструкция текста, но и некий диагноз и прогноз того, куда сделает шаг литература дальше, что обойдет, пропустит, к чему вынужденно вернется. Именно такие “симптомы” будущего можно разглядеть и в опытах молодой польской прозы начала нового столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тынянов Ю.* Литературное сегодня // *Тынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
2. *Czapliński P.* Ruchome marginesy. Szkice o literaturze lat 90. Kraków, 2002.
3. *Stasiuk A.* Biały kruk. Warszawa, 1996.
4. *Filipiak I.* Niebieska menażeria. Warszawa, 1997.
5. *Stasiuk A.* Opowieści galicyjskie. Kraków, 1995.
6. *Ostaszewski R.* Dola idola i inne bajki z raję konsumenta. Kraków, 2005.
7. *Czerwiński P.* Pokalanie. Warszawa, 2005.
8. *Stasiuk A.* Dziewięć. Czarne, 1999.
9. *Huelle P.* Mercedes-benz. Z listów do Hrabala. Kraków, 2002.
10. *Dzido M.* Małż. Kraków, 2005.
11. *Cegielski M.* Masala. Warszawa, 2002.
12. *Gazeta Wyborcza.* 2003. 24 IX.
13. *Sieniewicz M.* Żydówek nie obsługujemy. Warszawa, 2005.
14. Wywiad z M. Sieniewiczem // <http://www.wm.pl/index.php?ct=kultura&id=721980>
15. <http://www.radio.com.pl/kultura/kultura.asp?id=1122>
16. *Shuty Sl.* Zwał. Warszawa, 2004.
17. *Bieńkowski D.* Nic. Warszawa, 2005.
18. *Shuty Sl.* Bełkot // Tekstylię. Kraków, 2002.
19. *Sieniewicz M.* Czwarte niebo. Warszawa, 2003.
20. *Масловская Д.* Польско-русская война под бело-красным флагом. М., 2005.
21. *Kopaczewski G.* Global nation. Obrazki z czasów popkultury. Wołowiec, 2004.
22. Wywiad z D. Masłowska (W. Staszewski) // Wysokie obcasy. 2005. 21 V.

© 2007 г. Е. АНАСТАСОВА

СТАРООБРЯДЦЫ В РУМЫНИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Старообрядческая диаспора в Румынии имеет многовековую историю. Первые поселения на территории сегодняшней Румынии основаны в конце XVIII в.¹ Сегодня старообрядцы живут в 23 пунктах – в селах (в Молдове, Добрудже и на Буковине) и в городах (целые кварталы староверов)². Среди румын староверы в Добрудже известны под именем “липоване”³. Они сохраняют свой язык, религию и культуру, а после демократических перемен уделяют особое внимание своим собственным институциям – культурным (этническим) организациям, прессе, научным и фольклорным фестивалям, ансамблям самодеятельности и пр. Эти процессы связаны с так называемым возрождением этнического и религиозного самосознания меньшинств в “период перехода”. Конституция страны (где глава, связанная со статусом и правами этнических и религиозных меньшинств, написана при активном содействии старообрядческой интеллигенции⁴) направлена на сохранение традиционных культурных особенностей этнических меньшинств.

Новая действительность в значительной мере влияет и на экономический образ жизни липован. Традиционно связанные с водой, до 1989 г. они жили за счет рыболовства и рыбной промышленности, перевозок по Дунаю и других заня-

Анастасова Екатерина – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института фольклора Болгарской АН (София).

¹ Подробнее о истории старообрядчества и – шире – русского сектантства см.: [1; 2; 3]. Первые поселения в г. Яссы, вероятно, существовали до 1730 г. Самым старым поселением считается с. Маноле (1750 г.). В Буджаке и Южной части Бессарабии старообрядцы поселяются после 1812 г. [3. С. 1–2]. Румынские староверы часть старообрядческой диаспоры, распространенной в сегодняшней Южной Украине, в Румынии и в Болгарии.

² По данным переписи 1992 г. общая их численность – 29 774 человека (по неофициальным данным, около 100–150 000 человек) [4. С. 83–84].

³ Об этимологии имени “липоване” см. [5. С. 48–50].

⁴ Основной фигурой в законовом утверждении конституционных прав меньшинств считается юрист Ехим Андрей, депутат в нескольких парламентах (в первые годы “перехода”), представляющий “Общность русских липован” в Румынии, председатель парламентской группы национальных меньшинств. Последняя добилась значительных государственных привилегий для меньшинств (как финансовых, так и культурных), в значительной мере благодаря решению непростой ситуации с венгерским меньшинством в Румынии. Этнические группы в Румынии имеют своего представителя в Парламенте и получают годовую государственную субсидию.

тий, связанных с ним и его дельтой, озером Разельм и Черным морем. “Переход к капитализму” коренным образом изменил ситуацию. Как и во многих странах бывшего соцлагеря, государственные предприятия разоряются, распродают, а после приватизации падает занятость. Эти процессы определяют массовую безработицу (особенно в деревнях) среди липован: некоторые пытаются обеспечить себе жизнь с помощью полунатурального хозяйства⁵, другие являются основой для новых миграций (временных или постоянных) в страны Европейского союза, Израиль и США⁶.

Таким образом, староверы Румынии превращаются в часть постмодернистского мира с присущими ему мобильностью и динамикой, с одной стороны, с другой – они являются своеобразной “альтернативой” глобальным процессам, сохраняя свою уникальную самобытность.

Статья основана на материалах, собранных среди липован из г. Тульча и д. Журиловка в октябре 2003 г., дополненных сведениями от румынских староверов, проживающих в Болгарии⁷ или странах ЕС. (Уезд Тульча – один из районов с наиболее компактной группой русских староверов⁸.) В публикации предпринята попытка представить переживание современности (в контексте традиционных религиозных представлений) старообрядцами Румынии в начале XXI столетия.

Всегда, везде и все толковать

Известные своим религиозным и культурным консерватизмом в течение веков, в последние годы староверы (как в Румынии, так и в других постсоциалистических странах) переживают события так называемого перехода. Румыния, как и большая часть бывшего соцлагеря, находится среди стран, недавно принятых в НАТО (в мае 2004 г.) и ведущих переговоры о присоединении к Европейскому союзу в 2007 г. (Болгария закончила переговоры в июне 2004 г.)

Апокалиптическое восприятие социальных и политических потрясений, расцвет “окультистской культуры” в сравнении с ортодоксальной религией⁹, как правило, сопутствуют периодам “перехода”. Во всех постсоциалистических странах “перемены” связаны с эсхатологическими пророчествами, деятельностью ду-

⁵ В некоторых деревнях (например в Журиловке) создаются женские скиты при церкви, где женщины-пенсионерки проживают маленькой колонией, сами выращивают овощи и фрукты, получают милостыню за замаливание грехов, а низкие пенсии идут в основном на лекарства.

⁶ Основные миграционные потоки в Европе связаны с Грецией, Израилем (в основном сезонные и “женские” миграции – домработницы, сиделки и пр.) и Италией (“мужские” – строительные миграции). В США староверы обычно устраиваются в Орегоне, где существуют большие старообрядческие поселения. Процессы миграции реализуются на базе традиционных механизмов – прежде всего родства, как и профессиональных связей.

⁷ В Болгарии, в сравнении с Румынией, очень маленькая староверческая диаспора (два микроанклава – с. Казашко в районе г. Варны и Татарца, квартал с. Айдемир, около г. Силистра). Этот факт определяет браки между болгарскими и румынскими староверами.

⁸ В районе проживают 20 262 (7.5% общего населения) старовера, как в самом городе, где есть два липованских района, так и в окружающих селениях.

⁹ В постсоциалистических странах наблюдаются процессы возрождения ортодоксальной религиозности после долгих лет атеизма.

ховных учителей и школ, экстрасенсов, бумом эзотерической литературы. Бесспорным “катализатором” этих процессов является и рубеж тысячелетий, с которым совпали, в ряде случаев, драматические¹⁰ события перехода.

Известно, что старообрядческое мировосприятие, основанное на переживании исторических событий в категориях средневековой “сакральной истории”, формирует интерпретации настоящего. Они связаны с типичной для “древних православных” темпоральной схемой “прошлое–настоящее–будущее”, определенной священными христианскими книгами. События реальности рассматриваются в контексте новозаветных христианских представлений (жизнь Иисуса¹¹ – рождение Антихриста – Второе Пришествие). Доминирующая идея старообрядческой модели мира (наряду с жестким соблюдением норм старообрядчества) – *распознавание проявления Антихриста в настоящем*. Именно она в значительной степени определяет как прошлое, так и сегодняшний день этой своеобразной этноконфессиональной группы.

Переживание действительности – это *толкование современности по библейским образцам*, среди которых основное место занимает “Апокалипсис” Иоанна Богослова. Один из интересных примеров прошлого – это толкование никоновских, а позже европейских реформ Петра I. Так, в сказании “Об Антихристе, еже есть Петр I”, беспоповцы считают, что «царь уехал за море и там пропал. Его место занял жид из колена Давидова, сиречь Антихрист. Он вернулся, царицу заточил в монастырь, царевича убил, сам женился на немке и всю землю русскую немцами заповоложил. Патриарха уничтожил, вместо него жидовский синодарион учредил, всех бояр и офицеров обрил, на немцев “поворотил” и все порядки завел немецкие и всех обратил в свою пагубную и многопрелестную веру. В императорском титуле староверы отыскивали апокалиптическое ббб, как и в имени императора Николая Павловича»¹². Позже Антихриста распознавали в Ленине (при написании имени сложенными спичками получалось “666”)¹³ и в Горбачеве, чье родимое пятно на лбу считали Антихристовой печатью¹⁴.

Как известно, в своей сущности старообрядчество прежде всего – противопоставление *чужому* (греческому, немецкому, еврейскому и пр.). Оно строится около одной и той же, актуальной и в “период перехода”, дилеммы – о “своем” и “иностранном”, об упадке и прогрессе, о культурном и “бескультурии”, в конечном счете – *о судьбе православного мира* (в этот мир, как известно, входят и неславянские страны – в нашем случае, особенно важны Румыния и Греция). Основные дебаты в балканских постсоциалистических странах в 90-х годах XX в. сконцентрированы около проблемы “европеизации”, “глобализации” и сохранении национальной самобытности. Бесспорен параллелизм между дискуссиями концов XVII, XIX и XX столетий¹⁵.

¹⁰ Достаточно вспомнить переход к демократии бывшей Югославии.

¹¹ Хотя основными “опорами” для старообрядческого восприятия мира является Новый завет, летоисчисление, как известно, ведется “с Адама лет”.

¹² См.: “Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для В. К. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857)” [6. Т. 2. С. 178 179]. Интересные примеры см.: [7. С. 38 60].

¹³ А.Д. Першина, 1911 г. р., запись Е. Анастасовой (далее – Е.А.), 25. 6. 1988 г., г. Грозный.

¹⁴ Представление, очень широко распространенное среди староверов в России и на Украине.

¹⁵ О параллелях между XVII и XX вв. см.: [8. С. 193 194].

Сравнивая размышления русских (радикальных) интеллигентов (в ряде случаев сочувствующих старообрядчеству и ищущих в нем опору против самодержавия), направленные против недемократичности государственного устройства и порядков в России середины–конца XIX в., и рассуждения в постсоциалистической прессе в начале “перехода”¹⁶, становится очевидна общность мотивов (что и неудивительно, имея в виду сходство в управлении при самодержавии и авторитарных режимах), сводящихся к нескольким основным темам: почему в России, соответственно в Румынии, Болгарии (в контексте “европеизации”), общественная жизнь исполнена жалоб и негодования, но нет идей, как помочь беде? Почему перемены сводятся единственно к смене нескольких лиц и постановлений? Почему междоусобица – это борьба партий, а не движение вперед? (ср.: [6. С. IV–VI]). Интересно, что объяснение, которое предлагали ряд авторов XIX в. – это “естественные условия местности” [6. С. V]¹⁷ и “само строение нашего мозга”, “следствие духоты нашей жизни, умственной неразвитости и вековой неурядицы, убившей всякие надежды” [6. С. VI]. Подобные вопросы и сейчас волнуют старообрядцев, среди которых, как и в Петровскую эпоху, много протестующих против новых порядков. Но если логика интеллигентов (как в прошлом, так и в настоящем) направлена на “критику национального характера”, т.е. *против “своего”*, то староверы (как обычно), придерживаются религиозной интерпретации событий, направленной *на защиту “своего” и против “чужого”*. Как и 150 лет назад, “великоруссы ... раз втянувшись в рассуждения о религиозных вопросах, увлекаются ими до иступления и приходят к выводам, в высшей степени своеобразным... Русский православный человек в православии ищет смысл, осмысливает каждую мелочь и идет на смерть за правильное

¹⁶ Процессы “перехода” можно считать оконченными в России с приходом к власти и управлением В. Путина, в Болгарии и Румынии с окончанием переговоров с ЕС. Сравни мысли староверов о В. Путине – «Сейчас хороший царь в России, но имя плохое. По-румынски Путин “смердючка”. Не может ли трошки по другому?» – баба Катя, р. 1921 г., с. Журиловка, образование основное, живет в ските. Зап. Е.А. 4.09. 2003 г.

¹⁷ Интересный ответ на вопросы русских демократов, связанные с самодержавием, дает Дж. Хоскинс: «Что же касается самодержавия, то существовали достаточно веские причины, почему именно оно должно было остаться главной политической нормой правления в России и почему оно было приемлемо для большинства населения России. Нет необходимости постулировать врожденный “рабский менталитет”, как это склонны видеть многие западные люди. Прежде всего следует помнить о равнинных, открытых границах России, которые были одновременно ее силой и ее слабостью. Силой потому, что они давали народу России возможность распространяться на восток, в результате чего Россия, колонизовав фактически всю северную Азию, оккупировала в конце концов одну шестую земной поверхности. Слабостью потому, что благодаря им Россия была уязвимой с востока, с юга и, особенно в последние столетия, с запада. По этой причине все российские правительства выдвигали защиту своей территории в качестве главного приоритета, в чем находили чистосердечную полную поддержку своего населения. Национальная безопасность была в действительности чем-то большим, нежели приоритет, одержимостью, которой при необходимости все остальное приносилось в жертву при восторженном одобрении народа. Любой другой народ в таких обстоятельствах реагировал бы точно так же. Впрочем, это не означает, что русские правительства не злоупотребляли доверием народа; напротив, они считали возможным это делать снова и снова. Но географические и исторические причины предпочтения сильной власти практически всегда преобладали» [9. С. 14–15]. Здесь, в пользу исторического параллелизма между XVII–XIX и XX вв., можно привести в пример идею “постоянной (ядерной) опасности”, на которой основывался СССР и соцлагерь в период “холодной войны”.

употребление (буквы, слова, обряда. – Е.А.). После раскола народ, скованный формализмом и обрядностью православия, бросился на умствование... желая осмыслить предание и вероучение, стал *искать символа в каждом слове и в каждом рассказе* (курсив наш. – Е.А.)” [6. С. XIII–XIV]. Сегодняшние дискуссии староверов сводятся к одному выводу – чужие, антихристовы обычаи заполонили мир, который доживает свои последние годы.

Каковы основные объекты старообрядческого восприятия современности и их библейские аналоги? Какова их интерпретация и ее источники? Именно на эти вопросы мы попытаемся ответить в настоящей работе.

Знаки Антихриста

Один из самых интересных респондентов, с которым мне довелось беседовать в Румынии, – В.Л. (даются только инициалы респондентов), около сорока лет, работник Этнографического музея в г. Тульча, мастер деревянных духовых народных инструментов. Потомок выходцев из Измаила (Украина), он получил высшее техническое образование, а благодаря любви к фольклору посетил множество фестивалей, проводившихся в западных странах, – был в Канаде, Англии и пр. Как и большинство староверов, он очень религиозен (население Румынии тоже очень верующее) и склонен к “толкованиям”. Разговор с ним вначале шел довольно трудно – городские липоване (в отличие от деревенских) плохо говорят по-русски, а кроме того, стесняются его архаики. Так что, мешая английские и русские слова, мы беседовали довольно трудно. Пока не дошли до “священных дел” – веры, религии, судьбы мира. Оказалось, что В.Л. уже не старовер, а крестился в румынской православной церкви, хотя продолжает посещать духовников (и имеет множество друзей) в старообрядческих монастырях в районе. Причиной православного крещения оказалось “отсутствие у староверов чудес” – прежде всего мощей: “Истинная святость – когда святой человек померет, является благоухание... Это у румынов есть, а у староверов чего-то не было...” (зап. Е.А. 8.09.2002 г.)¹⁸.

Сидя за компьютером (sic!), он рассказал мне о сегодняшнем мире, объясняя глубокий смысл всего происходящего. Его интерпретации интересным образом (дополняя друг друга) сочетаются с рассказами Е.Ф.Д.¹⁹, одной из самых верующих знакомых мне староверок, женщиной, подолгу жившей в Румынии, Болгарии и Греции, всюду наблюдавшей знаки антихристового явления.

Как и классические старообрядческие полемисты, они знают многое о знаках Антихриста, которыми уже исполнено современное пространство, и о его новых деяниях, которые предстоят. Здесь мы представим структурированный аутентичный материал с минимальными комментариями.

¹⁸ Надо отметить, что здесь В.Л. не совсем прав, так как в первые годы “перехода” мощи первого белокриницкого иерарха Амвросия были перевезены из Италии в Румынию. (Материалы интервью печатаются с согласия респондентов.)

¹⁹ Е. Ф. Д., р. 1957 г., с. Каркалию (Камень), Румыния. Вышла замуж в с. Айдемир, Болгария. Образование среднее, с 1996 г., после нескольких лет безработицы (без работы остался и ее муж), эмигрировала в Грецию, чтобы прокормить семью (легализация – рабочая виза, в 2003 г.), домработница. Все заработанное в Греции она пересылает домой, в Болгарию, где не была до 2003 г. из-за своего нелегализованного статуса. Зап. Е.А. 5.06.2003 г., София, Болгария.

Бесовский знак “666”. Одно из явлений капитализма – штрих-код (EAN). Он содержит “бесовский знак” – “666”, который можно вычислить при внимательном всматривании. Обязательность его присутствия на товарах означает, что вся еда, одежда, книги – **все отмечено знаком Антихриста** (В.Л.).

Что означает “666”? : «Число 666 – это **три перевернутых девятки**, это **означает “топтать Господа”**, это было в Вавилоне, значит, что славят не небеса, а землю!» (Е.Ф.Д.)

Но это формальный (хотя и всеобщий) знак сатаны. Не менее важны и другие признаки его появления. Это расцвет преступности, инфляция, банкротство банков и банковские “пирамиды”, коррупция, различные формы социальной несправедливости.

Посткоммунистическое пространство – преступное пространство: “Смотри на наши губерны (правительства) – кто ворует много, ему плотют. Кто украл курицу – тому семь лет. Дроги (наркотики) – все берут, и даже дети будут брать. У вас это так (в Болгарии), у нас, в России. Один профессор с России, Александр, говорил, бо в Руси 100 000 детей, которые имеют 10–12 лет (возраст). Банды криминальные – убивают людей. Их (им) плотют, они (дети) идут и убивают. Их не могут судить, бо малолетние... Даже не можешь подумать, что у них в голове! А че будет, когда они министры (станут министрами) – у них деньги, сила... Все коммунистические страны – одинаковые проблемы” (В.Л.).

“Вот и наши староверы – сколько рыбы крали. Главный полицай – тысячи килограммов в день воровал. Сделал магазины в Бессарабии. Его поймали. А он все равно и теперь работает в полиции” (В.Л.).

Банковские банкротства и “новые бизнесмены”: “Банки – брали деньги. Фалимент (банкрот). А после – стали платить (возвращать людям часть утерянных при банкротстве денег), т.е. **люди заплатили, ты, я, из нашего кармана**. А эти воры уехали с деньгами в другое царство” (В.Л.).

Эти события не случайны. Они являются частью масштабного замысла, который должен привести людей к безнадежности и отсюда – к антихристову царству.

Бесовская печать. Наряду со знаком Антихриста (штрих-кодом) присутствует и еще одна печать, которую скоро люди будут принимать добровольно. Подготовка – бандитизм, беззаконие, бедность и т.д. (как видно из сказанного выше) – к ее принятию уже началась:

“И люди скажут – хотим решения. И они (правительства) сделают **капкан**. Скажут: будем поставить **капкан на руку и лоб**, чтобы ловить преступников. Как будут покласть на руку и на лоб, будут бросать людей, чтобы крали и убивали. Так и в книге написано” (см.: [10]). Все это они. Будут красть детей для органов (для донорства). У нас уже есть (кражи детей для трансплатации органов). Женщины на проституции пойдут. Для этого **чип**. Но каждый из нас может быть криминальцем (преступником) – не можешь все знать (см. ниже о кино- и телевнушениях). У нас на телевизоре – убиваются, судятся за землю, бьются.

Некоторые уже поклали той **чип**, ту **печать**. Дейвид Бекам, футболист, у него двое хлопчиков. Он поклал им **микрочип**. В Англии много людей имеют микрочипы. Это уже началось.

Вот, теперь у нас в Румынии поставят чип на коней и ослов²⁰. А потом и на людей” (В.Л.).

²⁰ Инициатива ЕС (перепись домашних животных), которая началась в Румынии в октябре 2003 г.

Этот микрочип: «...**кампютер, лазерные лучи. Как рисовое зернышко. Кампютер-мать в Брюсселе, шесть этажей у того кампютера. Все человечество охватывает...** И на Второе Пришествие покладут на правую руку, или **чип**, или **магнитную ленту с “666”**, а потом на лоб, так как христианам будут рубить правые руки...» (Е.Ф.Д.).

Таким образом, люди как на Западе, так и на Востоке будут вынуждены искать защиты и порядка во все нарастающем хаосе, который староверы называют “криза”.

Кризис. Как и многие современные авторы (эти тенденции особенно усилились после терактов 11 сентября 2001 г. в США и трагических событий в Мадриде весной 2004 г.), старообрядцы тоже считают, что современный мир переживает искусственно созданный кризис. Но если одни считают, что речь идет о неомпериализме и его классических приемах, другие – о неофашизме, диктатуре и пр.²¹, то у староверов другое объяснение: организаторы и вдохновители кризиса – современные *правительства*, за которыми *стоит нечистый*:

“Со всем этим, и с криминальцами (преступниками), и с дрогами (наркотиками), и со всем, работают наши **гуверны** (правительства). Наше царство, ваше. **Они продали душу черту.** Кто заходит на гору (преуспеваает) – надо продать душу черту. Там такая мафия, что нельзя иначе. Все короля наши (управляющие) имеют других начальников (западных, которые, в свою очередь, тоже продали душу черту). Болгария, Румыния – все одно. **Будет специально сделана криза, чтобы подготовить терен (почву)**” (В.Л.).

Безработица. Одним из основных преимуществ социализма считается социальная стабильность – всеобщая трудовая занятость, пенсии, бесплатное медицинское обслуживание. “Раньше было лучше – при Чаушеску. Сейчас нет работы, салеры (зарплаты) маленькие. Частники все покупляли. Даже озеро. Дают рыбы по 3–4 кила, и то не хорошую рыбу, а дешевую. Женщины уже больше не могут так – если 35–40 лет, поехали в Испанию, Грецию, Израэль, глядеть старых, больных... Тьма поехала... **Сичас – ни жить, ни хворать, ни сдыхать – на все деньги нужны...**” (Надежда Фадеевна Чернодырка, р. 1930 г., с. Журиловка, образование основное, пенсионер. Зап. Е.А. 2.09.2003 г.). Утрата социальной стабильности привела огромную часть населения к серьезным проблемам (среди них основной является безработица), которые находят свое место в логике апокалипсиса: “Будут оставлять людей без работы. И будут выгонять людей и оставлять один (одного) на кампютер. Это не из-за кампютера. Он не виноват. Это – чтобы люди были без работы, кампютер их заменит – и (люди) без денег, больные, **пойдут под печать**” (В.Л.).

Но не только модернизация является причиной безработицы. Приватизация, налоги и высокие взносы тоже вынудят людей “принять печать”: «Фабрика “ROMAN”, производит камионы (грузовики) – 5000 рабочих. Сейчас выгонят 2000 человек (из-за приватизации), будет 3000 безработных. Много будет таких и будут все больные. А много такс (налогов) и люди не могут их платить. И тогда скажут: “Лучше рабы, чем мертвые и свободные – так будут говорить. И **пойдут под печать**» (В.Л.).

²¹ Литература в этой области огромна. Особенно после 11 сентября предположения, догадки, интерпретации очень разнообразны – с одной стороны, создан образ нового “глобального врага” – “Аль Кайды”, с другой – в мировом терроризме обвиняют США, Россию, НАТО, генералов и т.д. Один из самых ярких представителей идей “мировой террористической конспирации” бывших “сильных мира” – Р. Лэдлэм (см. его романы).

Уничтожение книг. Кризис направлен не только на материальное существование и благосостояние людей, но и на их духовный мир: «После будут брать эти книги (божественные) и не сможем их читать. Есть фильм Франсоа Трюфо – “451 градус по Фаренхейт”. Горят книги. Вот и тут так будет. И будем передавать (священное знание) наизусть» (В.Л.).

Кино- и телеиндустрия – агенты Антихриста. Изобилие телевизионных передач, реклам, состязаний, конкурсов, лотерей тоже толкуется как присутствие Антихриста: «Вот, смотришь на телевизор. Там: “Что “Мерседес?” – “Мерседес” – это машина.” И награда, вот так, для дураков. А смотришь, радуешься, “вот какая я умная”. **Так одурманивают народ**» (В.Л.).

Коварство замысла проявляется и в “хороших передачах”, таких, как “National geographic”, “Animal planet”, “Discovery”: “Смотришь, все бравенько говорят, показывают. А потом – покажут, вот, нашли кости Христа, и **не Бог он вовсе, а человек...** А ты раньше, что смотрел, нравиться. И веришь, думаешь, правда...” (В.Л.).

Но не только видимое присутствие дьявольского опасно, еще опаснее незримое, неосоздаемое воздействие, которому подвергаются современные люди: “В каждом фильме 24 кадра для одного движения. Но можно добавить еще один кадр, которого ты не видишь, только подсознание видит. **А он внушает – убивай, кради, покупай кока-колу.** И все может внушить. **Сублиминальная манипуляция**” (В.Л.).

Враги наблюдают за нами. Традиционное неприятие староверами переписей (“Перепись нельзя, когда делали перепись евреи, в Библии написано, **болезнь ударила народ...** Ибо Бог сказал, что никогда не делали перепись ни людям, ни зверям”. – В.Л.), паспортизации (“И уже знают ДНК и поставят на паспорта с магнитной лентой, и так всех заставят поклясть той чип...” – Е.Ф.Д.), всяческого наблюдения, объясняют неприязнь и к наблюдающим камерам, которые все больше присутствуют в повседневности постсоциалистического мира: “Уже есть в Японии телевизоры – если выключен, показывает не только кино, но и что ты делаешь. Уже есть много таких микрокамер в отелях (гостиницах)” (В.Л.). “Еще когда Клинтон пришел к власти, установил **спутниковый контроль.** **Чтобы Антихрист все знал, когда придет.** Сейчас мы живем в пророчестве. Терроризм – это сделали американцы, чтобы угнетать людей. Потому они все наблюдают, требуют идентификации” (Е.Ф.Д.).

Природные катаклизмы. Наряду с переменами в социальной и экономической жизни одним из элементов кризиса являются и изменения в жизни природы, экологические катастрофы: “8500 лет с Адама. В это время где-то будет. Будет – 3 года не будет воды, не будет чего кушать. Мы читали Вангу – не будет воды. Я пешком перешел Дунай ногами. Так не было. В лесах нема извору (источников). Я слышал по ВВС – уже есть в мире криза на воду. Войны между Израэлем и Палестиной – из-за одного озера, для воды. У нас в Журиловке – озеро Разим, самое большое в Европе. Пришли узяли это озеро (озеро отдано под концессию на 10 лет) и кто работал там – остался без работы. Земля отравленная – Разим, там фосфор, азотат. Все идет у воду. Вода желто-зеленая, умирает рыба” (В.Л.).

Пути к спасению

Как спастись? Как пережить кризис и сохранить свою душу? Очевидно, за почти 15-летний период староверы прошли через несколько этапов, связанных с их традиционными реакциями на посягательства на свою культуру.

Изоляция. “Это писано еще в начале демократии, когда не знали, что будет. Много говорили – куплю маленькую хатку и там буду растить овощи в гору. Но так нельзя и нельзя будет. Все надо будет сказать (декларировать). И опять – не имеешь, что платить (налоги) и пойдешь в тюрьму” (В.Л.). “Когда придет Антихрист, молча идите в непроходимые леса, в горы. И молитесь” (Е.Ф.Д.).

Таким образом, остается второй, единственно возможный вариант.

Неприятие антихристового соблазна. “**Не надо принять эту печать.** Попы будут говорить – кладите эту печатью. Сделаете сверху крест – ничего. Но это не так. Уже попы потеряли веру – гоняться за машины, за деньги. Это уже сейчас много попов румынских курит. И будут класть печать на правую руку и лоб – потому что ими молишься Богу, а с печатью – молишься Черту” (В.Л.).

Апокалипсис

У староверов множество представлений не только о причинах и признаках апокалипсиса, но и четкая хронология его возникновения, развития и наступления Божьего Царства:

«Староверы знали, что падет коммунизм, были пророчества, ясновидцы. 1620 дней будет апокалипсис, но Господь сократит муки с трех лет на три месяца. Будет после Третьей мировой войны. Тогда останутся 7 стран и будет 10 президентов. Двоих Антихрист убьет, остальные восемь испугаются и отдадут ему власть. Он предложит отличную программу. И наступит **антихристово время – еврейское время.** Первое Рождество было тихим, а Второе Рождество – шум, землетрясение, погаснут луна и солнце. Тогда Антихристу будет 33 г. Он родится (а может уже и родился) в 66 годе, от блудницы, в Йерусалиме. У него отца нет, она со всеми президентами блудствовала. У него будет псевдоним господский. И будет у него три образования: кампютер (чтобы всех **отмечать чипом “666”**), психология (чтобы **понимать** людей и легче ими управлять) и филология (язык – дабы всех **убедить**). Так и евреи – все у них занятия медицина, право, религия. Чтобы проникать во все тайны. И тогда скажет евреям, что они должны убивать христиан. Чтобы каждый еврей одного христианина убил. И сделает карту всех мест, которыми евреи овладели. Не случайно Хитлер (Гитлер) их избивал – он хотел завладеть всеми местами, которыми они владеют. Сам он – полувреин. А его правой рукой тоже был еврейин. Спасены будут от всех народов – если веровал, зло не делал, спасется. 144 000 евреев покрестятся, чтобы спасти свои души. До Второго Пришествия спустятся Св. Иоан, Св. Илья и Енох и будут проповедовать, чтобы не брали “666”. (И всегда надо насыть с собой 90 псалом. И молиться. И творить добрые дела – если есть что больше, отдать бедному, можешь помочь – помощи, зла не делай)» (Е.Ф.Д.).

В этой ситуации жажды, голода и пожаров, когда земля не будет кормить, тем, кто с печатью, черт будет давать еду. А людей, которые не примут печать, – ангелы будут кормить (В.Л.). И тогда: «Будет гореть земля на 4 метра вниз и сгорит вся. И запасы Антихриста закончатся. И скажет: “Не могу дать, бо Бог не дает”. Будет день – жара, ночь – холод. Война – чисто бравая, чем че будет. Люди будут умирать, не будут хоронить, будут смердеть! Тогда будут шукать людей без печати, а Бог будет их хоронить (охранять) – они (антихристовы слуги) не будут тебя видать (чтобы убить). И все это писано и сказано. Ванга говорила много, че будет. Нострадамус писал – “Новый город” будет ударенный с неба. Это все Бог сделает. И сделает новую землю. Когда будет Второе Прихо-

дение – все будут на 30 лет. И тогда будет большое сияние – **ультра-фиолет** – и **у кого печать, чи тот чип, сожжет всех!** Ультра-фиолетом сожжет тех, кто переживет голод и пожар. **А своих людей Бог спасет»** (В.Л.).

Реалии, источники, интерпретации

Реалии и их интерпретации, рассмотренные выше, очень интересны. Показательна и свобода, с которой современный старовер использует самые разнообразные источники.

План реалий. Факты, на которые староверы обращают внимание, типичны для современной, модернистской (постмодернистской) эпохи: действительность “перехода”, связанная с утратами социалистических привилегий и хаосом “нового капитализма”, т.е. политические, социальные, экономические и культурные проблемы; мощное наступление коммуникаций и виртуального мира – так называемые глобальные технологии; экология; терроризм. Среди этих проблем фигурирует не только генетика, но и геновая инженерия (это почти полный перечень особенностей “модернистского общества”, который предлагает Ж. Баландие [11. Р. 147–180]). “В 70-ые годы в Ерусалиме нашли плащаницу Христа. На ней есть капли крови. И начали делать лабораторны исследования, **чтобы клонировать Христа**” (Е.Ф.Д.).

Изменилась и “география” старообрядческого мира – это уже не “чистые” и “нечистые” земли, которые доминировали в старообрядческих представлениях до 90-х годов XX в. ([5. С. 63], ср. [12]), а глобальный мир – от США до Балкан и Афганистана. Центром этого мира является постсоциалистическое православное пространство. Враги этого мира – “управляющие”, Запад, евреи (интересно, что традиционный православный антисемитизм оставляет известное место этнической толерантности – пример с крестившимися евреями).

План источников. Толкование фактов, конечно, по-великорусски “своеобычно” и прежде всего подчинено библейским пророчествам, но очевидно и наличие ряда других источников. Это русская старообрядческая румынская и греческая православная религиозная литература (сочинения монаха Зосимы Паскаля, иеромонаха Христодула Агиоритула и др.) последних пятнадцати лет. Интересно, что среди них – пророчества Нострадамуса и болгарская книга о Ванге. Наряду с ними присутствуют радио (ВВС, религиозные каналы по греческому радио), телевидение (см. выше о “хороших” программах), кино (фильм Ф. Грюфо по роману Р. Брэдбери). Таким образом, старообрядческая культура теряет свою “локальность”²², приобретая присущую модернистской культуре эклектичность источников и интерпретаций²³.

Так традиционная формула старообрядческих эсхатологических представлений – реалии современности (эсхатологический знак – R) / традиционная аналогия или источник, как основа интерпретации (библейское пророчество, канонический источник, “свой” пророк – TA) несколько меняется. Реалиям современности могут соответствовать не только традиционные аналогии, но и другие источники – средневековые и современные “чужие” пророки, современная ре-

²² О локальности старообрядческой эсхатологии см.: [13. С. 10].

²³ Об этом на примере культуры валахов-румын в Болгарии см.: [14].

лигиозная и нерелигиозная литература, сюжеты радио- и телепередач и т.д. (А). Схематически это можно представить так:

В первом случае: **R – TA**

Во втором: **R – A1, A2, A3** и т.д.

Другими словами, возможны как любая аналогия, так и отсутствие всякой аналогии (**R – 0**), т.е. собственные умозаключения (ср. “Я был на Западе, в многих странах... Вроде богатенько живут, все так... А как-то **не весело, не браво, чувствуют, что скоро уже начнется** (Второе пришествие). Они не знают, не верят, но чувствуют... Вот и сегодня, **пришла коллега, говорит, голова болит, не браво ей... Чувствует...** Это мы все ощущаем, уже близко...” – В.Л.).

Таким образом, традиционная старообрядческая формула новое/старое (зло–добро) в значительной степени получает новые характеристики, где *старое, истинное* уже не ограничено рамками собственной традиции, дониконовской литературой и старообрядческими авторами.

Культурным трансформациям соответствует мобильность самих староверов, которые после социализма “перешагнули” через “железный занавес”. Особое место в их новом, “глобальном” мире занимает Греция. Мигранты-староверы быстро осваивают греческий, читают религиозную литературу и прессу, смотрят религиозные телевизионные передачи и слушают радио. Все, что они узнают там по религиозным проблемам, они передают в свои родные места – в Румынию, Болгарию. Разочарованные положением в собственных странах, видя Россию в такой же ситуации, как и остальные “страны перехода”, в Греции (в рассказах об узанном, в переводах современных греческих авторов на румынский язык) они находят тот “духовный ключ” к интерпретации и объяснению глобальных событий, ведущих к переменам в их странах: «Паисий Агиорит пишет за Грецию. Г. Киссенджер сказал в 1994 г: **“Народ греческий трудно управлять, и за это надо крепко ударить его в его культурных глубин. Язык, религия, резервы духовные и исторические, чтобы все развалилось.** Они (греки) портят наши дела в Балканах и они медитируют и в Ориент. А они очень важны для наших интересов”. **Поэтому и делают эти войны** (речь идет о войнах на Балканах, в Афганистане и о последней войне с Ираком)» (В.Л.).

Эти выводы бесспорно связаны с поведением Греции во время событий в бывшей Югославии и в Косове, когда, несмотря на членство в НАТО, страна ясно выразила свое несогласие с политикой пакта. Интересно, что во время работы над этой статьей появилось сообщение, что греческий митрополит подверг анафеме США и ЕС за их поддержку плана ООН объединить Кипр. Амвросий, митрополит Калавриффа, назвал США “мировым архитеррористом” [15. С. 35].

Таким образом, Греция является не только “опорой” православия, но и “средоточием” сопротивления.

Современный старовер: между традицией и сегодняшним днем

Исследование старообрядческой культуры в современных условиях представляет собой любопытный пример альтернативного мышления, основанного на актуальных для всего мира вопросах. Известно, что исследования так называемых глобальных процессов разделяют современный мир на четыре части – сверхдержавы, развитые капиталистические государства, развивающиеся страны и “традиционные” районы. Но эти части не гомогенны – во всех них присутствуют элита, которая пользуется достижениями глобализации, **средний класс** и

маргиналы, которые сосуществуют в границах одного государства, города, селения и пр. (соотношение между “глобализированными” и “маргинализированными”, соответственно, 20% к 80%). Основная характеристика глобализации – все большее обогащение и ограниченность элиты и маргинализация всех остальных.

В этой перспективе одной из альтернатив глобализации является “традиционный пояс”, который живет по своим законам, пользуясь институтами постмодернистского мира – неправительственным сектором, международными организациями, транснациональными механизмами, которые способны разрешить их конфликт с современностью и сохранить традиционную культуру. Важно отметить, что подобная “альтернатива” **возможна единственно среди общностей с устойчивой и своеобразной традиционной культурой**, какой бесспорно можно назвать русских староверов на Балканах.

Проиллюстрируем сказанное одним примером. Он основан на конфликте между “старым” и “новым” в социальной ситуации липованской общности после демократических перемен. Как и в других постсоциалистических странах, староверы **генерировали новую элиту**²⁴ – т.е. людей, призванных защищать их культурные, экономические и прочие интересы. С одной стороны, эти люди были очень ревниво встречены религиозными лидерами общности (первые обвиняли вторых в безграмотности и отсталости²⁵, вторые элиту – в неверии и старообрядческой безграмотности²⁶). Но при реальных достижениях, которых элита добилась в первые годы “перехода” (субсидии, покупка дома общины в Тульче, фестивали самодеятельности, языковые курсы для молодежи, расцвет интереса к вере, поездки в Россию и пр.), конфликт (основанный на борьбе за лидерство и в, конечном счете, за власть) в значительной степени был сглажен. Как и во всех четырех вышеупомянутых формациях, элита занимает особое положение, т.е. реально пользуется преимуществами глобализации (экономическими, социальными и политическими привилегиями), в отличие от всех остальных. Важно, однако, что при передачи в концессию на 10 лет французской фирме озера Разим община, в лице своего руководителя, реагировала незамедлительно. В настоящий момент заведено судебное дело против решения правительства в Международном суде в Страсбурге. Оно базируется на нарушении

²⁴ Именно в этом основная проблема этнических меньшинств – при своем “возрождении” они следуют модели формирования национальных государств, создавая элиту и, соответственно, предоставляя маргинализации всех остальных. (Подобную ситуацию мы наблюдали в постсоциалистический период у арумын, влахов-румын, цыган и т.д. на Балканах.)

²⁵ Эти примеры заимствованы как из бесед с руководством общины липован в г. Тульча, так и с духовенством в г. Тульча и с. Журиловка. Интересен рассказ главы общины (высокообразованного юриста) о приезде болгарских липован (из Силистры) на липованский фестиваль в 2001 г.: “Они приехали, с матушкой, все хорошо. Вдруг, стали их снимать, они как заорали, как позакрывались! Нельзя нас снимать, уберите аппараты! Дикие, что ли?” Тут следует добавить, что все эти люди многократно снимались (в том числе и в кино), но, очевидно, хотели представиться “по всем правилам” (румынские староверы считают у болгарских “более начитанными, более верующими”), чем вызвали огромное недоумение среди “новой элиты”.

²⁶ Часть сегодняшних старообрядческих лидеров в г. Тульча заново осваивает русский язык, читает об особенностях старообрядчества и т.д. (которых они не знали, что их совершенно не волновало в социалистические времена), т.е. “обучается старообрядческой этничности”. Процессы “выбора” этничности среди современных староверов заслуживают специальной работы.

конституционного права национальных меньшинств страны сохранять и поддерживать традиционную культуру и традиционные способы производства.

Очевидно, что своеобразное переплетение традиционного и современного присутствует не только в текстах липован, но и в их социальной жизни. Это дает основания ожидать нового прочтения традиционной проблематики старообрядчества в контексте новых глобализационных процессов в постсоциалистической Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Melchisedek*. Lipovenismul adică schismaticii și rusești. București, 1871.
2. *Сырку П.* Русские мистичные секты в Румынии // Христианское чтение. 1879. № 1–2.
3. *Сырку П.* Наши раскольники в Румынии и взгляд на них румынского общества // Христианское чтение. 1880. № 11–12.
4. *Иванов А.* Комплексное исследование русских-липован (русских-старообрядцев) Румынии // Культура русских-липован в национальном и международном контексте. Бухарест, 1996.
5. *Анастасова Е.* Старообрядците в България – мит, история, идентичност. София, 1998.
6. Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон, 1860. Т. 1.
7. *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. М., 1988.
8. *Топоров В.Н.* Московские люди XVII века (к злобе дня) // Philologia Slavica (К 70-летию академика Н.И. Толстого). М., 1993.
9. *Хоскинс Дж.* История Советского Союза (1917–1991). М., 1994.
10. *Aghioritul Hr., Ieromonah.* La Apusul libertatii. București, 2000.
11. *Balandier G.* Le détour (Pouvoir et modernité). Paris, 1985.
12. *Лотман Ю.* За понятието географско пространство в руските средновековни текстове // *Лотман Ю.* Поетика. Типология на културата. София, 1990.
13. *Фишман О.М.* Жизнь по вере: тихвинские карелы-староверы. М., 2003.
14. *Анастасова Е.* Этничност, традиция, власт (етюди за прехода). София, (в печати).
15. 24 часа. СПб., 2004. 8 апреля.

© 2007 г. М. ГЛАВАЧКА

ЕЩЕ РАЗ О ПОЕЗДКЕ АВСТРИЙСКИХ СЛАВЯН
В РОССИЮ В 1867 г.¹

О так называемом паломничестве славян на Русь в мае–июне 1867 г., поводом для которого послужило приглашение на московскую этнографическую выставку, как будто все уже давно сказано. В нашем распоряжении, кроме подробнейших статей, прежде всего Э. Вавры и Ю. Грегга, представляющих собой непосредственные впечатления о поездке [1], есть монография К. Казбунды “Путь славян на Русь и австрийская дипломатия”, содержащая анализ внешней политики и исторических обстоятельств, связанных с путешествием, а также достаточно достоверную информацию пражского полицейского управления [2]. Кроме того, необходимо упомянуть статью З. Тоболки в *Prager Presse*” (№ 135, 1924 г.), небольшую работу Й. Радимского “Моравия и путь в Москву в 1867 г.” [3], а также сочинение М. Прелога “Странствие славян в Москву в 1867 г.” [4]. Труд Шестака “Поездка чехов в Москву в 1867 г.” вышел в 1986 г. [5].

И, тем не менее, я еще раз возвращаюсь к этой, казалось бы, фактически исчерпанной теме. У меня была возможность познакомиться с делом № 366 под названием “Поездка славян в Россию в 1867 г.”, хранящимся в венском Домашнем, дворцовом и государственном архиве в фонде информационного бюро Министерства иностранных дел (далее ИБМИД) [6]. В этом деле находится полная сводка всех актов, секретных сообщений и газетных статей, которые австрийская полиция собрала в указанный период – с конца марта до начала июля 1867 г. Этот источник на самом деле являет собой образец “совершенной техники, при помощи которой правительство получало информацию о внутривнутриполитических тенденциях”, как когда-то констатировал Я. Опоченский [2. S. 6]. О причинах возникновения этого источника можно только догадываться. Летом 1867 г. существовали намерения начать судебное разбирательство в отношении некоторых участников поездки, но, в конце концов, до этого дело не дошло, так как доказательства возможной государственной измены должны были

Главачка Милан – д-р ист. наук, зав. отделом Исторического института АН ЧР, профессор Карлова университета.

Эта статья подготовлена в рамках исследовательского проекта MŠMT č. MSM0021620827 “Чешские земли в центре Европы в прошлом и настоящем”.

¹ За помощь в поиске литературы, касающейся моравских сюжетов, благодарю канд. ист. наук Павла Цибулку.

предоставить по большей части тайные агенты, которые не смогли бы выступить в качестве свидетелей в суде. На папке с документами содержится приписка от 11 сентября 1867 г.: “Изъять из делопроизводства и присоединить к материалам о московской выставке, которые использовались для составления приложенных выдержек”.

В деле находится 200 листов формата А3, расположенных достаточно бессистемно, поэтому сложно говорить о какой-либо внутренней структуре. Тем не менее, можно выделить четыре раздела:

1. “О генезисе этнографической выставки”, который в основном представляет собой копии газетных статей, например из “Abendblatt der Neuen Freien Presse” от 23 мая 1867 г., и статей из “Berliner Nationalzeitung”. Здесь также находятся выдержки из полицейских рапортов Управления пражской полиции (Prager Polizei Direction) 3088/I N.1873 P.P., в которых, например, фиксировалась попытка Франтишка Палацкого и Франтишка Ладислава Ригра примирить в Париже незадолго до отъезда в Россию поляков и русских, а также тексты выступлений этих чешских политиков в парижском Чешско-моравском обществе. Найдем мы там и сообщение пражского полицейского управления, что “доверенное лицо русского правительства было направлено в Прагу для зондирования настроений под предлогом приобретения музыкальных новинок”.

2. “Выдержки из официальных, конфиденциальных донесений и газетных статей об этнографической выставке в Москве (май–июнь 1867 г.)”. В этом разделе хранится пространная выдержка из упомянутой выше работы Вавры. Начальная страница этого раздела разделена вертикально. Одна часть содержит временную таблицу, другая – подробные цитаты из газет или писем Вавры, которые приносил в полицию его тесть К. Сабина.

3. “Список участников этнографической выставки в Москве”, который состоит из 82 имен, сгруппированных в соответствии с государственным подданством и национальной принадлежностью. Список также содержит сведения о профессии участников и месте их жительства, иногда о временных занятиях либо родственных связях внутри группы. Полиция имела сомнения относительно данных о тех участниках поездки, которые впервые попали в поле ее зрения. Лучше всего эти неясности иллюстрирует путешественник под номером 30, считавшийся словаком, а на самом деле поляк Радлинский (Андреас), к имени которого было карандашом приписано «Согласно сведениям Верного, – д-р теологии и священник в Кутах, согласно донесениям пражского полицейского управления, – адвокат в Пеште и редактор будапештских ведомостей (“Pest-Budinské vedomosti”)».

4. “Сообщения, газетные статьи и конфиденциальные записи об этнографической выставке и о поездке” и собственно описание поездки, составленное из цитат из венских и пражских полицейских донесений и секретных сообщений из Петербурга и Москвы. Только этот раздел имеет логическое расположение материала, так как его составили в австрийском посольстве в Санкт-Петербурге и отослали 14 июня 1867 г. с курьером в Вену. Введение состоит из перевода первой части упоминавшейся работы Э. Вавры, посвященной чешско-русским отношениям до 1867 г. Раздел, в свою очередь, делится на главы: “Приветствие паломников в Петербурге”; “Радушный прием и пребывание в Петербурге и Москве”; “Возвращение из Москвы в Петербург” и “Отъезд из России”.

Но, чтобы не ограничиваться лишь формальным описанием этого любопытного источника, попытаюсь подробно охарактеризовать его содержание. А для

этого необходимо проанализировать список славянских путешественников, дать разбор полицейских источников информации, рассмотреть события с точки зрения их политической значимости, и, наконец, показать заблуждения полиции, которым уделялось серьезное внимание, хотя речь, вероятнее всего, шла о ложной информации.

Наиболее представительную группу из участников поездки однозначно составляли чехи. Вместе с мораванами и одним сербом из княжества по имени Антонин Немец, у которого в Белграде была собственная мельница, их приехало в Петербург и Москву 27 человек, а это треть всего количества участников. Австрийские сербы послали 14 человек, к ним надо причислить и оказавшегося согласно списку среди хорватов серба д-ра Михаила Полита, т.е. их было 15. За ними по численности следовали 12 сербов из княжества (к ним принадлежал и Ян Шафарик). Остальные славянские народы составляли группы максимально из семи человек. От болгар был один представитель, то же самое касалось кашубов. Поляки, как известно, вообще не приехали. В оригинале список выглядел следующим образом: чехов – 21, словенцев – 3, мораван – 5, сербов – 12, словаков – 4, болгар – 1, русин и галицийцев – 4, черногорцев – 2, австрийских сербов – 14, лужицких славян – 2, хорватов – 6, прусских поляков (кашубов) – 1, далматинцев – 7 (см. приложение в конце статьи).

В полицейском списке, однако, отсутствовало имя Франтишка Августина Браунера, который, безусловно, также ездил в Россию. По социальному происхождению и профессиональной принадлежности приехавших можно обозначить как среднее сословие, среди которых было много представителей интеллигенции (литераторы, библиотекари, профессора, историки, архивисты, адвокаты, архитектор и художник), торговцы, несколько небогатых фабрикантов и, особенно у югославян, православные священники. Социальный уровень гостей, несомненно, связан с дороговизной путешествия. Некоторые чешские путешественники прибыли благодаря поддержке организации “Сватобор” (например, Э. Вавра получил на дорогу 400 золотых), а одного мораванина вообще дотировала тайная полиция суммой в 600 золотых. В группе приехавших шляхта была представлена очень незначительно. Из Чехии в Россию поехал скорее бедный, чем богатый участник событий 1848 г., барон Карел Драготин Виллани. Зато сербы, черногорцы и далматинцы послали и своих воевод, и графов. Отсутствие шляхты и католического духовенства среди чехов, мораван и униатских русин в целом понятно. Основными противниками поездки в Россию как раз и были католический клир и аристократия. Недовольство, с которым они издали следили за этой акцией, и, наоборот, поддержку, оказываемую путешественникам их партнерами по гражданской коалиции в чешском сейме, можно, прежде всего, проследить по частной корреспонденции. Эти настроения иллюстрируют письмо князя Йржи Кристиана из Лобковиц. В письме жене Анне от 1 мая 1867 г. он писал: “Отъезд нескольких богемцев в Москву я рассматриваю как огромную глупость. Я очень осуждаю это. Я не считаю, что это нечто плохое, но это весьма некстати и, возможно, очень вредно. То, что я в будущем мог бы сделать сам, что бы шло на пользу нашему стремлению, это, прежде всего, – создать благоприятное мнение о нас кайзера и его окружения. Кроме того, нельзя не признать изменение образа мыслей венгров, которые видят в чехах поддержку своим живущим в Венгрии славянам, что очень опасно для них. Таким образом, все, что напоминает панславистские тенденции, является для немцев и венгров вернейшим средством осложнить восприятие любого самого лучшего образа мыс-

лей о чисто богемских, и, как таковых, истинно австрийских тенденциях Богемии, что, возможно, и произойдет". Что касается Франтишка Ладислава Ригра, Й. Кристиан полагал, что тот поехал в Россию исключительно из тщеславия. В том же письме он замечал: "Я уверен, что, например, у Ригра за этим ничего не кроется, кроме тщеславия (коккетства), что, однако, чрезвычайно глупо" [7]. Среди гостей, прибывших в Россию из чешских земель, было много деятелей самоуправления и старост общин и округов, к которым принадлежал и упоминавшийся уже барон Карл Драготин Виллани. Он представлял скорее не обедневшее дворянство, а самоуправление бенешевского округа, окружным старостой которого являлся. В путь отправился также секретарь общины из Индрихова Градца Индрих Гоура и младоболеславский бургомистр и одновременно депутат земского сейма Карел Маттуш; среди моравян находился староста общины Градиско Антонин Коутски и староста и почмейстер из Гулина Индрих Фухс². В заключение можно констатировать, что чехов из Королевства представляли национально мыслящие представители средних слоев, прежде всего, из числа интеллигенции (сотрудники Национального Музея), адвокаты (Ф. Ригер, Томаш Черны и также отсутствующий в списке Ф. Браунер), мелкие и средние предприниматели (Карел Топинка, Ян Кубишта) и чиновники местного самоуправления, которые во многих случаях представляли определенную политическую линию и своим участием в поездке явно демонстрировали негативное отношение к дуализму. Не будем также забывать, что в делегации были три лидера чешского национального движения, а именно Ф. Палацкий, Ф. Ригер и Ф. Браунер, которые, несмотря на столкновения с младочешским крылом (Грегр, Вавра) и радикалами, группировавшимися вокруг князя Рудольфа Турна Таксиса, пользовались большим авторитетом в Чехии.

Зато Моравию представляли четверо более или менее случайно заинтересовавшихся поездкой людей без четкой политической ориентации, а пятого моравянина, как уже говорилось, направила в Россию непосредственно полиция. В числе прибывших находились бывший воспитатель графа Шенборна, доктор философии, переводчик и историк искусства, страдавший эпилепсией, Ян Мюллер из Требице, доктор права, кромержицкий адвокат Карел Рогачек, которого кромержицкий гетман Умлауф в донесении наместнику охарактеризовал как "незначительного, непривлекательного и неспособного прихвостня" и который был отправлен в Москву как наблюдатель на деньги своего хозяина. В Россию выехал также зажиточный мельник из Градиски у Кромержижа Антонин Коутски, который по возвращению из России не скрывал своих негативных впечатлений, заявляя, что "не хотел бы там жить даже после смерти" и, как сообщал информатор, во всеуслышанье нахваливал лишь русскую водку. Почтмейстер и трактирщик и, согласно полицейскому списку, еще и староста Игнаций Фухс из Гулина в тайных донесениях характеризовался как "ничем не примечательный человек", который "поехал в Россию исключительно по приглашению своего брата", работавшего на русской железной дороге. По возвращению из Москвы он больше всего хвалился тем, что "ехал в поезде первым классом". В Россию поехал также Франтишек Прудек, родом из Раквиц, позднее ставший чиновником при судебных книгах в Брно. Он единственный из всех активно занимался

² В полицейском донесении говорилось также, что официальное приглашение в Россию получил еще староста Држимал из Безмерова вблизи Кромержижа.

политической деятельностью в рядах моравских младочехов. Можно процитировать слова Й. Радимского: “Моравия в действительности ничем не отличилась, если внимательно сравнить с репрезентативным представительством из Чехии, потому как национальное сознание этих земель в 70-е годы все еще плелось в хвосте у чешского” [3. S. 356–358].

Так же как и сегодня, в то время тайная полиция черпала свою информацию из открытых и из тайных источников. Открытым источником в данном случае можно считать чешскую, русскую и другую иностранную печать и последовавшие книжные издания. К секретным источникам информации принадлежали донесения из петербургского посольства и рапорты пражских и венских тайных агентов. В рассматриваемых архивных документах, если использовалась секретная информация, указывался ее источник, то есть имена трех агентов, которые пристально следили не только за пражской, но и за австрийской, и чешской, да и за всей славянской либеральной средой. Один из агентов под псевдонимом “Верный” находился непосредственно среди путешественников. Пражских агентов звали Роман и Михель. Благодаря Казбунде, а позднее и Я. Пуршу, мы знаем всю подноготную деятельности Романа (Сабины) в качестве донсчика и неблаговидную роль, которую помимо своей воли пришлось сыграть известному участнику экспедиции, одному из немногих, кто, подобно профессору техники Йозефу Коларжу, был способен свободно общаться на русском языке, т.е. Э. Вавре [8]. Именно его письма или выдержки из них подробно разбирались и анализировались венской полицией. Их дополняли сообщения уже упоминавшегося Михеля, который также действовал в Праге в чешском национальном движении и поставлял достаточно обширную, но в основном вторичную информацию. Агент Верный был для полиции, несомненно, самым ценным и самым способным информатором. Более того, в отличие от Романа, он так никогда и не был разоблачен. Его наблюдения, касавшиеся участников поездки, были, хотя и весьма критическими, но, надо признать, и достаточно объективными. К сожалению, настоящее имя этого агента не упоминается в полицейских бумагах, поэтому долгое время его трудно было идентифицировать. Из сочинения Казбунды известно, что пражское и венское полицейские управления объединили усилия по внедрению своего человека прямо в саму группу отъезжавших. “Посылать отдельно доверенное лицо в Москву было бы дороже, хотя, конечно же, надежнее, так как в этом случае агент зависел бы только от инструкций и являлся бы всего лишь наблюдателем в интересах высокого правительства”. К. Казбунда не привел его полного имени, но в приложении к своей работе он поместил письмо заместителя главы венской полиции Павла Шафера от 5 мая 1867 г. надворному советнику, начальнику пражского полицейского управления Адольфу Стробицу, в котором говорилось: “Я ознакомился с Вашим предложением, содержащимся в докладе от 3 числа сего месяца за № 49 г. Р., о том, чтобы ограничиться в отношении контроля за происходящим на этнографической выставке в Москве не прямым командированием туда, а сведениями, передаваемыми агентом Романом, но, чтобы непосредственно следить за указанными событиями, предпринята и другая мера при помощи лица, состоящего в доверительных отношениях с правительством” [2. S. 98–99]. Я. Пурш, которого инструктировал сам Казбунда перед его венскими изысканиями, этого агента выявил, но не уделил ему внимания. “Личностью, состоящей в доверительных отношениях с правительством”, называли участника поездки, значившегося в указанном полицейском списке под номером 25, т.е.,

по сведениям брненской полиции, торговец, а согласно донесению Й. Радимско-го, чиновник, ведший судебные книги, Франц Прудек, вернее Франтишек Прудек. Его по прямому приказу из Вены начальник брненской полиции Ле Моньер направил в Санкт-Петербург и Москву, вручив на дорогу 600 золотых. Никаких сообщений о пребывании Прудека в Петербурге и Москве, также как и о пребывании большинства участников поездки, в этом венском архиве не найдено, поэтому К. Казбунда, а вслед за ним и Я. Пурш, который, правда, лишь перефразирует Казбунду, предположили, что полиция так ничего за свои 600 золотых от него и не получила. Если верить Казбунде, то после своего возвращения из России Прудек ни на кого не доносил и не реагировал на угрозы полиции, которая была вынуждена отказаться от дальнейшего давления, чтобы не компрометировать себя” [2. S. 78].

Кто же такой Франтишек Прудек? Согласно сведениям М. Гиски, родился он в Раквице 23 марта 1821 г., изучал философию, участвовал в борьбе словаков с венграми, был арестован и приговорен к смерти. Бежал из Венгрии в Брно, где стал судебным стряпчим. С 1861 г. занимался политической деятельностью и организовывал в ночь на Ивана Купалу паломнические поездки поездов в Прагу.

По словам Я. Янака, Франтишек Властимил Прудек являлся издателем брненского сатирического журнала “Оса” [9], вокруг него объединились моравские младочехи (Михал Б. Кржиж, Вилем Фоустка, Франтишек Й. Кубичек). Он активно участвовал в революционных событиях 1848 г., затем примкнул к либеральному крылу Моравского национального объединения, его деятельность привела к уходу из объединения моравских священников, а затем его распаду. С этого времени он известен в основном острой критикой моравского клира и общества кирилломефодиевского наследия [10. S. 202], участием в национальном движении. Особенно активно он действовал в брненском читательском кружке. В полицейских донесениях его называли главным основателем брненского общества “Беседы” и одним из наиболее красноречивых агитаторов за национальные интересы среди деревенских жителей Моравии, причем для агитации он использовал коммерческие поездки [11]. В 1863 г. он вместе с остальными “молодыми” организовал кирилломефодиевские торжества в Брно [12. S. 112].

В феврале 1865 г. Прудек объявил о создании Акционерного общества славянского национального книгоиздательства в Брно совместно с хозяином национального книгоиздательства Вилемом Фоусткой, у которого были финансовые проблемы, и которому руководство моравской национальной партии высказало недоверие. Однако этим не удалось решить проблемы Фоустки [12. S. 116–117].

В начале 1866 г. Прудек предпринял одну из попыток основать рабочее объединение. 2 февраля 1866 г. он сообщил в полицейское управление, что несколько рабочих из Брно попросили его прочитать им лекцию о потребительских обществах за границей и их устройстве, а затем составить устав такого общества и предложить его на рассмотрение рабочего собрания, которое намечалось провести 11 февраля. Но разрешение на проведение собрания не было получено. Поэтому Прудек повесил на двери помещения, где оно должно было происходить, объявление на чешском и немецком языках, что де собрание откладывается, но подготовительный комитет работает над уставом всеобщего рабочего потребительского союза. Рабочие, группами прибывшие на собрание,

спокойно разошлись [13. Press. 102/1866]. Обсуждение устава должно было происходить на рабочем собрании 17 февраля. Однако и это собрание не состоялось, так как 16 февраля Прудек забрал из полиции свое прошение. Объяснялось это его намерением сначала обсудить устав в частном порядке и лишь позднее вновь подать прошение о разрешении провести общее собрание для принятия устава общества [13. Press. 115/1866]. Вероятнее всего, устав наконец-то был принят 28 января 1867 г. Однако это Потребительское рабочее общество большого значения не приобрело [12. S. 120].

“Оса” перестала выходить во время прусской оккупации Брно, а после ухода пруссаков ее издание было полностью прекращено из-за финансовых проблем. Редактор Кржиж хотел во что бы то ни стало сохранить издание, из-за чего у него возник спор с владельцем издания Прудеком, но все усилия редактора оказались напрасными, и “Оса” перестала выходить [12. S. 119].

Согласно сведениям, приводимым А. Мезником, Прудек должен был участвовать в выборах в 1867 г. в качестве альтернативного кандидата против официальных кандидатов национальной партии [14. S. 53]. Янаку не удалось выяснить, где должен был баллотироваться Прудек [12. S. 120]. Выборы 1867 г. являлись, собственно говоря, последней неудачной попыткой публичного выступления младочехов в Моравии [12. S. 121]. Летом 1867 г. Прудек в составе славянской делегации посетил Москву, откуда возвратился лишь спустя два года, поселился в уединении в Простееве, где и скончался от туберкулеза 11 января 1873 г. [15]. По словам Янака, на Прудека брошена тень до сих пор надлежащим образом не выясненного вопроса о его сотрудничестве с тайной полицией [12. S. 123]³.

Имея в виду все, что мы знаем о Прудеке, можно предположить, что он являлся многолетним элитным агентом австрийской полиции, который контролировал, и при случае, противодействовал чешскому рабочему, национальному и либеральному движению в Брно. Указанные документы из фонда Информбюро Министерства иностранных дел ссылаются на указанного агента содержат, тогда как информация Казбунды о его деятельности, исходящая от самой полиции, требует дальнейшего подтверждения. Двухгодичное пребывание Прудека в России мы пока, без знания других материалов, можем расценивать либо как бегство от австрийской полиции, либо как продолжение работы на нее за границей.

Еще одним источником информации о поездке являлось австрийское посольство в Санкт-Петербурге во главе с графом Ревертероу. Чтобы понять, насколько детально информировали дипломаты полицию о характере, ходе поездки и поведении отдельных членов делегации, можно привести рапорт № 32227/Л от 29 мая 1867 г. (в полицейское управление Вены), где говорилось, что д-р Михаил Полит, проходивший в списке австрийских сербов под номером 47, “мечтает об объединении всех южных славян”, а согласно донесению № 3471/Л “он вообще стремится к объединению Белграда и Москвы”. 23 мая 1867 г. он якобы привлек к себе всеобщее внимание в петербургском Английском клубе, заинтересовав общество рассказом о том, что ему пришлось отказаться от места секретаря хорватского сейма в связи с тем, что ему не хотели давать отпуск на время поездки. Сообщалось, что он намеренно присутствовал на

³ В примечании Янак добавляет: “Из новых работ этих вопросов в какой-то степени касается Я. Пурш” [16. S. 138].

приеме у канцлера князя Александра Михайловича Горчакова в составе делегации сербов из княжества, что противоречило церемониалу. После возвращения на родину Полита лишили возможности заниматься адвокатской практикой. Такими государственно неблагонадежными стали подобно д-ру Политу после возвращения домой проф. Головацкий из Львова и Э. Вавра, которые в конце концов вынуждены были перебраться в Россию. Среди наказанных участников поездки можно указать и барона Виллани, которого император не утвердил на должность районного старосты, и, более того, летом 1868 г. при помощи наместника распустил бенешевское представительство.

Еще одним источником информации является само пражское наместничество, так как оно контролировало телеграммы, отправляемые в Россию. Приветственные телеграммы посылали, прежде всего, представительства чешских общин (Мниховское Градиште и Кутна Гора). Полицию при этом больше интересовало, кто их отсылал, а не что в них написано. Кутногорское представительство в дальнейшем также было распущено.

Австрийская полиция отслеживала поведение своих граждан. Остальные члены делегации интересовали ее лишь с точки зрения возможного влияния панславистских идей на дезинтеграцию империи. В венских архивных материалах этот подход сформулирован следующим образом: “Панславистское движение, которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением [...] По-видимому, она имеет не только этнографическое значение”. Так как основная задача австрийской полиции заключалась в контроле за внутривосточной ситуацией в империи, то она и оценивала в первую очередь политическое влияние и авторитет отдельных членов делегации. По сведениям полиции, скорее всего вышеупомянутого агента Верного, среди путешественников находилось очень мало “политически просвещенных голов”. К ним принадлежали лишь “Палацкий, Ригер, Браунер и Грегг из Чехии, Суботич и Полит из Хорватии (это были сербы), Данило из Далмации, Петронивич, Шафарик, Милицевич из Сербского княжества. А если еще исключить нескольких литераторов (Эрбена, Вртятко, Виллани, Мюллера, Смолера, Лукшича, Гая, Черного и Маяра) и нескольких профессоров (Хамерника, Коларжа, Головацкого, Матковича), а также еще нескольких священников (Милутинович, Бегович, Кукич и Ковачевич), то можно утверждать, что остальное путешествующее общество состоит из ничего не представляющих собой личностей”. Полиция обратила внимание, что в этой делегации хорошо представлена партия “младочехов” Ю. Грегг и Э. Вавра).

Австрийскую полицию чрезвычайно интересовало, о чем велись частные беседы, за что поднимали тосты. Так, например, можно прочитать донесение, что 4 июня 1867 г. барон Карел Драготин Виллани и некоторые другие члены чешской делегации получили приглашение в Английский клуб в Москве. Здесь в специфической форме тостов они выражали свое отношение к России и ее современной роли в славянском мире. Сначала князь Давыдов заверил “путников”, что русское дворянство однозначно встало на либеральный путь. Барон Виллани поднял тост за “русское дворянство, которое так блестяще проявило свой патриотизм при отмене крепостного права”. Вслед за этим Ф. Ригер хвалил с бокалом в руке героизм русского народа при освобождении южных славян от турецкого ига. И только старый джентльмен Ф. Палацкий не стал утруждать

себя притворством и произносить избитые комплименты о мнимом либерализме хозяев и воинской храбрости, а поднял тост “за русских дам”.

Австрийская полиция также с удивлением отмечала, что русские очень хорошо осведомлены о выдающихся австрийских славянах. Поэтому именно тем из них, кто входил в делегацию, уделялось наибольшее внимание. В первую очередь это относилось к Палацкому и Ригеру. Полиция также интересовалась русином Головацким, сербом Политом и хорватом Матковичем. Но ей так и не удалось выяснить, проходили ли в Петербурге либо в Москве “политические совещания”, дословно “политические конференции”. “Если они и проходили, – сообщал в Вену агент Верный, – то наиболее правдоподобно лишь в составе корифеев этого общества, включая Палацкого, Ригера, Браунера, Есенского, Смолера, Головацкого, Шафарика, Суботича и, возможно, Данилы, никого другого не допустили бы”. В заключение он предполагал, что подобная конференция в “узком кругу”, возможно, и состоялась, и участники могли прийти к конкретным договоренностям: 1) Россия открыта для чешских колонистов; 2) русские книги будут переправляться в Австрию через книготорговое предприятие Смолера в Будишине; 3) языком славянской науки станет русский.

Полиция проверяла те сведения, которые она получала от своих информаторов, даже если они казались фантастическими. Например, было получено донесение о том, что молодой Палацкий должен купить имение Опочно для русских колонистов. Может быть, дело было в общеизвестной хвастливости Палацкого-младшего, которого в чешском обществе звали “перепутанным, а затем приведенным в порядок научным словарем”, а может быть, это был зондаж реакции австрийских властей относительно возможности покупки или найма помещения для православного храма в Праге. Но в любом случае имя Палацкого попало в списки неблагонадежных. Точно так же проверялась реальность идеи польско-чешской конфедерации, а также был ли проф. Мартин Хаттала инкогнито в Москве, серьезно или нет рассматривал молодой граф Горах мысль о поездке на этнографическую выставку в Москву. Большую озабоченность полиции вызвало сообщение о выступлении Скрейшовского в Петербурге в честь сына великого князя Константина, молодого Вацлава Константиновича, – единственного претендента на чешский трон. Комментарий Вавры к этому событию очень хорошо характеризует душевный разлад и общую атмосферу внутри чешской делегации. “Вчера наши обсуждали, что и кто будет говорить на большом приеме у хозяев, – писал Эмануил Вавра своему тестю Карлу Сабине 5 июня 1867 г. в Прагу, – Ригер скажет о поляках, Браунеру сербы советовали поднять тост за Вацлава Константиновича, он, однако, не хотел с этим связываться и предложил для этого Скрейшовского, который это, вероятно, сделает, чтобы мир узнал, ого! какая отважная величина этот доктор Скрейшовский. Мне любопытно, как он это выскажет”. Ф. Скрейшовский произнес тост в честь Вацлава Константиновича, но это произошло как раз тогда, когда другой чех, Йозеф Вацлав Фрич, произносил в целом антирусскую речь при открытии памятника Адаму Мицкевичу в Париже. Они оба за свои такие разные выступления попали на заметку полиции на родине [2. S. 125].

Поездка славянской делегации Австро-Венгрии на этнографическую выставку в Россию в 1867 г. имела большое значение. Хотя уже Карл Гавличек в 40-е годы XIX в. и в период революции 1848–1849 гг. значительно изменил туманные славянские представления Я. Коллара. Путешествие в Россию превратило их в политическую реальность, реальный политический аргумент. До сих

пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась и превратилась в русско-чешскую, русско-сербскую, русско-черногорскую и тому подобную взаимность. Она стала живой, целенаправленной, политической (возможно и внешнеполитической) конструкцией или вариантом, который мог в благоприятной политической ситуации (а именно в ходе много раз предсказываемой и ожидаемой чешскими политиками большой войны на Балканах) значительно ускорить все центробежные процессы в габсбургской монархии. Конкретным, хоть и частным результатом поездки в Россию можно считать и привезенное чехами из Петербурга неофициальное обещание, что, если Австрия распадется, великая славянская Россия не допустит, чтобы Чехию, Моравию, а также нижнюю Австрию и Тироль поглотила Пруссия. Страх австрийских политиков перед русской экспансией в среднюю Европу конкретизировался разоблачением “плана Константина”, что можно считать политической удачей австрийской полиции. Но, с другой стороны, поскольку жива была идея австро-славизма, и она находила у поколения Палацкого и Ригра значительную поддержку, лояльность в отношении империи, несмотря ни на какие угрозы и вышеупомянутую поездку в Россию, не только декларировалась, но и существовала в действительности. Когда младочехи, одержавшие победу в конце 90-х годов XIX в., исключили австро-славизм из своей политической программы, им было, чем его заменить. Культурное и культовое влияние католичества и общие цивилизационные либеральные стереотипы политической элиты чешского общества мешали серьезно разыграть русскую карту. Поэтому в чешском обществе и во время поездки в Россию весной 1867 г. в основном лишь велись разговоры в пользу славянской идеи, которые в большей степени деструктивно влияли на чехов, чем на саму габсбургскую монархию. Но, как обратила внимание австрийская полиция, после поездки на Русь “панславизм”, или вернее неопределенные мечты о России, то есть “славянофильство” перестало быть лишь прерогативой избранных, а впервые получило более широкое распространение в чешском обществе, которое подкреплялось уже конкретной информацией о России, а также личными впечатлениями о ней.

*Перевод с чешского языка Е.П. Серапионовой,
с немецкого – Н.А. Богаевой*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vávra E.* [a *Gregr J.*] Pout Slovanů v do Ruska a její význam. Praha, 1867.
2. *Kazbunda K.* Pout' Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie. Praha, 1924.
3. *Radimský J.* Morava a pout' do Moskvy r. 1867 // *Časopis Matice Moravské* LXVII. 1947.
4. *Prelog M.* Pout' Slovanů do Moskvy roku 1867. Praha, 1931.
5. *Šesták M.* Pout' Čechů do Moskvy roku 1867. Praha, 1986.
6. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Fond Informationsbüro des Aussenministeriums, 4, 1868, složka 366 “Wallfahrt der Slawen nach Russland 1867”.
7. Státní oblastní archiv Litoměřice, pobočka Žitenice, fond: Rodinný archiv Lobkovicové mělnicko-hořínští. Osobní a politická pozůstalost Jiřiho Kristiána Lobkovicé, korespondence s ženou.
8. *Purš J.* K případu Karla Sabiny. Rozpravy ČSAV, Řada společenských věd, roč. 69, sešit 8. Praha, 1959.
9. *Hýsek M.* Brněnská “Vosa” // *Časopis Vlasteneckého spolku muzejního v Olomouci*. XXXII. 1920. S. 6–13. Vosa vycházela od 15 února 1864.
10. *Vychodil P.* František Sušil. Životopisný nástin. Brno, 1898.

11. Moravský zemský archiv. Presidium místodržitelství. Karton 1934. Čj. 133/1863 Geh. Zprava policejního ředitele v Brně z 14. října 1863.
12. Janák J. K předhistorii vzniku mladočeského směru v táboru moravské buržoazie // Sborník prací filosofické fakulty brněnské univerzity XI. Č. 9. 1962.
13. Moravský zemský archiv. Policejní ředitelství. Karton 179.
14. Kameníček F. Paměti a listář DR. Aloise Pražáka II. Praha, 1926.
15. Občan. 19 I. 1873.
16. Purš J. K případu Karla Sabiny. Praha, 1959.

Приложение

Список делегации

Böhmen

1. Czerny Thomas, J.U.D., Prag
2. Erben Karl, Stadt. Archivsdirector, Prag
3. Gregr Julius, Eigenthümer der Národní listy, Prag
4. Hamerník Josef, M. D. Universitätsprof., Prag
5. Houra Heindrich, Gemeindevorsteher Neuhaus
6. Jelínek Břetislav, Fabrikantensohn, Prag
7. Jičínský Carl, J.U.D., Wien – Prag
8. Kolář Josef, Prof. am Politechnikum, Prag
9. Kubišta Johann, Galanteriewarenfabrikant, Prag
10. Mánes Josef, Maler, Prag
11. Matuš Carl, J.U.D., Landtagsabgeordneter, Jungbunzlau
12. Palacky Franz, Historiograf, Prag
13. Palacky Johann jun., Dr. der Phil., Prag
14. Patera Adolf, Museumsadjunkt, Prag
15. Rieger Franz Ladislaus, J.U.D., Prag
16. Skřejšovský, Franz, J.U.D., Buchdruckbesitzer, Prag
17. Topinka Carl, Fabrikant, Prag
18. Vávra Emanuel, Literat, Prag
19. Vrt'átko Jaroslav, Mus. Bibliothekar, Prag
20. Villani Carl Maria Baron, Gutsbesitzer, Strážkov
21. Zvěřina Alois, Architekt, Prag

Mähren

22. Koutský Anton, Gemeindevorsteher, Hradisch
23. Fuchs Heinrich [правильно Ignác], Bürgermeister, Hullein
24. Müller Johann Dr. der Phil., Třebíč

25. Prudek Franz, Produkthenhändler, Brünn
26. Roháček Carl, J.U.D., Kremsier

Slovačen

27. Jesenský Johann, Advokat, St. Martin
28. Molčan, Theolog, Ungarn
29. Mudroň Paul, Advokat, Pressburg
30. Radlinsky (Andreas), Nach Werny Dr. der Theologie und Pfarrer in Kutý, nach dem Bericht der Prager Polizeidirection Advokat in Pest und Redakteur der Pest-Budinské vedomosti

Ruthenen aus Galizien

31. Buccki Longin, Ingeniuer, Lemberg
32. Golowacki Jakob, Professor, Lemberg
33. Livčak Josef, Redakteur, Wien
34. Paulevic Hieronimus? Eugen?, Dr. der Rechtelehre, Lemberg

Österreichische Serben

35. Barako Johann, Handelsmann, Karlowitz
36. Begovic Nicolaus, Pope, Petrinia
37. Kostic Lazar, D. Professor, Neusatz
38. Kotus Alexander, Kaufmann, Karlowitz
39. Krstic, Student, Beckerek
40. Kucic Rafael, Pope, Petrinia
41. Milutinovic Uros, Pope, Petrinia
42. Polit Michael. J.U.D., Agram
43. Radak, Advokat, Werschetz
44. Subotic Johann, (?), Agram
45. Subotic Dean, dessen Sohn, Agram
46. Vasiljevic Živko, Kaufmann, Semlin
47. Volic, Advokat, Werschetz

48. Vukasinovic Alex, Notar, Vukovar

Croaten

49. Gaj Ljudevit, Redaktuer, aus Agram

50. dessen Sohn, Agram

51. Bedekovic Mirko. J.U.D., Agram

52. Lay Felix, Fabrikant, Esseg

53. Lukšic Abel, Literat aus Carlovic, Wien

54. Matkovic Peter, Professor, Agram

Dalmatiner

55. Babic Christov, Kaufmann, Srebrenica

56. Bilbia Spiro, Realitaeten Besitzer, Biograd

57. Danilo Johann, Redakteur, Zara

58. Jankovic Ilie, Graf, Zara

59. Kovacevic Jerofej, archimandrita, Dalmatien

60. Pucic Mathias, Graf, Ragusa

61. Sinobad Andreas, Kaufmann, Zara

Slovenen

62. Hudec Alexander, J.U.D., Laibach

63. Majar (Meier) Mathias, Pfarrer, Kärnten

64. Vilkar Johann, Kaufmann, Laibach

Serben aus Fürstenthum

65. Giorgevic Vladan, Redaktuer, Wien, auf Dordevic genannt

66. Kovacevic Nikolaus, Kaufman, Belgrad

67. Medakovic Milodar, Literat, Belgrad

68. Milenkovic Johann, Advokat, Belgrad

69. Milicevic Mireu, Ministeriak Sekretär, Belgrad

70. Nemeč Anton, Dampfmühlbesitzer, Belgrad

71. Pavlovic Tomas, Kaufmann, Belgrad

72. Petronievic Mireu, Minist. Beamte, Belgrad

73. Petrovic Dragotin, Advokat, Belgrad

74. Radivojevic Ljubomir, Med. Dr., Krajujevacz

75. Safarik Johann, Dr. Bibliothekar, Belgrad

76. Teodorovic Stefan, Professor, Belgrad

Bulgaren

77. Bogovov Johann, Med. Dr., Plovdiv in Bulgarien Montenegriner

78. Plamenec, Woivoda, Montenegro

79. Vukotic /Radovic/, Woivoda, Schwiegervater des Fürsten

Slaven aus Sachsen /Lausitzer/

80. Schmalder /Smoler/ Johann, Redakteur und Buchhändler, Bautzen

81. Deutschmann /Dučman/ Peter, Med. Dr., Bautzen

Preussisch Polen /Koschuben/

82. Čenova Florian, MUDr., Bukowety

© 2007 г. А. А. ПЛОТНИКОВА

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СЕЛА В РУМЫНИИ: АРХАИКА И ЗАЙМСТВОВАНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ*

В конце июня 2006 г. состоялось первое этнолингвистическое исследование русских старообрядческих сел в Румынии¹ – были обследованы четыре села в Добрудже (округ Тульчи): Сарикёй, Слава Русэ (Русская Слава), Слава Черкезэ (Черкесская Слава), Журиловка². При сборе материала по основным темам традиционной народной духовной культуры – рождение, свадьба, похороны, народный календарь, народная мифология был применен этнолингвистический вопросник “Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала” [1]. Данный вопросник ориентирован на балканский культурный контекст, поскольку изначально создавался как часть программы “Малого диалектологического атласа балканских языков” (см. [2]), а впоследствии приобрел и самостоятельное значение для исследования терминологической лексики традиционной народной духовной культуры и соответствующего экстралингвистического материала южнославянских (и шире – балканских) народов по единой схеме, в результате чего по нему были обследованы различные регионы Болгарии, Сербии, Македонии, Хорватии, Греции (всего свыше 40 сел)³.

Плотникова Анна Аркадьевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

* Авторская работа выполнена при финансировании Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН “Русская культура в мировой истории” (проект “Русские села на Балканах: архаика и заимствования в народной культуре”).

¹ Выражаю глубокую благодарность Институту этнографии и фольклора Румынской Академии и лично директору Института чл.-корр. Сабине Испас, а также сотрудникам Института – д-ру А. Гуца и д-ру Р. Тоадеру – и сотруднице Румынской Академии г-же Татьяне Опреску за организацию экспедиции к русским старообрядцам Добруджи.

² Выражаю сердечную благодарность всем добровольным помощникам в данной экспедиции, прежде всего гостеприимным хозяевам из с. Сарикёй – Севастьяну Феноген, его супруге Клавдии Феноген и их дочери Александре Феноген, которые всячески способствовали организации всего исследования, Елене Федот из с. Слава Русэ, Ирине Михайлов из с. Слава Черкезэ, Соломии Малай из с. Журиловка и всем тем жителям, которые с удовольствием общались со мной и существенно облегчили работу. От души благодарю председателя Фонда им. Ф.М. Достоевского Е.В. Логиновскую за активное содействие в проведении экспедиции. Далее в статье: **Ж** – Журиловка, **С** – Сарикёй, **СР** – Слава Русэ, **СЧ** – Слава Черкезэ.

³ См., например, публикации полевых материалов, собранных по этому вопроснику, в диалектологических сборниках Института славяноведения [3; 4; 5].

Применение этнолингвистического вопросника, ориентированного на изучение **балканской** специфики Юго-Восточной Европы, в русских старообрядческих селах было связано с предварительно поставленной двойкой задачей: во-первых, выявить архаический пласт народной культуры, сохранившийся у русских в условиях иноязычного и инокультурного окружения, во-вторых, определить степень влияния иноэтнической культуры (в данном случае – румынской) на народную традицию русских старообрядцев. Вопросник, ориентированный на балканскую специфику традиционной народной культуры, стал важным инструментом в решении этой второй части поставленной цели, поскольку с его помощью определялись как заимствованные, так и не заимствованные, но известные жителям фрагменты соседней традиции. Следует также отметить, что часть вопросов имеет универсальный характер для обследования и славянских, и неславянских балканских регионов (например, касающиеся рождения ребенка, представлений о смерти человека или хозяйственной деятельности и т.д.)⁴. Для более детального изучения **восточнославянской базы** народной традиции старообрядцев была привлечена также “Программа полесского этнолингвистического атласа” [6. С. 21–49], прежде всего в тех ее частях, которые дополняли указанный вопросник [1] (народный календарь, народная мифология). Кроме того, хорошим подспорьем в работе послужили вопросники Т.Ю. Власкиной (“Программа сбора материала по обычаям и обрядам, связанным с рождением и ранним периодом жизни детей”) и Н.И. Бондаря (“Календарные обряды и праздники”, “Свадебные обряды”, “Врачевание и фольклор”, “Народные знания в прошлом и фольклор” – четыре вопросника, использующиеся в работе Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ “Кубанский казачий хор”)⁵. Все вопросники, направленные на изучение восточнославянской народной культуры, значительно облегчили задачу выявления базовой культурной традиции, связанной с первичной территорией русских старообрядцев. Помог также и многолетний опыт работы над этнолингвистическим словарем “Славянские древности” [7], целью создания которого является воспроизведение мировоззрения древних славян на основе реликтов прошлого, сохранившихся в жизни славянской деревни двух последних веков.

В условиях иноязычного и инокультурного окружения русские старообрядцы Добруджи, в настоящее время известные как “липоване”⁶, сумели сохранить не только свой язык и религию, но и традиционную народную культуру, включающую впечатляющие по своей архаичности компоненты. Пожалуй, именно религиозная замкнутость общины способствовала, как это ни парадоксально, консервации и тех черт духовной культуры, которые самой церковью осужда-

⁴ См., например, вопросы по теме “Рождение”: “Бездетная, бесплодная женщина”, “Беременная женщина”, “Роженица”, “Повивальная бабка, акушерка” и под.

⁵ Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить коллег Т.Ю. Власкину (Ростов-на-Дону) и Н.И. Бондаря (Краснодар), любезно предоставивших свои вопросники для работы в русских старообрядческих селах Румынии.

⁶ Существует большой корпус работ, как научного, так и популярного характера, в которых объясняется возможное происхождение этнонима *липоване* (в частности, возможно, от имени *Филиппа* Олонецкого или от наименования почитаемого здесь дерева – *липы*; впрочем, не исключено и участие в последовательном формировании данного этнонима как собственного имени, так и апеллятива). При этом необходимо отметить, что местная интеллигенция села Сарикей настаивает на употреблении этнонима *некрасовцы, казаки-некрасовцы*, связывая историю своего села, а также и ряда других русских сел на юго-востоке Румынии с казацкими поселениями в этой местности в XVIII в. (подробнее см. [8. С. 16-22]).

лись как "грех", "ересь". Так, в обыденной речи магические действия, ворожба, представления о мифологических персонажах оцениваются жителями как *грех*, а также и более экспрессивно: *ерести, дурости*⁷. Вместе с тем, даже в народном календаре старообрядцев некоторые архаические компоненты уживались и уживаются с конфессиональной спецификой: например, обливание водой друг друга в день Ивана Купалы (*Иван Покупальный, С; Иван на Купайла, СЧ*) по возвращении из церкви (встречается и мотивировка: *вода смывает все грехи, СЧ*), обход домов на Новый год или Рождество (ходили *апулюкать Ж; Примите сею-вею! СЧ*), представление об активизации ведьмы под Пасху (*С*), о целебной силе Троицкой зелени (*трьйческая трава, Ж*), которой мыли волосы, кормили животных (*С, Ж*), и др. Само же понятие "календарный праздник" (как и соответствующая лексема *годовой праздник* 'значимый праздник календарного года') связывается только с посещением церкви и богослужением. Примечательно, что целый ряд архаических ритуалов, традиционно связанный у славян с теми или иными календарными праздниками, липованами исполняется в иное время. Так, например, обычай пугать фруктовые деревья с угрозой срубить неплодоносящее дерево (замахиваются топором и даже оставляют на стволе небольшую зарубку)⁸ осуществляется при первом громе⁹, ряжение в жениха и невесту, животных с седоком и др. – только на третий день свадьбы (*Ж, С, СЧ*), бесчинства (снятие калитки с ворот девушки, закидывание ее в колодец или озеро) – лишь в случае отказа невесты жениху (*Ж, СЧ*).

Своеобразным "входом" в специфику традиционной народной культуры русских старообрядцев-липован, ее "визитной карточкой" можно считать (что осознают и сами жители) национальную одежду, в том числе праздничную для посещения церкви¹⁰. Постороннему человеку сразу видны и особенности сохранившихся построек: ранее в сельской архитектуре преобладали так называемые *камышовые дома*, т.е. с покрытой камышом крышей и *ветреником* наверху ("коньком" в виде фигурок зверей и др.), сейчас таких домов стало гораздо меньше¹¹.

В настоящее время многие особенности традиционной народной духовной культуры при общении с жителями восстанавливаются преимущественно как

⁷ Фонетическая транскрипция для передачи особенностей речи русских старообрядцев Добруджи (в том числе аканья, диссимилиативного яканья и т.д.) здесь и далее не используется.

⁸ Эти аккуратно сделанные зарубки на плодовых деревьях в саду мне охотно показали жители с. Сарикёй.

⁹ Говорили при этом, обращаясь к дереву: "Если не будешь родить, срублю". Типичная формула угрозы и само ритуальное действие известны во многих славянских регионах в составе рождественской обрядности.

¹⁰ Так, например, замужняя женщина, в отличие от девушки (прическа которой для церкви – одна коса с большой лентой на конце), постоянно должна носить *кичку*, т.е. маленькую шапочку, надеваемую на пучок из двух сплетенных кос, в церковь же поверх нее надевают еще *косяк* (косынку с кисточками из ниток), а затем – *платок*, из-под которого видны разноцветные кисточки. Длинные сарафаны и юбки ярких цветов (и белые блузки с длинными рукавами, чтобы не видно было голых рук) – отличительная черта праздничной церковной одежды женщин. Праздничная одежда мужчины – рубашка (с вышитой отделкой по воротнику-стоечке) навыпуск. Пояса с длинными кистями – обязательный атрибут мужской и женской праздничной одежды. См. вклейки-иллюстрации в [8; 9].

¹¹ Следующий шаг в сторону изучения материальной культуры и быта русских старообрядцев Добруджи потребовал бы тщательного исследования особенностей местных рыболовецких судов, снастей и способов рыбной ловли; полагаю, что здесь исследователя также ждет немало открытий, в том числе и в сфере терминологической лексики.

воспоминание о прошлом, поэтому характерным вступлением почти в любую тему, касающуюся народных представлений о природе, мифологических персонажей, старинных ритуалов, становится вступление типа: “мне бабушка рассказывала”, “раньше говорили” и т.п. Исключение составляет, пожалуй, похоронный обряд, который, по мнению самих липован, не претерпевает изменений и сегодня, оставаясь устойчивым, замкнутым ритуально-обрядовым комплексом. И напротив, свадьба, во-первых, значительно упрощается (раньше ее праздновали три дня, сейчас гуляют один день; был также *девишник* – собрание незамужних девушек накануне свадьбы, *околишна* – угощение женихом своих друзей,), во-вторых, вбирает в себя элементы румынского свадебного обряда (например *крадут молодую*, делают *ёлку на второй день свадьбы*, СЧ)¹². Те же процессы характеризуют обрядовый комплекс по случаю рождения ребенка, особенно в случаях, когда супруга (или супруг) румынской национальности. Например, появляются такие ритуалы, как стрижка локона у годовалого младенца (рум. *luarea din moț*)¹³, что невозможно было раньше у старообрядцев (ребенка стричь не полагалось), приход на родины не только женщин, но и мужчин с гармонью (что считалось грехом, плохой приметой: *тогда говорили, чи грех, чи шо, что плохая примета, если ребенок народится и будет гармонь играть*, С), гадание по положенным перед ребенком предметам о его будущем (например, если потянется к книге, будет ученый и т.п., С).

Влияние румынской народной культуры на русскую старообрядческую традицию происходит по двум направлениям: во-первых, через непосредственный контакт с румынами; во-вторых, через средства массовой информации, среднее школьное и высшее образование. Липоване владеют как русским, так и румынским языком, причем в семейном общении нередко используются оба языка. В той же степени осознанно и отношение русских старообрядцев к двум слабо пересекающимся культурным системам: на различные “балканские” вопросы анкеты-вопросника наиболее часто можно было услышать типичные высказывания: “у нас нет, **это у румын**” (например, о мифологических персонажах, определяющих судьбу ребенка) или “это у нас от румын, раньше не было”. При этом легче осуществляется влияние в случае близости структурных звеньев культурных и конфессиональных систем: так, теперь пасхальный кулич уже чаще называют *козонак* (рум. *cozonac*) вместо *паска*, нередко выпекая его по “румынскому рецепту”: с цукатами и в форме толстой продолговатой косы¹⁴.

В каждом из обследованных мною русских старообрядческих сел проживают румынские семьи. Наибольшее их число – в селе Слава Русэ (около половины семей села), в Слава Черкезэ проживают более 300 человек из 1600 жителей села, в Журиловке приблизительно такое же соотношение¹⁵, менее всего румын-

¹² Впрочем, происходит и возрождение старинного обряда: например, при попытке записать рассказ о “старой свадьбе” помогающие мне гостеприимные жители села Журиловка расспрашивали соседей, кто и как именно справлял в последнее время свадьбу.

¹³ Ритуал заимствован вместе с термином: *luare din moț*.

¹⁴ Характерна и запись о выпечке кулича в течение календарного года: “На *Рождество*... Эту целую неделю. Свинью порежешь. Холодец варишь. Обязательно холодец, *козонак* пекёшь, *паску* эту самую. Ну, называется она у нас “козонак”. Приготавливается и на *Рождество*, но не освящается. [На *Рождество* о куличе не говорится “паска”?] Не, говорится “козонак”. Ну, а теперича и на *Паску* уже дети даже не знают, что это *паска*, понимаете. Не говорят: мама будет печь *паску*; мама пекёть *козонак*, понимаете? Потерялось это слово – *паска*” (СЧ).

¹⁵ При этом Журиловка считается “космополитичным” селом, видимо, в силу своего многонационального состава в прошлом (болгары, турки и др.) и отчасти в настоящем.

ских поселян в крупном селе Сарикёе – несколько семей¹⁶. Любопытной представляется социолингвистическая и социокультурная ситуация в этих селах с точки зрения самих русских старообрядцев. Липоване отмечают, что нередко проживающие в русских селах румыны очень хорошо говорят по-русски (при переходе на русский язык в беседе они говорят: *я буду говорить по-нашему* – значит, *по-липованьски*, СЧ), знают обычаи и обряды старообрядцев и даже их соблюдают (*перекрестились, перешли в нашу церковь*, СЧ), одеваются, как липоване, а также строят у себя в огородах бани (*мы не можем без нашей бани* – говорят о себе румыны, по наблюдениям липован, СЧ), таким образом вписываясь в сферу традиционной культуры того русского анклава, в котором проживают.

Осознанное стремление к сохранению своей культурной традиции, “липованской” (СЧ, Ж, СЧ), “казацкой” (С), наблюдалось в общении с русскими старообрядцами во всех селах. К сожалению, практически не существует опубликованных собраний фольклорных текстов, народных поверий, сказок, легенд и быличек русских старообрядцев в Румынии. Из румынских исследователей сбором фольклорного материала долгие годы занимался профессор Университета в Бухаресте Михаил Маринеску. На основе своего богатого личного архива исследователь при жизни издал три монографии, посвященные русским лирическим песням [11], частушкам [12], а также описанию свадебной обрядности и анализу свадебных песен в форме учебника для студентов на румынском языке [13]. Некоторое число магнитофонных записей песен 1951 г., в основном свадебных и лирических, хранится в Архиве Института этнографии и фольклора Румынской Академии наук. В настоящее время существуют лишь отдельные небольшие публикации самих русских-липован в разных изданиях, в частности по материалам конференций [14; 15], посвященные, например, рождению и крещению ребенка (Аксиния Красовски), колыбельной песне (Ирина Михайлов), свадебному обряду (Елена Федот, Магдалена Назаров) и др. Некоторые краткие статьи аналогичного типа можно обнаружить в газете “Зори” и журнале “Китеж-град”. По сравнению с тем обширным корпусом фольклорных текстов, существующих до сих пор и остающихся незафиксированными, весь этот вклад, разумеется, пока очень небольшой¹⁷, о чем, конечно, жалеет и местная русская интеллигенция, опасаясь полного исчезновения и забвения традиции переселившихся сюда 300 лет назад предков.

Моя поездка к русским старообрядцам в Румынии – это одновременно и первое знакомство с их обычаями, обрядами, представлениями об окружающем мире, как старыми, архаическими, так и современными. Самым удивительным открытием для исследователя-этнолингвиста, впервые посетившего старообрядцев, проживающих в инокультурном окружении, – впечатление о хорошо сохранившейся в памяти людей картине **народной мифологии**, включающей представления о таких персонажах, как *дворовой* (*дворовик*) или *домовой* (до-

¹⁶ Эти данные записаны со слов самих жителей сел, поэтому ни в коей мере не претендуют на статистическую точность, а отражают восприятие этносоциальной ситуации русскими старообрядцами. Статистические данные о числе самих русских липован в селах Сарикёй, Журиловка, Слава Русэ, Слава Черкезэ подробно см. в [10].

¹⁷ В последние годы значительно повысился интерес к русским старообрядцам в Румынии “извне”; полевые исследования фольклора и этнографии в липованских селах Добруджи не так давно проводили А.А. Пригарин (Одесса) (см., например, [16]), Е.В. Паунова (Астрахань) (см. [17]) и др.

мовик) (С, СЧ, СР, Ж), водяной (С), лесовик (СЧ), полевой (Ж). До сих пор передаются из уст в уста рассказы о проделках сельской ведьмы, а также и ее мужского аналога – *ведьмака*. Во всех селах известны былички об отбирании ведьмой молока у коровы¹⁸, насылании болезни на людей, порчи молодых и под. При этом в канун Пасхи некоторые остроумные жители села рязались в ведьму и имитировали ее возможные действия (например преследовали прохожего сзади, прыгали ему на спину или сидели неподвижно у изгороди с белым покрывалом на голове), пугая соседей и односельчан, чтобы затем при разоблачении розыгрыша всем вместе весело посмеяться (С). Утвердительным был и ответ на вопрос о способности превращения ведьмы в разных животных (собаку, кошку, осла).

Общим для всех обследованных сел оказалось и поверье о *домовом*, или *дворовом*, представления о которых здесь в настоящее время не различаются. Бытует не один десяток рассказов о встрече с этим персонажем, о наблюдении за результатами его действий в конюшне, в хлеву, о печальных последствиях для домашних животных в случае недовольства домового. Домовой или дворовой имеет облик человека (*маленький старичок, с бородкой там, иногда в красных сапожках; в красном колпаке, С*) или змеи (СЧ, СР, Ж, С). Он обитает на чердаке и пугает людей шумом, звоном (*чем-то звенит, грохочет, С*), ему следует оставлять еду (С), для змеи – блюдечко молока (СЧ). Особо следил домовый (дворовой) за домашними животными: тех, которых любил, поил, кормил, холил (*если понравится, то лошадь красавицей становится: и прибрано, и вычищено всё, и помытая и причёсанная, даже косички заплётенные, С*)¹⁹, а не любившихся животных мог даже убить (*это беда была, если лошади не понравятся домовому... обязательно нужно было избавиться от них и взять других, С*). Соответственно во всех селах известно выражение о содержании в хозяйстве скота (в меньшей степени – домашней птицы): *по двору* (что значит: ‘хорошо ведется’) – *не по двору* (‘не ведется’). При покупке животных тщательно выбирали масть: если, например, ‘ведутся’ белые кони, то покупали белых лошадей, а также и поросят, другую живность. Сохранились и следы поверий о *баннике*, в частности, в девичьем гадании из Журиловки: следует ночью пойти в баню и сунуть руку в трубу: если сядет мохнатым задом, выйдешь замуж за богатого жениха, голым – за бедного.

Рассказы о *водяном* записаны главным образом в селе Сарикёй, но уже и в этом селе редко можно услышать само наименование *водяной*, которое постепенно вытеснил *упырь*, или *утопишик* (мифологический персонаж, происходящий от утопленника, т.е. непогребенного покойного)²⁰. Он внезапно появлялся перед рыбаками как видение и пугал их. По рассказам старых рыбаков, водяного сложно было увидеть (над водой показывались лишь части спины или головы

¹⁸ При этом в целом следует отметить высокую степень сохранности бытовых запретов в обследованных селах: так, полагают, что молоко у коровы могло пропасть и вследствие ‘небрежности’ домочадцев: *Ну, вот, скажем, молоко когда пил, вместо того, чтобы взять ложечкой или выпить нормально, вонзил туда, в молоко, то ли нож, то ли вилку, нельзя было (С)*.

¹⁹ В других селах можно было услышать также мнение о том, что *ласточки, ластавочки* заплетают коням косички (Ж). Для охраны конюшни, хлева от всего плохого там вешали найденное в кустах шаровидное гнездо ремеза – *рибизинное гнёздышко (Ж)*.

²⁰ *Упыри (не приданные земли, т.е. не погребенные по принятым правилам покойники)* обитают и в заброшенных домах (*в жилище, где никто не живет*), обращаются в дьявола, нечистую силу (Ж).

страшилища)²¹, ему следовало оставлять рядом с лодкой рыбу, чтобы умиловать. Соответственно, задобренный рыбаками водяной привязывал ночью оставленную лодку (*Если лодка не привязана, он привяжет лодку, уже он был твой, ухоженный. Знал тебе и мене и помогал. А если не, то развязывает лодку, пустит, если не пойдёшь по его характеру, С*). Он мог поддержать в воде утопающего, но мог и наказать за непослушание (например перевернуть рыболовное судно)²², а также за нарушение запрета на воде: в лодке нельзя было свистеть (*Если свистнул – просвистишь целую лета, не будь рыбу ловить, С*), на одно судно с рыбаками не следовало брать женщину (*Пускай она сама едет, от-дельно! С*).

Лёсовик появлялся как куничка, однако им также пугали маленьких детей, чтобы те не ходили в лес (говорили, что лёсовик, весь зелёный, с длинными ветвистыми руками защекочет их там) (СЧ). Полевой, стерегущий поле, как и все другие хранители различных частей пространства (домовой, водяной), имеет облик змеи (*всё змея, Ж*). Не исключено, что в этом последнем случае наблюдается контаминация с балканскими поверьями о змее как хранительнице любого объекта окружающей природы. Родство поверий разных народов о змее как хранительнице дома, очага (которую нельзя убивать, по сведениям из всех обследованных липованских сел) проявилось и в подтверждении “достоверности” информации тем фактом, что одна румынка показала приятельнице рассказчицы в подвале своего дома свернутую в клубок на подстилке змею, которую погладила по голове, сказав по-румынски: “Ничего страшного, это уж (*zarpele de casă*)”. Слова были истолкованы таким образом: *Это значит – змея домовая, она ничего не сделает (Ж)*²³.

В селах липован до сих пор сохраняются воспоминания о почитании повитухи²⁴ и связанными с ним обычаями и обрядами. Так, жив в памяти женщин, по рассказам их бабушек, архаический обряд, исполнявшийся в первый день Нового года, на Василия Великого, и называемый *бабьи кашики* (СР, СЧ, С). Смысл названия утратился вместе с исчезновением основного атрибута праздника – сваренной повитухой каши (поэтому рассказчицы пытаются дать свое объяснение термина, например: ‘бабьи сказки’). Бабка, бабушка накрывала стол для собравшихся с ее улицы матерей, у которых она принимала роды, а те приносили ей свои подарки: большой красивый хлеб, вино, сало, мыло (*14 января собира-*

²¹ По другим поверьям, хозяин воды (упырь) имеет облик человека: *Высокий народ. ...обросший, не обстриженный... Я его когда поймал за руку, а он, как болото. Тело у ёго, так ползли мои пальцы у серёдку. ...Он такой, возьмёшь его за тело – как болото (С)*.

²² Известна быличка о том, как водяной вышел из воды и предсказал огромный улов рыбы на следующий день, но велел сжечь после этого рыбацкое судно со всеми снастями. Рыбаки не послушались, и он их наказал – испортил снасти: *Раза два дал ветру, перевернуло далян и колы, две недели нужно работать назад, опять. Ну, он свою дело исполнил. Наказал (С)*.

²³ Представления рассказчицы о домашней змее были выражены так: *Дворовой как змей один был в хате. И когда взлюбит какую скотину, какого коня, и косочки плёл им, всё, а другой, не любит какой, той погибал. Вот так называли – дворовой. Я знаю, что есть дворовые такие, что всякий человек имеет у себе дворовую змею. Не видит всяк, а она есть у человека, есть, дворовая. Ведь она как одна хозяйка, хозяйка дому (Ж)*. Ср. восточнославянскую народную мифологическую лексику, обозначающую домашнюю змею: з.-рус. *дворовая змея*, ю.-рус. *дамашний уж, дворовая гадюка* [7. Т. 2. С. 339].

²⁴ Повитуха (бабка) ухаживала за роженицей (*родихой*) и ребенком в течение семи дней после родов: каждый день топила для матери баню, мыла, растирала ее, на восьмой день (*на родину*, т.е. на родины, когда приходили к роженицы женщины с подарками) она получала от семьи подарок: большой хлеб, соль, кусок мыла (все села).

лись родихи к бабушке на бабьи кашки. Несли подарки и гуляли до утра. Пели разные песни, СЧ). Утром повитуху сажали в корыто или на санки и возили по селу (СР, СЧ), если был снег, то катали ее с горки (СЧ). Мужчин на это гулянье не допускали, случайно попавшему туда мужчине приходилось туго: над ним шутили, он должен был возить и повитуху, и женщин (И тогда на ём катались, и бабу садили на ёго, СЧ)²⁵.

Хорошо сохранились в памяти русских старообрядцев различные приемы народной медицины и представление об особой категории людей, которые могут снять порчу, вылечить болезнь ребенка или взрослого. Таких людей называли *природнэ* (*природный*) (Ж, С), поскольку эти способности у них были от рождения (*от Бога дадено, С; такой родился, Ж*)²⁶, считалось, что у них есть маленький хвостик (С). Лечить и заговаривать (*отделать*) могли также бабки, ворожки от таких болезней, как *ляк, перепуг, сглаз, поветрие* (*поветрию поймаешь* – заболеешь от чар, пущенных по ветру), а также и детских болезней – *крикса, щетина*. Многие народные способы лечения (как и меры предосторожности, ср., например, обращение к молодой матери: “Закрывай окно, а то *крикса* войдет в дом, ребенок будет всю ночь плакать”, С) были широко известны и практиковались без участия особых лиц. Так, если ребенок много плакал, не мог заснуть (*крикса*), его следовало носить три раза по курятнику (Ж), при этом запрещалось оставлять после захода солнца во дворе пеленки, игрушки и любые другие вещи младенца и его матери (С). *От сглазу* брали из девяти колодцев воду до восхода солнца, заговаривали ее (например, читали молитву Богородице), крестя сосуд с водой три раза острием ножа, после чего нож острием вниз ставили у входа в дом; воду выливали на перекрестке (*на раздорожье*) или там, где никто не ходит (Ж, С). Немедленным и быстродействующим средством считалось умывание чистой водой по приходе домой после встречи с предполагаемым *глазливый* человеком (С, СР)²⁷, а все подозрительные, т.е. подброшенные, предметы следовало бросать в проточную воду (*нехай вода заберёт, СР*).

Собранный в четырех селах русских старообрядцев материал по традиционной народной духовной культуре показывает общность многих характеристик самих ритуалов и поверий, а также и терминологической лексики, обслуживающей эту культурную сферу. Некоторые модификации в структуре народных обычаев и представлений, которые прослеживаются от села к селу, не затмевают яркие общие черты единого культурного комплекса на этой изолированной, но все-таки достаточно компактной территории. Дальнейшее изучение данной проблематики видится в накоплении фактического сопоставительного материала из других сел, разбросанных по территории Добруджи (с. Каркалиу вблизи Брэилы, с. Гиндэрешть в южной части региона, нескольких сел в самой дельте на рукавах Дуная), в определении сходств и связей с восточнославянскими региональными комплексами (сложность этой задачи заключается в отсутствии на

²⁵ Необходимо отметить, что церковь и общество очень строго относились к подобным гуляньям женщин (в том числе и в другие календарные праздники, например на *маслену*, когда *стрелу пуцали* (*водили*), и др.). По замечаниям рассказчиц, еще 30–40 лет назад, *если женщина поиграла* (т.е. попела уличные песни) *или поскакала* (поплясала), *ее ставили на молитву*.

²⁶ В отличие от ведьмы, которая получала свои губительные для людей знания “по наследству” и должна была перед смертью обязательно их кому-нибудь передать (СР).

²⁷ *Глазливый* (человек) – тот, кто обладает способностью к сглазу (а также и тот, кто подвержен сглазу) (СР).

сегодняшний день комплексной восточнославянской культурной диалектологии, базирующейся на выделении четких региональных характеристик в области архаических ритуалов и поверий). Установление системы восприятия, степеней и уровней усвоения (языкового, терминологического, ритуально-обрядового, мировоззренческого) иноэтничных и инокультурных заимствований требует специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
2. *Домосилецкая М.В., Плотникова А.А., Соболев А.Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады Российской делегации. М., 1998.
3. Исследования по славянской диалектологии 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001.
4. Исследования по славянской диалектологии 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004.
5. Исследования по славянской диалектологии 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006.
6. Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1; М., 1999. Т. 2; М., 2004. Т. 3.
8. *Феноген С., Феноген А.* Сарикей: загадка 19-го столетия. Cluj-Napoca, 2004.
9. *Феноген А.* Дневник паломника. Бухарест, 2005.
10. *Irațion F.* Rușii-lipoveni din România. Studii de geografie umană. Cluj-Napoca, 2005.
11. *Маринеску М.* Зялёныя моя вишенка. Собрание песен липован, проживающих в Румынии. Бухарест, 1978.
12. *Маринеску М.* Частушки липован. Бухарест, 1980.
13. *Marinescu M.* Cîntecul rusesc lipovenesc (Русская липованская песня). București, 1988.
14. *Cultura rușilor lipoveni (ortodocși de rit vechi din România) în context național și internațional.* București, 1998. Vol. 2.
15. Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Вып. 3. Сборник научных сообщений международного семинара, состоявшегося в Бухаресте 18–19 ноября 2000 г. Бухарест, 2001.
16. *Захарченко Г.Н., Пригарин А.А.* Похоронно-поминальные обряды русских-старообрядцев Придунавья: структура этноконфессиональной выразительности // Кодови словенских култура. Бр. 9. Смрт. Београд, 2004.
17. *Паунова Е.В.* Народные рассказы о святых у румынских липован // Живая старина. 1999. № 2.

© 2007 г. Н. Н. КАРЛИНА

“ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС” В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

*Борьба Польши с Россией – одна из
самых страшных трагедий в истории.*

А. Герцен

*На протяжении всей истории Польша служила
коридором, через который проходили
враги России для нападения на нее.*

У. Черчилль

Для Василия Аксенова, как и для многих советских людей, поездка в Польшу в 1962 г. оказалась первой заграничной поездкой и оставила незабываемые впечатления. В Польше состоялась его первая встреча с Европой, одновременно близкой (географически и ментально) и недоступной (административно), Польша постепенно стала одной из важных тем творчества писателя.

В конце семидесятых годов в комедии В. Аксенова “Цапля” (впервые опубликована в № 22 журнала “Континент” за 1980 г.) появляется образ прелестной польской девушки-цапли, которая свободно (в отличие от персонажей комедии – советских людей) перелетает из Польши в Литву, попросту “не замечая государственной границы” [1. С. 466]. Составляющими символического образа Цапли являются коннотации “любовь”, “Европа, юность, мечта”, чем и объясняется восклицание повествователя, восхищенного ею и ее прилетами: “В семи километрах – Европа! Польская Народная республика!” [1. С. 485]. В спектакле “Цапля”, поставленном в 1983 г. в парижском театре “Шайо” Антуаном Витезом как парафраз чеховской “Чайки” (спектакль состоял из двух частей: чеховской и аксеновской), “деву-цаплю” играла польская актриса Богуша Шуберт [2. С. 113].

В 1997 г. в романе “Новый сладостный стиль” (в эпизоде репетиции одноименного спектакля) цапля, “самой своей природой отвергающая ограничения”, “источает лишь чувство чистой любви и становится ангельским созданием” [3. С. 345], лишаясь, таким образом, своей человеческой ипостаси. А в 2000 г. цапля становится “птицей ностальгии” [4. С. 93] повествователя в “Кесаревом свечении” и прилетает за ним в “вашингтонщину”.

К устойчиво обаятельному образу Польши с начала 1990-х годов в аксеновском творчестве добавляется трагическая интонация. В романе “Московская сага” (1985–1992) польская тема имеет коннотативное значение государственного противостояния России и Польши. Речь идет о “проклятом польском вопросе”. В интервью польскому журналу “Polityka” по поводу выхода в Польше романа “Московская сага” отмечалась “большая любовь автора к России” [5. С. 42]. Это замечание ценно вдвойне, поскольку отечественные критики не заметили в романе ни польской темы, ни авторской любви к родине (например, среди обнаруженных А. Немзером семидесяти тем романа) [6]. Проигнорировали польскую тему и авторы двадцатидвухсерийного телесериала “Московская сага”, о чем сам В. Аксенов писал: «К сожалению, в сериал по “Московской саге” не вошла польская часть романа, где рассказано, что такое была Армия Крайова, как там наши действовали, как мучились многие офицеры» [7. С. 463].

Главному герою романа “Московская сага” – кадровому офицеру Никите Градову, проведя его через две войны, автор доверил свое отношение к польскому вопросу. Никита “был на Польском фронте в октябре двадцатого” [8. Т. I. С. 69], после чего “этот проклятый вопрос, вообще тема Польши стали для Никиты едва ли не кошмаром”. “Едва ли не кошмар” стал полным, когда Никита Градов в 1943 г. в Катыни увидел останки тысяч польских офицеров, в черепахах которых были одинаковые дырочки в затылках, и понял, что «немцы в данном случае не врут, что это все тех же “рыцарей революции” мокрое дело» [8. Т. II. С. 269]. Положительный образ сталинского маршала в романе не мог быть правдоподобным без понимания им “проклятого польского вопроса”, без личного участия в его осмыслении.

“Первым позорным делом, подлым предательством” Никита Градов называет эпизод после сражения за Вильнюс в июле 1944 г., когда “как союзники дрались вместе с советскими войсками отряды настоящей регулярной Армии Крайовой”, которую советское руководство или упорно “не замечало”, или называло пособницей оккупантов. “Мы сидели с польскими командирами за дружеским столом, а потом их всех куда-то увезли особисты, и они пропали – с концами!” – вспоминал с негодованием маршал Градов, которому было “ясно как Божий день: решено раскассировать настоящее движение (польского. – Н.К.) сопротивления и заменить его фальшивым, коммунистическим. Идет череда беспрепятственных провокаций” [8. Т. II. С. 270].

Поражает почти дословное совпадение авторских оценок польских событий в “Московской саге” (“Идут поголовные расстрелы мирных жителей, насилие, грабежи” [8. Т. II. С. 270]) и в статьях А. Герцена 1863 г., с гневом писавшего о “казнях, грабежах и гнусностях, делаемых в Польше” [9. С. 221]; “Польской кровью клеветы прислуживаются, ее уровнем меряется преданность” [10. С. 18].

Никита Градов уверен, что Сталин «непреклонную наглость выказывает всякий раз по “польскому вопросу”», “видимо, давно уже считает Польшу своей собственностью”, «“Таракан”, похоже, давно уже разработал свой сценарий для Польши» [8. Т. II. С. 269]. В психологический образ генералиссимуса Аксенов вводит важную деталь: дьявольские планы Сталина основаны не на ненависти к Польше, а на восхищении ею. Это показано автором как увиденное Никитой Градовым: генералиссимус «однажды в Ставке положил здоровую руку на карту, закрыв бугром ладони Варшаву, пальцами Краков и Данциг, и произнес только одно слово: “Золото!”» [8. Т. II. С. 269]. Вопреки желанию Сталина, но в соответствии с предсказанием Талейрана (после трех разделов Польши в восем-

надцатом веке), польское государство осталось, поскольку удалось сохранить польское национальное сознание вкупе с языком, религией и культурой [11. С. 160].

Еще одна важная деталь: не доверяя пропагандистскому московскому радио “Гадеуш Костюшко”, маршал Градов узнает из сводок Би-Би-Си, что “Варшавское восстание задыхается” [8. Т. II. С. 270], что премьер-министры Черчилль и Миколайчик обращаются к Сталину с просьбой о помощи и не получают ответа. Никита разделял точку зрения не советского генералиссимуса, а У. Черчилля: “Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна” [12. С. 205]. Маршал Градов страдал от невозможности для авиации Резервного фронта “форсировать Вислу и вмешаться в ход Варшавского восстания”, ведь ему было “достаточно только приказа”, он находился в 200 км от места трагедии [8. Т. II. С. 271].

“Польская тема потрясала его почему-то своим вероломством и наглым давлением сильных на слабых”. “Польша – это русский позор, – думал он. – Начиная с Суворова... мы терзаем эту страну. Русские патриоты! Мы не начали еще своей благородной истории!” [8. Т. II. С. 272] – такое понимание проблемы В. Аксеновым соотносится с герценовским и представляется глубоким и точным: “Ужасно, безысходно положение русского офицера в Польше; быть палачом Польши, быть свидетелем всего этого и не иметь возможности сбросить с себя опозоренное имя воина” [13. С. 164]. Признавая, что понятие “русский” и “палач Польши” в 1863 г. были синонимами, А. Герцен с болью писал: “Мир вправе спросить, что это за народ, который в продолжение века, из поколение в поколение приходит терзать несчастную страну, не желающую быть с ним, не делающую его вкуса к рабству” [14. С. 42].

К гибели маршала Градова привели переговоры с поляками в Кенигсберге. Отряд “Смерш” уничтожил штаб Резервного фронта и самого маршала, предлагавшего бескровное решение вопроса с дивизией Вигора. Но перед сценой смерти происходит важная для понимания образа “джентльменская церемония прощания польского и советского маршалов”. В. Аксенов оценивает Никиту Градова с позиции польского маршала: “Этот Градов – необычный какой-то парень для красных гадов.... Глядя на Градова, трудно не верить его слову” [8. Т. II. С. 289].

Благодаря этой высокой оценке, а также схожести формулы Никиты “существование равняется сопротивлению” с польской национальной идеей, тот факт, что маршала Градова хоронили под траурный вальс поляка Шопена [8. Т. II. С. 291], вполне может восприниматься как признание его рыцарства, как последнее прощание Польши с благородным русским.

Второй положительный герой романа, “человек прямого действия” Борис Градов “целый год находился на территории этого государства, столь неудачно расположенного между Германией и Россией” [8. Т. II. С. 273]. “Польский вопрос” давно заботил Бориса IV, сына маршала Градова. Он служил в карательных органах [8. Т. III. С. 61] в Польше и оценивал полученные им задания как бандитские налеты. Борис признается сам себе: «Знал бы, что нас в Польшу готовят, никогда бы не пошел в “диверсионку”» [8. Т. II. С. 275]. Оказывается, что во время подготовки к этой работе в Москве им объясняли, что до подхода частей Красной Армии им “придется обеспечивать охрану прогрессивных деяте-

лей Польской республики, мирного населения от вооруженных немцами отрядов реакционеров”. При этом они получили “элементарное знание польского языка”, что означало, как горько иронизирует В. Аксенов, лишь знание команд “руки вверх! клади оружие! ложись на землю!” [8. Т. II. С. 276].

Участие в Варшавском восстании оказалось для Бориса Градова «всего-то спасением важного польского коммуниста, “брата по классу” из пожарища. Польшка из Армии Людовой обозвала их русскими предателями и, не желая спастись с ними, вернулась туда, где, по ее словам, “всех моих убивают”» [8. Т. II. С. 281]. Борис Градов страдает оттого, что “на другом берегу стояла в бездействии могучая армия” (кстати, это был Резервный фронт под командованием его отца), что поляки считают их убийцами, предателями, захватчиками, и приходит к выводу: “Что-то мы здесь не то делаем, что-то неправильное... Не о такой войне мы мечтали...” [8. Т. II. С. 281]. Тем не менее Борис был награжден орденом Красной Звезды, получил “звездочку на погоны” и орден “Виртути Милитари” от Польского правительства [8. Т. II. С. 283]. Перед демобилизацией Борис уже не воевал, а в течение года “передавал в Познани свой вполне приличный убивальный опыт курсантам польской спецохраны, народу, надо сказать, довольно уголовного типа” [8. Т. III. С. 53].

Поскольку “Польская объединенная рабочая партия щедро благодарит за помощь в закладывании основ пролетарского государства”, Борис Градов после демобилизации “на познанской толкучке закупил себе кучу польского штатского барахла” [8. Т. III. С. 54]. Последнее замечание ценно, поскольку являет собой очередную коннотацию слова “польский”: качественная, эlegantная одежда, которой нет в Москве. “В мае 48-го вернулся Борис из Польской Народной Республики, где он огнем и ножом помогал устанавливать братский социализм” [8. Т. III. С. 52]. Иронический эффект двух последних цитат образовался в результате несовпадения, противопоставления цели (установление братского социализма, помощь в закладывании основ пролетарского государства) и средства (огнем и ножом).

После Польши Борис Градов стал в Москве “поляком” [8. Т. III. С. 32, 33], “варшавянином” [8. Т. III. С. 34], “нашим поляком”, “видавшим всякие виды варшавянином” [8. Т. III. С.34]. Он умел, силен, “научился в Польше ничего не бояться” [8. Т. III. С. 125], эlegantен и хорошо одет, у него есть “профессионализм, который и не снился чекистам” [8. Т. III. С. 300]. В московских драках Борису приходится либо применять приемы, “отлично разработанные во время борьбы за становление социализма в братской Польше” [8. Т. III. С. 303], либо, наоборот, высоко оценивать незнакомые приемы: “такого даже в Польше не встречалось” [8. Т. III. С. 206]. С одной стороны, “польский опыт” Бориса состоит в том, чтобы “с 18 лет убивать и драться” [8. Т. III. С. 128]. Но с другой стороны, рыцарски защищая свою кузину, Борис не смог стрелять в женщину (жену Берию), тем самым не совершив покушения (став “неудавшимся Гаврилой Принципом”) [8. Т. III. С. 294] и на самого Берия, похитившего его кузину.

Рыцарство Бориса Градова (включая принадлежность к известной в стране семье) в сочетании с виртуозным владением оружием (приобретенным в результате службы в карательных органах) ассоциируется с мушкетерами А. Дюма, поскольку именно эти указанные “внешние архетипические черты” [15. С. 104] узнаваемых героев сохранены в его образе. К тому же весь облик мушкетерствующего Бориса Градова эlegantен, что является обязательной чертой аксеновского положительного героя. У него полдюжины толстых свитеров из

Польша (совершенно немыслимое богатство для москвича конца 1940-х годов), один из которых он пытается подарить казанскому парнишке Васе [8. Т. III. С. 35]. С этим парнишкой, будущим писателем Василием Аксеновым, Бориса роднит и выбор профессии – медицина.

Наличие польских свитеров, американской куртки (как у Василия Сталина) [8. Т. III. С. 148] и трофейного “хорьха” индивидуализировало облик Бориса. Он в Познани видел американские фильмы, которых в Москве еще никто не видел, он “водку пил не залпом, а по-польски, глотками” [8. Т. III. С. 56], а его ближайший друг, такой же “охотник из польских лесов” [8. Т. III. С. 140], «на польский манер целовал “паненкам рончки”» [8. Т. III. С. 142] в Ленинской библиотеке, что приятно поражало окружающих. (Кстати, именно с этим другом они поняли после неудачного покушения на Берию, что “совсем не в тех стреляли после войны” [8. Т. III. С. 303].) Самая страшная клятва для друзей: “Клянусь Польской Народной Республикой” [8. Т. III. С. 109]. Если в опасный момент Борис умело действует, то оценивает сам себя словом “Варшава!” [8. Т. III. С. 290]. С точки зрения других персонажей, его манеры и жесты оцениваются сходным образом: “Ах да, Польша!” [8. Т. III. С. 74].

Таким образом, само слово “польский” становится оценочным в аксеновском тексте, включающем и понятие “рыцарство”. Это имеет свои традиции в русской литературе. Герцен писал: “Со старой Польшей выбывает окончательно рыцарский элемент из европейской жизни... В акте полной преданности родине заключается все христианское значение рыцарства и все рыцарское Польши” [16. С. 303].

“Польское” в значении “привлекательное на грани опасного” иронически описывается автором “Московской саги” в московских сценах 1925 г. В доме Градовых часто звучит Шопен, прекрасно исполняемый Мэри Вахтанговной. Эти звуки являются составляющим понятия островного уюта мира Градовых. Шопеном в этом доме лечатся, пытаются отгородиться от невзгод, сплачиваются. Шопен спасает Градовых от советской безытности.

Вероника Градова принадлежит к “клану дерзких москвичек в польских жакетках” [8. Т. I. С. 73], контрабандно приобретаемых на Петровке. К ужасу военачальника Никиты Градова, его жена предлагает следующий способ элегантно одеться: “Если бы хоть Варшава была наша.... Никита вздрогнул. Легкомысленная женщина вдруг воткнула булавку в сердцевину тайных стратегических совещаний. – Что ты говоришь, Ника! Варшава? – А что? Надо взять наконец Варшаву, пожить там немного, а потом уйти. Предложи в наркомате” [8. Т. I. С. 75]. Ужас Никиты объясняется тем, что результаты пять лет назад закончившейся польской войны (присоединение к Польше Западной Украины и Западной Белоруссии) по-прежнему являются “сердцевиной тайных стратегических совещаний” в Кремле. И отбывающий в Минск для участия в “больших маневрах на польской границе” поезд с Тухачевским и Градовым выпивший лишнего участковый уполномоченный Слабопетуховский (“В его сознании, очевидно, произошел некоторый сдвиг времен”) провожал словами: “Шла дивизия вперед!”, “Даешь Варшаву!”

В ответ на эти неуместные призывы Кирилл Градов строго сказал ему: “Прекратите, Слабопетуховский! Вы что, не понимаете, что вы несете?” [8. Т. I. С. 107]. Очевидно, партийному работнику Кириллу Градову лучше других была ясна опасность этих слов.

Интересно, что опасность такого же рода имел в виду и Н.С. Хрущев, когда в 1963 г. в Кремле на торжественном совещании накануне 8 марта критиковал знаменитых молодых советских авторов В. Аксенова и А. Вознесенского за “неправильные” ответы на вопросы польского журнала “Polityka” – “дерзкого, скрыто ревизионистского органа печати” [17. С. 182]. Обвинение сводилось к тому, что своими ответами В. Аксенов, с одной стороны, “мстит за своего отца” (отсидевшего 18 лет в лагере), а с другой стороны, “мешает братской Польше строить социализм” [17. С. 183]. С этого смехотворно-опасного события 1963 г., видимо, и начинается история “польского вопроса” в жизни и творчестве В. Аксенова.

Уже в самом начале аксеновского романа “Вольтерьянцы и вольтерьянки” (2004) главные персонажи по пути в Париж оказываются в Польше, традиционно сочетающей, по мнению автора, элегантность с ненавистью к завоевателям. И в романе XXI в. В. Аксенов подчеркивает значимость и срединное положение Польши: “В Данциге, вольном мясте или вольном штадте”, их “встретил данцигский заправила, купчина ганзейских кровей Шпрехт-Пташек-Злотовский, у которого пол-Европы было в кумовьях” [18. С. 18]. К русским европейцам, принятым за французов, “многие из гданьского народа, настроенного супротив российского произвола”, “относились с симпатией”, поскольку те “по-светски включали в речь польско-галльские бонмоты” [18. С. 19].

Таким образом, польская тема по-прежнему наличествует в произведениях В. Аксенова. И объясняется это в первую очередь широким, “вольтерьянским” мировоззрением автора. Аксеновские персонажи, осознающие себя российскими европейцами, непременно оказываются вовлеченными в решение “польского вопроса”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов В. Цапля. Комедия с антрактом и рифмованной прозой. Посвящается друзьям, участникам альманаха “Метрополь” // Право на остров. М., 1991.
2. Аксенов В. Россия, которую мы любим // Десятилетие клеветы. М., 2004.
3. Аксенов В. Новый сладостный стиль. М., 1997.
4. Аксенов В. Кесарево свечение. М., 2001.
5. Duszne dysputy. Rozmowa z pisarzem Wasilijem Aksjonowem // Polityka. 1999. № 42.
6. Немзер А. Нам не понять – мы не любили. Василий Аксенов. Московская сага // Сегодня. 1994. 22 июля; Басинский П. Аксенов и аксеновщина // ЛГ. 2004. № 48; Ланин Б. Проза русской эмиграции. М., 1997.
7. Аксенов В. В мемуарах работает ложная память // Аксенов В. Зеница ока. Вместо мемуаров. М., 2005.
8. Аксенов В. Московская сага. Трилогия. М., 1994.
9. Герцен А. Сигизмунд Сераковский // Герцен А. Собр. соч. в 30 т. М., 1959. Т. XVII.
10. Герцен А. Мясоеды самодержавия // Герцен А. Собр. соч. в 30 т. М., 1959. Т. XVII.
11. Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. СПб., 2003.
12. Черчилль У. Гибель Польши // Вторая мировая война. В 3 т. М., 1991. Т. 1.
13. Герцен А. Россияда (1863) // Герцен А. Собр. соч. в 30 т. М., 1959. Т. XVII.
14. Герцен А. Преступление в Польше // Герцен А. Собр. соч. в 30 т. М., 1959. Т. XVII.
15. Драйтова Э. Роман А. Дюма “Три мушкетера” как архетипическая модель для массовой литературы // Материалы III Андреевских чтений. Вестник УРАО. 2005. Вып. 1.
16. Герцен А. Что же дальше? // Герцен А. Собр. соч. в 30 т. М., 1959. Т. XVII.
17. Аксенов В. Зима тревоги нашей, или как марксист Никита учил писателей партийной правде // Стрелец. 1991. № 1.
18. Аксенов В. Вольтерьянцы и вольтерьянки. М., 2004.

© 2007 г. О. С. ДАНИЛОВА

ЛУИ ЛЕЖЕ – ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

На протяжении XIX в. представления французов о России претерпели существенные изменения. Основными проявлениями глубинных сдвигов можно считать: создание кафедры славянских языков и литературы в Коллеж де Франс и деятельность ее первых патронов (А. Мицкевич, С. Робер, А. Ходзько), завоевание французской публики русским романом и бум переводческой деятельности, углубление научных контактов французов с русскими политическими эмигрантами, поражение Франции 1870-х годов, в свете которого правящие круги страны разглядели в лице России будущего союзника против германской угрозы (подробнее см.: [1. С. 217–233; 2. С. 104–120]).

В процессе формирования представлений французов о России слишком долго доминировало бессознательное начало. До 1860–1870-х годов во Франции литература о России в основном была представлена жанрами эссе, очерков, путешествий. Естественно, это допускало фрагментарность изложения, примитивную компиляцию, ущербность методологии, отсутствие аргументации и выводов. Распространению всевозможных заблуждений о России немало способствовали книги русофобского характера (маркиз де Кюстин, графиня де Сегюр).

В середине XIX в. французская историческая литература о России носила преимущественно событийный характер, изучение русской истории и культуры в сущности ограничивалось знанием русского классического романа, а подлинно научного изучения России и славянского мира во Франции в целом не было. Особая роль в межкультурном диалоге России и Франции принадлежит поколению первых французских русистов (Л. Леже, А. Рамбо, Э.М. де Вогюз, А. Леруа-Болье), труды которых знаменовали собой начало научного подхода к изучению России. В плеяде этих блестящих исследователей последней трети XIX в. особое место занимает личность Л. Леже, не столько потому, что он был пионером русоведения, сколько потому, что его можно считать основоположником научной французской славистики.

Луи Поль Мари Леже (1843–1923) родился в Тулузе, его отец был преподавателем лицея и с детства привил сыну вкус к педагогической деятельности. Естественно, что после окончания лицея Луи решает поступать в Эколь Нормаль – главный центр подготовки педагогических кадров Франции. Но студента сочли

непригодным для преподавания по состоянию здоровья и не допустили к экзаменам [3. Р. 5]. По совету друзей Леже приступает к изучению права, при этом он параллельно посещает в Сорбонне и Коллеж де Франс курсы по литературе и истории зарубежных стран, в результате в 1863 г. он получает диплом лиценциата словесности.

В отличие от большинства французских ученых Леже обратился к изучению России и истории славянских народов задолго до поражения Франции во франко-прусской войне. Сам он говорил: “На другом берегу Рейна считают, что французское славянофильство¹ есть всего лишь противостояние войне 1870 г. Это не совсем правильно. Были некоторые французы, которые и до ужасной войны прекрасно понимали необходимость изучать Россию” [4. Р. XII]. И в то же время основные этапы научной работы Леже были связаны с историческими задачами и возможной перспективой альянса Франции и России. На протяжении всей жизни он оставался неутомимым энтузиастом сближения двух стран – в России и других славянских народах он видел естественную опору Франции в ее борьбе с Германией, считая франко-русский союз условием “мирового спокойствия и равновесия” [3. Р. 115].

Научная биография Леже начинается в 1864 г., когда он, движимый желанием разобраться в бурлении польских страстей в Париже, начинает посещать курс А. Ходзько на кафедре славянских языков и литературы в Коллеж де Франс (см.: [5. С. 33]). Молодой ученый поддерживал связи не только со многими эмигрантами, но и другими представителями интеллектуальной элиты славянских стран (И. Штросмайер, Ю. Грегр, И. Фрич, Ф.Л. Ригер). Владение славянскими языками дало ему возможность начать изучение истории славянских народов, их литературы, фольклора и пр. С этих пор Леже неутомимо и не без успеха способствовал искоренению предрассудков среди французов в восприятии славянского мира, давал возможность широкой публике знакомиться с подлинной историей и древними памятниками письменности славянских народов. Своей главной задачей первый французский славист поставил “выяснение сущности мирозерцания славянских народов, так как только это могло дать возможность понять основу той дивной моральной философии, которая прекрасно... проявилась в творчестве таких возвеличивавших все славянство гениев, как Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой” [6. С. 10].

Истории и культуре России Леже всегда придавал большое значение. Овладев русским языком в достаточной степени, в 1868 г. он представляет в Сорбонну две докторские диссертации на славянские сюжеты: “Кирилл и Мефодий. Исторический этюд об обращении славян в христианство” и “О Несторе, русском летописце” (первую из них он позднее переработает в специальное исследование “Славянская мифология”, и она будет переведена на русский язык) [7]. В стенах Сорбонны это был первый случай защиты диссертационного исследования по неизвестной никому славянской тематике. По выражению председателя жюри, его “коллеги проявили на этот раз редкостную терпимость” к вопросу, который еще не так давно вызывал негативную реакцию (цит. по: [8. С. 210]).

¹ Этот прочно закрепившийся в литературе парадоксальный термин был впервые применен в качестве самоназвания более ста лет назад (1897) именно Л. Леже, а чуть позже (1908) подхвачен известной во Франции журналисткой и романисткой Ж. Адан. К концу XX в. данный термин уже широко вошел в научный оборот благодаря работам таких исследователей, как А. Мазон, Ж. Нива и Ф. Фюре (подробнее см.: [1]).

После защиты Леже приобрел право преподавать дисциплины по славянской проблематике в высших учебных заведениях – с 1869 г. он читал курс русского и сербского языка в Сорбонне. Именно с этого времени начинается его борьба за создание во Франции первой кафедры русского языка. Леже был первым, кто заговорил о необходимости изучения во Франции русского языка и литературы. Еще в 1868 г. он привлек общественное внимание к странному факту наличия в Париже двух кафедр турецкого языка при отсутствии хотя бы одной – русского. По его мнению, поскольку Коллеж де Франс занимается наукой и не должен вмешиваться в политику и коммерцию, то публичное обучение русскому языку должно быть организовано на курсах при императорской библиотеке. К тому же, ввиду отсутствия у Чехии и Польши международной самостоятельности, изучение их языков, утверждал Леже, не имело практического интереса. “Не смотря на наличие в Турции 8 миллионов славян и слабое знакомство Франции с литературной продукцией славянства, – констатировал он – за последние 30 лет не сделано ничего, кроме перевода нескольких русских романов и сербских песен... То, что эти романы и песни переведены, конечно хорошо, но не следует забывать, что этим песням не сегодня-завтра могут начать аккомпанировать пушки” [9. Р. 116–117].

После франко-прусской войны в русских штудиях Леже начинается новый этап. Летом 1872 г. через Министерство иностранных дел он добился поездки в Россию. В Москву он приехал уже после Нюрнберга, Праги, Кракова, Варшавы, Смоленска. Здесь он посетил политехническую выставку, устроенную в честь 200-летия со дня рождения Петра I. “Все, что я увидел в Москве, совершенно не согласуется с представлением о тех варварах-московитах, о которых писала парижская пресса во времена моей юности”, – записал Леже [10. Р. 340]. Его письма на родину изобиловали эмоционально окрашенными фактами и наблюдениями. Он трогательно опровергал некоторые нелепые утверждения маркиза де Кюстина: “Лошади здесь восхитительные звери, которых никто не истязает... собаки и кошки почти такие же красивые как во Франции... в голубях русские чтят Святого Духа, потому их так много в России, потому-то их тут и не едят” [10. Р. 357].

Во время своего путешествия по России Леже сблизился с представителями русской интеллигенции: в Москве он познакомился с Ф.И. Буслаевым, М.П. Погодиным, С.М. Соловьевым; в Петербурге – с А.Ф. Писемским, И.И. Срезневским. По возвращении в Париж он вплоть до 1917 г. исполнял обязанности постоянного корреспондента русского “Журнала Министерства народного просвещения”.

Поездка в Россию, безусловно, активизировала начинания Леже по преподаванию русского языка в системе высшей школы, и вскоре после возвращения он представил на имя директора Школы восточных языков записку следующего содержания: “Поскольку Школа основана с целью служить интересам политики и коммерции, трудно понять, почему из системы преподавания исключены курсы по изучению славянских языков. Среди прочих особенно сербский, болгарский и русский приобретают день ото дня наибольшее значение. Незнание этих языков вынуждает наших дипломатов прибегать к помощи иностранцев, зачастую далеких от наших национальных интересов... Было бы в высшей степени полезным ознакомиться с многочисленными научными трудами, опубликованными в русской периодике о Туркестане, Китае, государствах Центральной Азии, Кавказа и Армении” [8. С. 214–215].

Тем не менее, администрация Школы не усмотрела надобности в изучении русского – в новой редакции записки он был по принципу “хоть шерсти клок” заменен боснийским. В конце 1873 г. в рамках Школы Леже разрешили преподавать славянские диалекты, но о русском языке речи не шло. Официально вопрос о преподавании русского языка был поставлен перед Министерством народного образования летом 1874 г. В записке, поданной администрацией Школы, говорилось, что “на русском языке, который приобретает день ото дня все большее значение, говорят народы, проживающие в пространстве от берегов Балтики до Тихого океана... Не существует такой страны, где писали бы больше и так компетентно, как в России, на азиатские сюжеты... Наши библиотека уже сегодня насчитывает 200 произведений на русском языке, имеющих отношение к проблематике Школы” [8. С. 215].

В декабре 1876 г. президент Франции подписал декрет о создании кафедры русского языка в рамках Школы и утвердил Леже в качестве ее штатного профессора. При этом министр образования, памятуя лекции Мицкевича, предупредил Леже остерегаться в преподавании “излишнего панславизма” (цит. по: [3. Р. 47]). Естественно, что в данном решении отразились не только упорные усилия слависта Леже, но и утверждение “русского курса” во французской внешней политике. В частности, этот сюжет звучит в статье французского исследователя Б. Гишара, отметившего, что введение русского в официальную программу Школы являлось следствием ослабления немецкого влияния не только в политике, но и в науке. При этом он подчеркнул, что зарождение французской славистики все же не избежало немецкого влияния – многие историографические и лингвистические ссылки были заимствованы Леже из немецких университетских штудий; он также указывал на тот факт, что выбор начальства пал на Леже не случайно – он был не просто компетентной фигурой в области преподавания, но и достаточно осторожным по отношению к конъюнктурному русофильству, как в образовании, так и в литературе [11].

Со временем статус повысился. В 1885 г. Леже стал первым профессором на кафедре в Коллеж де Франс (его предшественники имели титул “уполномоченных читать лекции”) [5. С. 34], где читал курсы сербского и русского языков и литературы, этнографию, историю цивилизации славянских народов. Лекции собирали внушительную аудиторию – не менее 200 слушателей. В это же время он стал преподавать славянские языки в Высшей военной школе. Одновременно Леже вел активную деятельность по ознакомлению французской публики с духовными ценностями русской национальной культуры. Он начинал сотрудничать с научным изданием “Журнал ученых”, содержание которого тут же пополнилось материалами о славянских странах; выступал как автор, рецензент, хроникер, библиограф. Тематика его статей – литература, история, языки всех групп славянских народов, вопросы права и искусства. В 1860-е годы он опубликовал статьи о русской литературе в журнале “Литературное обозрение”, в начале 1880-х годов рецензировал работы русских историков на страницах “Исторического журнала”, в 1870-е годы написал целую серию этюдов о славянской мифологии в журнал “Обозрение истории религий” (в 1882 г. эти статьи были изданы отдельной книгой “Суммарные эскизы о славянской мифологии”), которые, по мнению критика И. Бодуэна де Куртенэ, были выполнены Леже со свойственной ему трезвостью и критицизмом (см.: [12. 1882. 4. 220. № 3. С. 145]).

Кроме того, Леже взял на себя труд представлять французскую историческую и филологическую науку перед российскими учеными – из номера в номер

санкт-петербургского “Журнала Министерства народного просвещения” выходили “Письма из Парижа” (Леже подписывал их “Л. Л-р”), в которых сообщались данные не только общекультурного и научно-политического значения, но и материалы об изучении русского языка и литературы во Франции. Учитывая педагогическую направленность издания, в своих корреспонденциях, носивших, кроме всего и практический характер, Леже старался дать представление о системе образования во Франции, подробно сообщал о книжных новинках, научных новостях, издательской деятельности. Усилиями Леже в обзорах русской периодической печати французская наука была представлена так широко, как никакая другая из зарубежных.

Деятельность Леже не ограничивалась преподаванием славянских языков. Основной сферой его научных интересов стало происхождение славянских литератур и филология (лингвистика). Только в течение 1890-х годов Леже были изданы несколько исследований по русской лингвистике [13]. Леже был славистом в широком понимании этого слова. После первых же поездок в славянские страны он начинает издание серии, посвященной истории славянства и России, сначала выходит книга “Славянский мир – путешествия и литературы” (1873), затем последовательно три тома “Славянских этюдов” (1886), и трехтомник “Русские и славяне” (1896–1899). Эти издания содержали различные вопросы истории, литературы, фольклора, археологии, русского языка и пр. В начале 1890-х годов Леже выпустил антологию “Русская литература и отрывки из основных авторов” (1892), где были представлены в его и иных переводах образцы произведений русских писателей, и не менее популярную книгу “История русской литературы” (1893). В начале XX в. выходят: книга воспоминаний Леже, которая полностью посвящена впечатлениям француза от путешествий по славянским землям “Воспоминания славянофила. 1863–1897” (1905); популярно написанный очерк “Николай Гоголь” (1914); сборник статей о России, включающих выступления в Академии надписей и изящной словесности и в Коллеж де Франс; а также ряд статей в католических и протестантских журналах и работ политического характера (“Ликвидация Австро-Венгрии” – 1915, “Панславизм и французский интерес” – 1917). Важнейшими вехами переводческой деятельности Леже стали издание “Хроники Нестора” (1884) и публикация так называемого Реймского евангелия (1899). “Повесть временных лет”, переведенная Леже на французский и снабженная историко-литературным комментарием, стала символом научной деятельности слависта. На протяжении 20-ти лет он, понимавший важность русского для изучения истории России и процесса этногенеза славян восточной Европы, возвращался к работе над ней. К.Н. Бестужев-Рюмин высоко оценил эту работу француза, указав, что отныне летопись, переданная изящным французским языком, становится общим достоянием европейской науки (см. [12. 1884. Ч. 235. № 10. С. 378]). Труд Леже был оценен в России избранием его член-корреспондентом Петербургской Академии наук (1884) и действительным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете (1885).

Отзывы современников о деятельности Леже в основном однозначны. Славяновед К.Н. Бестужев-Рюмин, отмечая заслуги Леже, писал: “Перед нами пример иностранца, пристально и глубоко изучающего старый наш язык в памятниках письменности” [12. 1884. Ч. 235. № 10. С. 379]. “Проявленные симпатии к России” и “особый интерес к творчеству древней Руси” у Леже отмечал И.С. Тургенев и профессор-славяновед М.Г. Попруженко (см.: [8. С. 217–218]).

Особенно высоко русская критика оценила новаторские заслуги Леже в разработке во Франции тематики славянской мифологии [12. 1886. Ч. 308. № 9. С. 80]. Историк В.И. Модестов писал, что Леже “как филолог-славист, конечно, не Миклошич, не Шлейхер, не Ягич, но он знает свое дело – это не подлежит сомнению” [14. С. 264–265]. Он находил, что своими познаниями о современном состоянии литератур славянских народов этот француз мог бы смело поспорить со многими знатоками России. По словам И.Д. Гальперина-Каминского, Леже был основательно знаком с предметом своих изысканий и “первым установил научные основания для французских исследований относительно образования русской национальности и первоначальной славяно-русской литературы” [5. С. 34].

Хотя в историографии можно встретить и несколько иные оценки творчества Леже. По словам Д.С. Лихачева, некоторые его труды не были освобождены от ошибок, в частности он был первым французским скептиком, усомнившимся в подлинности “Слова о полку Игореве” (см.: [15]). Литературовед П.Н. Берков считал явно преувеличенным значение Леже в истории изучения французами русской литературы. По его мнению, Леже скорее был популяризатором, чем самостоятельным исследователем: “Будучи славистом в самом широком смысле слова, Леже в области специального изучения русской литературы не сделал ничего такого, что могло бы заставить признать его права на какую-либо известность” [16. С. 743]. С.А. Никитин отметил, что “работы Л. Леже хотя и не отличались большой глубиной и оригинальностью, но имели большое значение, так как распространяли на Западе информацию о прошлом славян, их государственном, культурном и политическом развитии” [17].

Поверхностные выводы о роли Леже в становлении славистики во Франции опровергают историки Е.М. Макаренкова и Г.И. Любина. Хотя первая, в целом высоко оценивающая деятельность Леже, справедливо указывает на тот факт, что в своих произведениях “славист так и не смог до конца преодолеть национальные предубеждения там, где это касается вопросов католической церкви и западной цивилизации” [8. С. 213]. Любина также утверждает, что Леже “ввел в оборот западноевропейской науки многие материалы по русской тематике, проложив дорогу следующим поколениям русистов во Франции” [18. С. 77]. Однако, по ее мнению, в силу большей обыденности работы Леже, чем других русистов, этот исследователь остался в их тени; на самом же деле, его многочисленные труды лишь часть того, что им было сделано для развития славистики во Франции [18. С. 71].

Значительно выше оценивали Леже сами французы. Например, славист П. Буайе полагал, что в отношении Леже можно смело задаваться вопросом: “Когда по свободному выбору, обусловленному случайной встречей, он отдался изучению русистики, занявшей потом всю его жизнь, кто во Франции или в другой стране имел точное представление о славянских народах, их географическом расселении, их языках, их чаяниях?”; а также утверждать, что “универсальность его любознательности и его производительности дает ему в истории русистики место в одном ряду с Ягичем и может быть, лишь ниже Буслаева” [19. Р. 128].

Спорным в историографии стал вопрос о влиянии конъюнктурных соображений на научную деятельность Леже. По мнению некоторых исследователей, Леже был первым французским славистом, более остальных преданным интересам науки. Так, Е.М. Макаренкова полагает, что раз Леже начал изучать Рос-

сию и историю славянских народов задолго до франко-прусской войны, то над ним не довели политические факторы [8. С. 208]. С.А. Никитин, характеризуя личность слависта, в первую очередь подчеркивает, что тот “сочувственно относился к национально-освободительному движению славянских народов” [17]. П.Н. Берков также утверждал, что научная и литературная деятельность Леже в изучении славянства, и в частности русской литературы, развивалась под знаком международных политических установок [16. С. 745].

Не столь одностороннюю характеристику вслед за Е.М. Макаренковой дает Г.И. Любина: “Леже была очень близка идея политического союза славянских государств, в котором он видел противовес немецкому влиянию. Раньше других ученых-европейцев он высказал сочувствие к мысли о политической независимости славянских народов и их объединению под верховенством России... Влиял ли на Леже социальный заказ? Возвеличивая русский народ и русскую историю в глазах своих соотечественников, он, несомненно, отвечал запросам своего времени. Но в его отношении к русской тематике, в той жадности, с какой он хватался за малейшую возможность проникнуться ощущением русской жизни, пропагандировать русскую культуру, видится глубоко личный интерес ученого и любознательного человека” [18. С. 72].

По мнению французской исследовательницы А. Бернар, дружеские и научные отношения, которые имел Леже с представителями славянской интеллигенции, продиктованы именно политическим контекстом – интерес французов к идее панславизма, которая в той или иной форме существовала в то время у славянских народов, одновременно и научный, и политический. По ее словам, один из лучших знатоков славянского мира “отдавал себе отчет в ссорах и противоречиях между славянскими народами, но считал, что развитие славяноведения приведет к устранению этих трудностей и, в итоге, – к сближению всех славян” [20. С. 41].

В рамках данной статьи невозможно проанализировать все работы французского слависта, поэтому лишь описательно, представив их в хронологическом развитии, укажем на основные проявления в них влияния политических соображений. Как уже указывалось выше, обратить взгляд на Восток Леже побудили события в Париже вокруг польских эмигрантов, т.е. изучением языка и истории славянских народов он занялся не благодаря, а вопреки. Естественно, что первые работы Леже были посвящены славянству в целом, и лишь после поездки в Россию он начинает писать этюды об этой стране. При всей новизне подобных работ и их объективности по сравнению с трудами русофобского толка, у “славянофила” Леже с самого начала проявляются субъективные оценки. Заметим, что эти работы о России появляются после военного поражения 1870-х годов, поэтому рост угрозы войны с Германией не мог не отразиться на его деятельности. Не удивительно, что лейтмотивом творчества, начатого под воздействием национально-освободительного движения славян и антигерманской пропаганды, становится идея панславизма.

В 1873 г. он пояснял: “У нас во Франции существуют многочисленные предрассудки по отношению к этой идее. Но быстрое развитие немецкого могущества заставляет нас отделаться от всех этих старых предрассудков, изучать и искать все, что может оказаться полезным для французской внешней политики” [21. Р. 337]. А позже уже прямо говорил об исключительности России в деле подавления германской агрессии – для него славяне являлись природным соперником немецкого мира, который в состоянии вместе с Францией выстроить плоти-

ну против необузданной экспансии Германии. В его работах 1890-х годов вызревает идея о том, что по отношению к России остальные славяне должны все-таки найти какой-то *modus vivendi* [22. Р. 143]. В начале XX в. в своей работе о ликвидации Австро-Венгрии Леже писал: “Сегодня мы ужасно нуждаемся в нем, в панславизме” (цит. по: [20. С. 42]), наконец, вершиной развития данной идеи стала публикация в 1917 г. книги “Панславизм и французский интерес”, последний раздел которой посвящен проекту “Панславии”.

Нельзя однозначно утверждать, что Леже не был подвержен политическим веяниям эпохи – основные этапы его научной деятельности все-таки были связаны с историческими задачами Франции, особенно возможной перспективой ее сближения с Россией. Кроме того, заметим, что труды Леже объективно были не свободны от различного рода ошибок. Например, в предисловии к своей работе о Кирилле и Мефодии (1868) он указывает на трудности, с которыми ему пришлось столкнуться: в то время во Франции не было ни словарей, ни грамматик, ни книг по славянской истории, ни ученых, работавших в этой области; потому исследование получилось вынужденно и неизбежно компилятивным. Сам Л. Леже отмечал, что он не склонен идеализировать свои сочинения, поясняя, что “мгновения упадка сил, забывчивости, невежества неизбежны при изучении этого столь колоссального и нового мира” [23. Р. 355]. Конечно, по мере непосредственного знакомства с источниками работы Леже совершенствовались, и если современный читатель и подмечает там некоторые ошибки, то в большей степени они объяснимы авторской позицией, вызванной идеологическими задачами или собственными установками. Например, Леже утверждал, что не “Задонщина” явилась подражанием “Слову о полку Игореве”, а “Слово” – произведение подражательное и слабое, “Задонщина” же – оригинальное и поэтически сильное [24. Р. 93–94]; он усомнился в дате открытия “Задонщины” и предположил, что эта рукопись была обнаружена в конце XVIII в. и уже на ее основе неизвестным фальсификатором создавалось “Слово” [7. С. 4–5].

Как бы ни оценивали научную деятельность этого ученого, очевидно одно: значительно подняв уровень французской науки в области исследования славянской проблематики, Леже явился, по сути, пионером русоведения и славистики. Усилиями Леже (и впоследствии первых французских русистов) Россия в конце XIX в. действительно “завоевала в интеллектуальной Европе место, которое от нее не отнимется” (цит. по: [12. 1909. Ч. 19. № 2. С. 408]). Всестороннее изучение им русского языка и преподавание его в системе высшей школы, а также исследования, публикации и переводы древнерусских и литературно-исторических памятников ознакомили европейскую науку с лучшими достижениями российской истории и литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилова О.С. Французские “славянофилы” конца XIX – начала XX в. // Славянский альманах 2001. М., 2002.
2. Данилова О.С. У истоков французской славистики – между полонофильством и русофильством – альтернатива XIX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004.
3. Leger L. Souvenirs d'un slavophile (1863–1897). Paris, 1905.
4. Leger L. Le monde slaves. Etudes politiques et littéraires. Paris, 1897.
5. Гальперин-Каминский И.Д. Русоведение во Франции // Русская мысль. 1894. Кн. 10.
6. Сборник в честь и в память на Луи Леже. София, 1925.
7. Леже Л. Славянская мифология. Воронеж, 1908.

8. *Макаренкова Е.М.* Луи Леже – первый французский славист // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции 1986. М., 1988.
9. *Leger L.* Les langues d'utilité publique. L'enseignement du russe // Revue des cours littéraires. 1867–1868. № 7.
10. *Mares A., Berelowitch W.* La découverte de la Russie en 1872: Le première voyage de Louis Leger à Moscou // Revue des études slaves. Paris, 1997. Т. 63. Fas. 3.
11. *Guichard B.* Parler russe. Un enjeu de l'alliance franco-russe? // Recherches en relations internationales. № 8. 1999 [Ressource électronique] // Donnée électronique (3 files). Http: // www.ipr.univ-paris1.fr. 09.08.2004.
12. Журнал Министерства народного просвещения.
13. *Leger L.* Grammaire russe par Reif, revue, corrigée et augmontée. Paris, 1892; *Leger L.* Chrestomatie russe. Les Racines de la langue russe. Paris, 1894.
14. *Модестов В.И.* О Франции. СПб., 1889.
15. “Слово о полку Игореве” – памятник XII века. М.;Л., 1962; *Дмитриева Н.Л.* Леже Луи // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. СПб., 1995. Т. 3.
16. *Берков П.Н.* Изучение русской литературы во Франции (библиографические материалы) / Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34.
17. *Никитин С.А.* Леже Луи // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8.
18. *Любина Г.И.* Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 1996.
19. *Boyer P.* Louis Leger // Revues des études slaves. Paris, 1923. Т. 3.
20. *Бернар А.* Несколько особенностей панславизма во Франции // Славяноведение. 1998. № 5.
21. *Leger L.* Le monde slave – voyages et littératures. Paris, 1873.
22. *Leger L.* Russes et Slaves. Paris, 1899.
23. Journal des savants. 1905.
24. *Leger L.* Russes et Slaves. Etudes politiques et littéraires. Paris, 1890.

А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения / Отв. ред. М.Ю. Досталь. Москва; Ставрополь, 2005. 169 С.

Фигура Александра Николаевича Пыпина, крупнейшего русского филолога, этнографа, историка, издавна привлекала внимание исследователей. Поэтому вполне закономерным выглядит проведение конференции, посвященной столетней годовщине его кончины. Конференция прошла в июне 2004 г. По итогам ее работы был подготовлен сборник статей под редакцией М.Ю. Досталь (Институт славяноведения РАН). Среди авторов не только представители московских учебных и научных учреждений, но и исследователи из Брянска, Саратова, Йошкар-Олы, Рязани, Твери, Тарту, С.-Петербурга, Ставрополя.

Сборник открывает статья Л.П. Лаптевой (МГУ), которая подробно характеризует роль А.Н. Пыпина в развитии славяноведения в России. Особое внимание она уделяет влиянию фундаментального труда Пыпина «История славянских литератур» на науку и общественное мнение в славянских регионах Европы. Автор справедливо подчеркивает, что «труд приобрел многостороннее значение для европейского общества, так или иначе соприкасавшегося со славянскими проблемами». Была отмечена многосторонняя деятельность Пыпина как слависта: «Он исследовал историю развития общественной мысли по славянскому вопросу, разработал ряд оригинальных и плодотворных теорий, касающихся прошлого и современного ему состояния славянских народов». Кроме того, А.Н. Пыпин информировал русскую общественность о жизни современных славянских народов.

А.С. Озерянский (Саратов), размышляя об исторических взглядах выдающегося слависта, приходит к выводу, что «главным отличительным научно-методологическим признаком А.Н. Пыпина явилось видение в произведениях литературы культурно-исторических

памятников, документирующих жизнь»; при этом подчеркивается, что ученый фактически принадлежал к последователям позитивистского направления в историографии, представленного именами К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева и др.

Весьма любопытными являются наблюдения Л.В. Чекурина (Рязань) над творческой лабораторией Пыпина, черты которой заметны при анализе его историографических опытов. Следует отметить, что к таковым автор относит прежде всего рецензии, написанные Пыпиным на разные сочинения своих современников. Чекурин, анализируя выступления Пыпина в печати (например, после выхода труда Д.И. Иловайского), приходит к выводу, что тот «не стремился быть судьей или посредником в ...спорах, свои мнения излагает мягко, не отрицая окончательно мнений оппонентов. Он подчеркивает лишь разницу в оценках и позициях историков». Чекурин отмечает влияние лингвистической школы И.И. Срезневского на исторические воззрения Пыпина. Так, в частности, ученый критиковал историков «за вольное обращение и объяснение названий народов, славянских богов, некоторых островов и рек».

За исключением упомянутых статей, все остальные публикации сборника в той или иной степени посвящены изучению славистических воззрений Пыпина в историческом или филологическом аспекте. Так, В.М. Хевролина (Москва) исследовала всегда актуальный вопрос «Россия и славяне» в интерпретации Пыпина. В статье справедливо отмечается, что «развитие представлений Пыпина менялось в зависимости от внутриполитической обстановки в России, внешнеполитических факторов, а также хода политических и культурных процессов в славянских землях».

При этом автор подчеркивает, что Пыпин всегда был противником славянофильских построений, особенно резко выступая против славянофильского понимания панславизма, называя его “русским” или “московским”. Развивает этот сюжет и О.В. Павленко (Москва), детально характеризуя концепцию истории панславизма, предложенную Пыпиным. Ученый выделял три основные формы панславизма – отдельные проявления славянской идеи в славянофильском учении, “квасной патриотизм”, проявившийся в письмах М.П. Погодина министру А.С. Уварову, и, наконец, “национально-образовательная солидарность славянских народов”. Павленко справедливо находит параллели между воззрениями Пыпина и киевского профессора И. Лашнюкова, тем самым помещая концепцию петербуржца в историографический контекст. Статьи И.Г. Воробьевой (“А.Н. Пыпин и Н.А. Попов”), М.Ю. Досталь (“А.Н. Пыпин и И.И. Срезневский”), А.Н. Горяинова («П.Б. Струве о А.Н. Пыпине и о втором издании “Истории славянских литератур”») эту тенденцию детализируют применительно к конкретным личностям. М.Ю. Досталь (Москва), приводя весьма интересные факты взаимоотношений учителя и ученика, показывает, как расходились они постепенно в оценке действительности. При этом Пыпин до конца жизни сохранял к Срезневскому безусловный пиетет, выступая, тем не менее, и как исследователь его творчества. Досталь выделяет девять направлений этой деятельности, подчеркивая, что Пыпин внес серьезный вклад в изучение биографии своего учителя. А.Н. Горяинов (Москва) нашел очень любопытный ракурс исследования творчества Пыпина, показав, какой интерес он вызывал у П.Б. Струве как редактора и автора газеты “Россия и славянство” (выходила в Париже в 1929–1934 гг.)

А.Д. Дуличенко (Тарту) рассказал о проблеме всеславянского языка в творчестве А.Н. Пыпина. Теория всеславянского языка была достаточно популярной среди ряда сла-

вистов второй половины XIX в. При этом выдвигалась как идея создания искусственного языка, так и возвышения до использования на общеславянском уровне какого-либо одного из уже существующих. Ярким адептом последней теории был А.С. Будилович, он предлагал использовать для этой цели русский язык. Не критикуя бесспорную роль русского как наиболее распространенного славянского языка, Пыпин прежде всего обращал внимание на необходимость учета не лингвистических, а политических и социокультурных факторов в вопросе о славянском языке. В отличие от Будиловича, выступавшего с романтических позиций, Пыпин придерживался более прагматичных взглядов.

Являясь энциклопедически образованным человеком, Пыпин затрагивал в своих исследованиях самые разные сюжеты, на что обращают внимание Д.А. Балькин (Брянск) (“Взгляд А.Н. Пыпина на историческое развитие русско-украинских взглядов”), Л.М. Аржакова (С.-Петербург) («Польский вопрос» в интерпретации А.Н. Пыпина»), И.В. Крючков (Ставрополь) («Революция 1848–1849 гг. и славянский вопрос в Австрии в “Панславизме” А.Н. Пыпина»), Г.В. Рокина (Йошкар-Ола) (“Словацкие сюжеты в творчестве А.Н. Пыпина”), Н.М. Пашаева (Москва) (“А.Н. Пыпин и Галичина”).

Весьма любопытными наблюдениями поделилась с читателями И.В. Чуркина (Москва), проведшая скрупулезное исследование взаимоотношений Пыпина со словенскими учеными (прежде всего с М. Мурко, И. Приятелем). Автор пишет и о восприятии сочинений Пыпина на словенской земле.

В целом сборник, несомненно, заметное событие в отечественном славистическом книгоиздании, вносит заметный вклад в исследование творчества выдающегося русского ученого.

© 2007 г. С.И. Михальченко

Славяноведение, № 1

А. Г. МАШКОВА. Словацкий натурализм (30–40-е годы XX века). М., 2005. 246 С.

В ряду славистических исследований последних лет труд А.Г. Машковой занимает особое место. Это одна из первых российских

монографий о словацкой литературе. (В том же году вышла книга автора этих строк [1].) При обилии частных или обобщающих работ

словацкая литература в последние десятилетия почти не становилась материалом для углубленного анализа, если не считать защищенных в 1980–1990-е годы кандидатских диссертаций. Что касается исследования темы как таковой, то и здесь отечественным славистам приходилось опираться на труды словацких ученых. В нашей словакистике о литераторе-натуристе подробно писала лишь И.А. Андрияка в диссертации «Творчество Людо Ондрейова 30-х годов и некоторые проблемы развития словацкой “лиризованной прозы”» (1997), но эта работа, защищенная в Институте славяноведения, не получила продолжения, причем автор предпочел термин “лиризованная проза” термину “натуризм”. Таким образом, монография А.Г. Машковой является вдвойне первопроходческой: и в рамках российской славистики, и в рамках отечественных исследований словацкого натурализма. Важность изучения натурализма, как показано в монографии, обусловлена значимостью этого течения в национальной литературе и, не в последнюю очередь, его влиянием на новые поколения литераторов.

В книге словацкий натурализм рассматривается как специфически словацкое явление, но в то же время подчеркнута и доказана на многочисленных примерах его соотнесенность с общеевропейским литературным процессом, творческие импульсы последнего и типологические связи с ним. В главе I охарактеризована литературная ситуация в Словакии 20–40-х годов XX в., способствовавшая складыванию “словацкой модели натурализма”. Указанный период чрезвычайно значим для развития словацкой литературы: в XX в. больше не было времени, столь насыщенного плодотворными инновациями. Автор убедительно обосновывает употребление термина “натуризм” (С. 19–29), считая его “наиболее приемлемым” по сравнению с определениями “лиризованная проза”, “популизм”, “региональная проза”, “неоромантизм”. Подробно рассмотрено изучение натурализма в словацкой критике (труды М. Хорвата, А. Мраза, М. Поважана, М. Бакоша, Й. Феликса, Р. Бртаня и других литературоведов), что позволяет вычленил недостаточно освещенные или спорные проблемы. Не слишком частой для филологических работ является солидная философская база (прежде всего А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон), необходимая для обнаружения влияний той или иной системы взглядов на литературное творчество (раздел “Философские истоки натурализма”). Завер-

шая обзор философских трудов, давших натуралистам импульсы иррационализма, автор констатирует, что заслуга философов и писателей “состоит в том, что за предметным, расчлененным знанием они сумели увидеть и попытались донести до читателей знание целостное, живое, которое объединяет человека и природу, служит предпосылкой рождения мира гармонии” (С. 86). На наш взгляд, этот раздел отчасти приобретает самодовлеющее значение, но он очень интересен и полезен широкой аудитории, прежде всего студентам-филологам.

К натуразму А.Г. Машкова традиционно относит таких писателей, как Людо Ондрейов, Маргита Фигули, Доброслав Хробак, Франтишек Швантнер, а также Йозефа Горакка в качестве продолжателя и “разрушителя” натуралистских традиций. Зародившись в 1930-е годы, натурализм достиг наивысшего расцвета к середине 1940-х и стал своеобразной антитезой обезумевшему миру времен Второй мировой войны. “Произведения натуралистов вполне могут быть поставлены в один ряд с лучшими образцами мировой литературы”, – пишет А.Г. Машкова в “Предисловии” (С. 4). Этот тезис подтвержден основным текстом исследования, которому присущи обстоятельность, многоаспектность и четкая система доказательств.

Автор не ставил перед собой задачу дать монографический обзор творчества каждого из писателей. Главы и разделы komponуются на основе актуальных проблем литературоведения. Это связь литературы с философскими концепциями, взаимодействие словацкой литературы с европейским контекстом, особенности поэтики словацких авторов. Тем самым монография, не слишком разрастаясь в объеме, обрела широкий контекст и разнообразное освещение темы. “...Обращаясь к зарубежному литературному опыту, натуралисты всегда творчески переосмысливали его, сопрягали с национальными традициями и собственным жизненным опытом, подтверждением чему является литературное наследие писателей”, – говорит автор во вступительном разделе главы “Натурализм и европейские литературы” (С. 122). Машкова раскрывает несостоятельность обвинений Д. Хробака в плагиате, подробно разбирая произведения названного писателя, Ф. Швантнера и их “предшественника”, немецкого писателя Леонгарда Франка. Творчество Швантнера (одного из наиболее интересных писателей-натуралистов) анализируется в сопоставлении с творчеством

К. Гамсуна и Ш.-Ф. Рамю, чему посвящены самостоятельные разделы. В главе о поэтике рассмотрены, в частности, эволюция поэтики в трилогии Л. Ондрейова “Солнце взошло над горами”, “игра с пространством” Д. Хробака и разрушение натуралистской концепции у Ф. Швантнера и Й. Горака. В той же главе, в разделе о библейских реминисценциях в творчестве М. Фигули, А.Г. Машкова показывает глубокое овладение материалом Священного Писания, разбирает разные варианты произведений писательницы, связанные с идеологическими требованиями эпохи.

Несмотря на проблемные “острова”, в монографии присутствует анализ основных произведений словацкого натурализма: поэмы “Мартин Ноциар Якубовие” и романа-трилогии “Солнце взошло над горами” Л. Ондрейова, повести “Тройка гнедых” и романа “Вавилон” М. Фигули, повести “Дракон возвращается” и рассказов Д. Хробака, повести “Невеста горных лугов”, романа “Жизнь без конца” и рассказов Ф. Швантнера. Тем самым оправдан выбор методологии “проблематизирования”. Читатель может ощутить, с одной стороны, национальное своеобразие словацкого натурализма, идущее от долгого главенствования поэзии и лирического начала в словацкой литературе и тяготения писателей к природным основам жизни, подчеркнутым красотами Татр, а с другой – наличие сходных явлений в европейских литературах (причем нередко явлений не самых известных). Именно в 1920–1940-е годы словацкая литература активно перерабатывала импульсы, полученные из других европейских литератур, творчески сплавливая их с национальными традициями.

В “Заключении” суммированы основные выводы монографии, кратко показано движение натурализма от зарождения до завершения развития и деструктуризации. “Таким образом, для натуралистов характерен новый взгляд на человека, смысл его существования и законы бытия”, – пишет автор (С. 230). Отход от конкретно-социального начала в сторону вечных основ жизни во многом обусловил ценность и долговременное значение произведений натуралистов. Эти произведения стали и достоянием российского читателя – в частности увлекательное и познавательное творчество М. Фигули (объемной историко-аллегорический роман “Вавилон” и др.). Натурализм, наряду с сторреализмом (“надреализмом”), был одним из словацких литературных “блоков”, соединивших в себе национальное и общеев-

ропейское и ярко представивших словацкую литературу 1930–1940-х годов XX в.

Недостатки, отмеченные нами в труде А.Г. Машковой, носят частный характер либо представляют собой спорные вопросы. К последним относится, например, утверждение о том, что словацкую литературу не определяют такие временные рубежи, выделявшиеся ранее, как 1918, 1939, 1945, 1948 гг.: “...упомянутые даты не являются вехами в развитии художественного творчества” (С. 9). Для таких течений, как Словацкая Модерна (за исключением Я. Есенского) и особенно надреализм, эти даты хоть и не являются прямым отражением исторических событий, но, тем не менее, весьма важны: 1939 год – год перехода надреализма, имевшего антифашистскую направленность, в широкое движение, этот год выделяют все исследователи данного направления (прежде всего М. Бакош и С. Шматлак), а год освобождения, 1945-й, стал фатально переломным для крупнейших надреалистов Р. Фабри и В. Райсела, отказавшихся от прежней поэтики (финал поэмы “Я это кто-то другой” Фабри и цикл Райсела “За зеркалом”). Можно привести и другие примеры. На наш взгляд, зависимость литературы от хода истории не следует ни переоценивать, ни затушевывать. XX век все же отмечен значительной политизированностью литературы (что сказалось, например, на социально ангажированных Фабри и Райселе), а Вторая мировая война определила звучание многих поэтических произведений словацкой литературы того времени.

В целом монография А.Г. Машковой – новое слово в отечественной литературоведческой славистике. Исследование построено на мощной основе философского, критического и литературного материала, выводы о специфике и значении словацкого натурализма представляются весьма убедительными. Литературоведы-слависты и ученые других специальностей получили возможность ознакомиться с актуальным научным трудом, дополняющим картину литературного развития Европы в XX в.

© 2007 г. *Н.В. Шведова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шведова Н.В.* Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX – первая половина XX века). М., 2005.

А.Г. ШЕШКЕН. Студии за македонската литература. Скопје, 2005. 168 С.

А.Г. ШЕШКЕН. Исследования по македонской литературе

Г. ТОДОРОВСКИЙ. Прикосновения: русско-македонские темы. Скопје, 2005. 459 С.

В 2005 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Македония были опубликованы две книги, появление которых стало значительным шагом на пути сближения культур македонского и русского народов. Это книга канд. филол. наук, доцента кафедры славяноведения филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Аллы Геннадьевны Шешкен “Исследования по македонской литературе”, вышедшая в Скопье на македонском языке, и книга македонского поэта, переводчика, ученого, прекрасного знатока русской культуры, академика Македонской академии наук и искусств (МАНИ) Гане Тодоровского “Прикосновения: русско-македонские темы”, изданная на македонском языке в 2000 г. и переведенная на русский в 2005 г.

Не секрет, что культурные и научные связи России и Македонии в недавнем прошлом и сегодня нельзя назвать полностью реализованными. Однако не может не радовать тот факт, что взаимный интерес двух народов крепнет, о чем свидетельствует, например, состоявшаяся 13 сентября 2005 г. в Институте славяноведения РАН международная научная конференция «Россия и Македония: от прошлого к будущему (К столетию выхода в свет первого журнала на македонском языке “Вардар”».) Мероприятие было приурочено к Дням культуры Македонии в России, проведенным 5–8 сентября 2005 г. Федеральным Агентством по культуре и кинематографии (Роскульта) и Министерством культуры Республики Македония. В работе конференции приняли участие представители македонской науки из МАНИ, Университета им. свв. Кирилла и Мефодия, Института македонского языка им. К.П. Мисиркова, а также ученые Института славяноведения РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Саратовского государственного университета.

В рамках научной конференции и состоялась презентация российского издания “При-

косновений...” акад. Г. Тодоровского. Исследование представляет собой уникальный источник информации о взаимодействии наших культур на протяжении долгого периода. Книга посвящена проблемам литературных, культурных, исторических и политических связей двух народов. Уже во вступлении к книге Г. Тодоровский определяет жанровое своеобразие исследования, в полной мере отраженное в названии. Речь идет, утверждает автор, именно о *прикосновениях* к обширной и серьезной теме взаимоотношений русской и македонской культур, которая вряд ли может быть исчерпана в одной книге. Г. Тодоровский собрал под одной обложкой большое количество текстов, написанных им на протяжении почти пятидесяти лет его научной деятельности. Именно этим и объясняется та многопроблемность, которая отличает книгу македонского ученого.

“Прикосновения...” состоят из двух частей. Первая часть – “Македонское восприятие русской культуры” содержит интереснейший материал, касающийся места русской литературы в македонском культурном поле. Судьба русской литературы в Македонии сложилась, как это явствует из книги Г. Тодоровского, очень счастливо. Русская культура обязана в этом смысле усилиям многих замечательных македонских писателей, переводчиков и ученых, посвятивших свой талант освоению русской литературы и перенесению ее на македонскую почву. Автор подробно рассказывает, например, о тех, кто перевел прозу и поэзию А.С. Пушкина: пушкинское слово приходило к македонскому читателю благодаря поэтическому таланту Блаже Конеского, Славко Яневского, Србо Ивановского, Гане Тодоровского, Ацо Шопова, Георги Сталева, Влады Урошевича, Матея Матевского, Ефтима Клетникова и др.

Столь же интересны статьи Г. Тодоровского “Лермонтов на македонском языке”, “Лев Николаевич Толстой и Македония”, “Феноменальный буревестник (К столетию со дня рождения Сергея Есенина)”, “Роберт

Рождественский”, “Хронология жизни и деятельности Сергея Есенина”, “Благозвучные слова мудрости” (о творчестве Марины Цветаевой), “Время на ремонте, или Как Андрей Вознесенский возвращался к жизни и ко времени”, “Владимир Огнев” и др. Весь этот сонм прекрасных русских писателей и поэтов представлен в книге Г. Тодоровского не просто как факт личных художественно-эстетических пристрастий поэта и ученого, а как органично воспринятая македонской литературой и культурой традиция русской словесности.

Вторая часть книги – “Русский взгляд на македонский вопрос” дает уникальную информацию, касающуюся участия России в обсуждении македонского вопроса в XIX и XX вв. Это статьи о Л. Троцком, П. Милокове, А. Пыпине и других и об их отношении к македонскому вопросу, одной из самых болезненных проблем в балканской истории. Сюда включено и интервью автора, данное “Исторической газете” в августе 1996 г. в его бытность послом Республики Македония в России. Эта беседа еще раз подтверждает, сколь благодарного и преданного исследователя получила в лице акад. Г. Тодоровского русская культура.

К сожалению, нельзя не сказать и о весьма досадном недостатке замечательной по содержанию книги Г. Тодоровского. Вышедшая в Скопье на русском языке, книга изобилует стилистическими и речевыми погрешностями, объясняющимися, вероятно, неудовлетворительной работой переводчиков и редакторов.

Безусловно, книга “Прикосновения: русско-македонские темы” Г. Тодоровского может быть полезна всем, кто интересуется разнообразными сторонами взаимоотношений македонской и русской культур.

Книга А.Г. Шешкен “Исследования по македонской литературе” – это первое комплексное исследование национальной литературы, выполненное российским ученым и опубликованное на македонском языке в Скопье.

“Исследования по македонской литературе” стали закономерным продолжением многолетней работы А.Г. Шешкен в области македонистики, включающей в себя как преподавание истории македонской литературы и культуры на славянском отделении филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, так и научную деятельность в сфере изучения македонской литературы. Коллегам и читателям уже известны такие работы

А.Г. Шешкен, как посвященные македонской литературе главы в фундаментальных трудах Института славяноведения РАН “История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Том 2. 1970–1980-е годы” (М., 2001), “История литератур южных и западных славян. Том 3” (М., 2001) и “Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов: прерывность–непрерывность литературного процесса” (М., 2002), а также ее монография “Русская и югославянские литературы в свете компаративистики” (М., 2003). В этих трудах А.Г. Шешкен наметились и были апробированы те принципы изучения македонской литературы, которым следовала автор и в новой книге.

Речь идет прежде всего об историко-типологическом подходе, которого придерживалась исследовательница в рассмотрении особенностей развития македонской литературы в XIX–XX вв. А.Г. Шешкен обращается в своей книге к важным вопросам, касающимся как общих особенностей формирования и эволюции македонской литературы, так и таких, казалось бы, частных проблем, как восприятие творчества А.С. Пушкина в Македонии и роль Блаже Конеского, крупнейшего македонского ученого и писателя, в развитии традиций русской литературы в Македонии. В этом смысле книга А.Г. Шешкен не только во многом перекликается с изысканиями акад. Г. Тодоровского, но и демонстрирует взгляд русского ученого на те проблемы, которые видятся столь же актуальными ее македонскому коллеге, что, безусловно, свидетельствует о верно и очень точно обозначенном проблемно-тематическом поле научных исследований А.Г. Шешкен. Разделы “Блаже Конеский и русская литература” и “Пушкин в Македонии”, помещенные в конце книги, представляются наиболее интересными. Сопоставление Б. Конеского с А.С. Пушкиным в контексте развития македонской литературы отнюдь не выглядит преувеличением, поскольку оба поэта в свое время не только обогатили национальную литературу, но и определили дальнейшее развитие языка и всей культуры каждого из народов.

Монографические главы, посвященные Б. Конескому и А.С. Пушкину, значительные по содержанию и скрупулезному анализу материала, тем не менее несколько выбиваются из общей композиции книги, поскольку шесть предыдущих разделов в совокупности явно представляют собой компактную историю македонской литературы. Об этом говорят и названия глав: “Особенности формирования и

развития македонской литературы”, “Македонская литература с 1941 до 1945 г.”, “Македонская литература после освобождения”, “Македонская литература в пятидесятые и шестидесятые годы XX века”, “Македонская литература в семидесятые и восьмидесятые годы XX века”, “Македонская литература в девяностые годы XX века”. Вместе с тем эти главы прекрасно структурированы и отражают основные этапы развития македонской литературы. Значимыми представляются размышления А.Г. Шешкен об относительно позднем развитии художественного слова в Македонии. Эта ключевая для македонской литературы и для славистики в целом проблема всесторонне рассматривается автором, подчеркивающим внешнеэстетические причины “запаздывающего” движения македонской литературы в мировом литературном процессе. Говоря об этапе создания македонской национальной литературы (1880–1910), а также о периоде ее формирования (до 1941 г.), А.Г. Шешкен подчеркивает особую связь национальных культурных процессов с общественно-политическими обстоятельствами жизни народа и с вопросом национального самоопределения македонцев. Сочетание сугубо исторических сведений и филологического подхода в анализе этих периодов в национальной литературе дает оценкам А.Г. Шешкен необходимую меру научной объективности.

Современная македонская литература (после 1945 г.) представлена автором в четырех разделах, посвященных динамике жанров, сюжетов, мотивов, элементов стиля, образности, художественных типов, т.е. именно тем плоскостям литературного процесса, в которых особенно ярко проявляется своеобразие каждой национальной литературы. Хочется отметить блестяще удавшиеся разделы о македонской поэзии, которые даже несколько перевешивают долю, отведенную в тексте прозе и драматургии. Это, впрочем, не всегда зависело от воли автора, поскольку предопределялось динамикой самой литературы: долгое время в ней господствовали поэтические жанры, а проза (особенно роман как центральный литературный жанр) заняла основное место только в 1980–1990-е годы. Поэтический мир македонских славян обрисован в книге А.Г. Шешкен чрезвычайно глубоко, поскольку помещен автором в обширный контекст развития русской и мировой лирики. Имена А.С. Пушкина, А. Мицкевича, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, В. Маяковского, О. Давичо, Э. Багрицкого, С. Есенина, А. Блока, Ф.Г. Лорки и других поэтов звучат

в главах, посвященных специфике развития македонской поэзии в XX в.

Исследовательница закономерно касается и современного этапа развития македонской литературы. Естественно, что относительно небольшая временная дистанция, отделяющая нас от 1990-х годов, не позволяет в полной мере всесторонне проанализировать специфику национального литературного процесса, тем более что он действительно представляет собой пеструю и трудно дифференцируемую картину. При этом автору удается обозначить основные линии развития македонской литературы в конце XX в. Особое внимание А.Г. Шешкен уделяет характеристике жанровой системы новейшей македонской литературы и отмечает наиболее значительные, на ее взгляд, произведения этого периода, а также достижения национальной критики и литературоведения в виде концептуальных обобщающих работ о разных этапах развития македонской литературы.

Говоря преимущественно о традиционном (если это слово вообще может быть применимо к литературе конца XX в.) реалистическом направлении в македонской литературе, А.Г. Шешкен, однако, несколько преуменьшает фактор присутствия в культурном пространстве страны такого яркого явления, как постмодернизм, в полной мере проявившегося во всех жанрах национальной литературы. Между тем, возможно, именно постмодернизм и его модификации на национальной почве и определяют современное лицо македонской литературы.

Книга А.Г. Шешкен “Исследования по македонской литературе”, безусловно, представляет собой уникальное явление не только для македонистики, но и для отечественного славяноведения, поскольку впервые предлагает системный взгляд российского исследователя на проблемы развития македонской литературы от истоков до конца XX в.

Таким образом, появление в 2005 г. двух столь различных и в то же время взаимосвязанных книг македонского и русского филологов свидетельствует о серьезном и глубоком взаимном интересе двух национальных культур. Книги А.Г. Шешкен и Г. Тодоровского позволили обозначить достаточно широкий спектр исторических, политических, культурологических и литературоведческих проблем, актуальных сегодня для совместного обсуждения учеными Македонии и России.

В. ЖОБОВ. Звуковете в българския език. София, 2004. 122 С.

В. ЖОБОВ. Звуки в болгарском языке

Изучение фонетического строя болгарского языка/диалектов имеет давние традиции и отражено в трудах таких известных ученых, как Л. Милетич, Ст. Стойков, Д. Тилков, А. Мишева, Т. Бояджиев и др. В. Жобов в своем исследовании предлагает модернизированную точку зрения на болгарскую фонетику. Он ее рассматривает не только как компонент славянского языкового континуума, но и включает в контекст универсалий, разработанных преимущественно американскими фонетистами и предположительно отражающих особенности артикуляции звуков во всех языках мира. Этому соответствует сформулированная автором цель исследования – “представить с максимальной полнотой с антрофонической точки зрения инвентарь произносимых звуков (говорни звукове), которые используются в болгарском языке и его диалектах” (С. 7), и включить болгарские данные “в контекст универсальных тенденций в составе и структуре звукового инвентаря, а также рассмотреть некоторые фонетические изменения с позиций общей фонетики” (С. 8). Однако, завершая исследование, автор считает необходимым сказать, что «слово “универсальные” в применении к фонетическим закономерностям относится скорее к вероятным, а не абсолютным явлениям» (С. 115).

В целом предметом изучения является звуковой состав субфонемного уровня (хотя термин “фонема” в тексте употребляется). Термин “говорни звукове”, обозначающий объект исследования, в принципе допускает альтернативное толкование. Это может быть “звук языка”, в котором объединяется “множество звуков речи, частью тождественных, частью близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, которые встречаются в самых различных речевых потоках, в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем)”; границы области, образуемой этим множеством, определяются ощущением самих говорящих, ощущением наблюдателя-лингвиста, средствами экспериментально-фонетическими (см. [1. С. 474]). Но “звук языка” в таком понимании не является предметом исследования в рецензируемой работе, поскольку внимание автора направлено именно на то множество звуков речи, которые могут быть включены в состав того или иного

звука языка. В соответствии с этим термин “говорни звукове” означает “звуки речи” и именно определению их специфики в болгарском языке посвящена работа В. Жобова. При этом звуки речи выделяются с высокой степенью детализации, когда учитываются оттенки артикуляции, как независимые от фонетического окружения, так и обусловленные им и иногда выделяемые лишь с помощью эксперимента.

Включение болгарской фонетики в контекст языков мира автор подчеркивает использованием для обозначения болгарских звуков, наряду с традиционными для славистики символами, знаков Международной фонетической ассоциации (МФА). Это логично, ведь традиционная транскрипция ориентирована на обозначение звуков языка, а МФА располагает репертуаром, достаточным для обозначения множества звуков речи. Используя ресурсы МФА, автор заинтересован в нахождении аналогов болгарских звуков в других языках, в том числе весьма отдаленных от славянских. Так, например, аналог биллабиального вибранта (болгарское междометие для остановки коня) В. Жобов находит в одном из языков Новой Гвинеи (С. 71). Упоминаются и такие артикуляции, которые в болгарском вообще отсутствуют (С. 61, 64, 77, 79 и др.).

В соответствии с задачей исследования автор привлекает современную терминологию общей фонетики, использует данные болгарских диалектов, в том числе полученные в результате собственных наблюдений. Рассматривается и македонский материал, который содержится в диалектных описаниях, включая [2]. В предлагаемой рецензии мы в основном рассматриваем те решения автора, которые он принимает на основе анализа диалектных фактов.

Гласным и согласным болгарского языка/диалектов посвящены отдельные главы.

Во вступлении к главе “Гласные” приводятся общие сведения о доминирующих тенденциях устройства вокализма в языках мира. В контексте этих тенденций болгарский язык демонстрирует редко встречаемый признак в виде переднего лабиализованного гласного *й* (С. 13–15).

Обращаясь собственно к болгарским гласным, автор справедливо отмечает, что в опи-

сании разных славянских языков/диалектов можно встретить одинаковое обозначение звуков, лишь приблизительно сходных по своей артикуляции. Соответствующие знаки транскрипции сопровождаются дополнительными комментариями. Для гласных, в частности, это констатация их промежуточного положения по ряду или подъему между гласными, артикуляция которых также определена приблизительно. Как иллюстрацию доведенного до крайности стремления словесно описать слышимый звук болгарских диалектов, автор приводит суждение из работы начала XX в. – “широко *e* (*ä*) се чуват твърде близо до първите звукове на детето кога плаче или овца кога блее (Георгиев 1907)” (С. 16).

Для получения объективной характеристики болгарских гласных они сопоставляются с универсальными, независимыми от конкретного языка точками, в качестве которых принимаются кардинальные гласные, сформулированные Джоунзом [3]. Кардинальных гласных насчитывается 16 – 8 первичных, передних и задних (*i, e, ε, a, α, ɔ, o, u*) и 8 вторичных, лабиализованных и нелабиализованных (*y, ø, œ, œ̃, ɒ, ɔ̃, ʌ, ɥ, ʉ*) (С. 11). Кроме того, с целью фиксации оттенков артикуляции в работе используются дополнительные знаки, что значительно усложняет транскрипцию. Например, слабая лабиализованность гласного К6 обозначена как *ɔ̃*, а большая открытость как *ɔ̃̄*; гласный, расположенный между К7 и К8 и имеющий повышенную лабиализованность, обозначен как *ɔ̃̄̄* и т.п.

Характеристики кардинальных гласных автор в своей работе применяет при определении специфики отдельных болгарских гласных. Для иллюстрации такого подхода В. Жобов строит трапециод, в котором, сообразно расположению кардинальных гласных, помещает шесть гласных болгарского литературного языка, и далее соотносит с этой схемой присущий диалектам широкий/открытый гласный *ê*. Получается достаточно выразительный результат – оказывается, что знаком *ê* обозначаются гласные, которые различаются подъемом и рядом в северо-западном, родопском, тевенском и еркецком говорах (С. 20). В связи с проблемой болгарского гласного *e* В. Жобов сообщает об отмеченном им при обследовании ряда говоров в Хасковско дифтонге *eə* после мягких согласных (*гл'êə да, р'êə дъ, оц'êə т* и др.), что подтверждено спектрограммами (С. 22). Этимология дифтонга может быть разной. Но произношение его на месте **ε* заслуживает особого внимания – в материалах “Общеславянского лингвистического атласа” (ОЛА) [4] такая ре-

флексация гласного **ε* не зафиксирована ни разу.

В разделе “Гласные в болгарском языке” устанавливаются артикуляционные и акустические характеристики отдельных групп болгарских гласных и результатов их синтагматически обусловленных изменений.

В разделе “Центральные гласные” обсуждается проблема идентификации гласных, обозначаемых в болгарской транскрипции знаками *ы, ъ*.

Анализ реальной артикуляции гласного, обозначаемого как *ы* в болгарских диалектах, показывает варьирования ряда гласного, уровня его закрытости, участия лабиализованности, возможность неоднородного протекания артикуляции (дифтонгизированности, дифтонгоидности). Это дает основание автору для констатации трех диалектных типов *ы*.

Интересно предположенное В. Жобовым объяснение причин исключительной краткости гласного *ы* в павликянском говоре (С. 29). Усиление краткости в *ms* гласного *ы* обеспечивает собою контраст между артикуляционно близкими *ы* и *ъ*. Краткость становится постоянным свойством *ы* – даже при фразовом или логическом ударении удлиняется не гласный (как это бывает обычно), а соседний проходной согласный (*сам:ъчек*; а в *съькнахе* создается впечатление слогового *ъ*).

Варианты гласного *ъ* отождествляются с К14 (*л* или более передний вариант после мягких согласных *л̣*), с К6 с ослабленной лабиализованностью (*ɔ̃*), с передним вариантом К16 (*ɥ̣*) и дифтонгом *eл*. В одном из говоров после мягких согласных *ъ* передвигается назад, сближаясь с К14. И это при том, что гласный *а* в такой же позиции передвигается вперед. В. Жобов объясняет парадоксальность ситуации с гласным *ъ* реакцией со стороны слушающих, которая состоит в стремлении нормализовать качество гласного и как бы не принимать во внимание его сдвиг в заднюю зону (С. 34). Ссылка на слушающих в этом случае не вполне понятна, поскольку не может объяснить ту реальную артикуляцию, которую производят говорящие.

С применением показанной методики идентифицированы гласные в подразделе “Задние лабиализованные гласные” (С. 36–42). Главное внимание уделено артикуляции *ô* (широкий *o*) в его отношении к *o*. Здесь же дается характеристика диалектному произношению центрального гласного *a* – это задний лабиализованный гласный *â* (близкий к К13), имеющий дифтонгизированный вариант (*ậ*) (С. 43).

Центральные и лабиализованные непредние гласные по своему статусу относятся в

болгарской фонетике к фонемообразующим звукам. Но фонетическая окраска болгарской речи в большой степени определяется гласными, подвергшимися синтагматически обусловленным изменениям, результаты которых не всегда проецируются на фонематический уровень.

В подразделе “Редукция гласных” автор делает вывод, что тембровая (качественная) редукция безударных гласных свойственна всем болгарским говорам, различаясь лишь уровнем интенсивности, что подтверждается сопоставлением F1, F2 ударных и безударных гласных *a*, *o* в западных и восточных болгарских говорах (С. 45–46). Отмечен также особый тип редукции, состоящей в комбинации повышения подъема безударного гласного *o* с ослаблением его лабиализованности – на экспериментальном уровне этому соответствует более высокая значимость второй форманты в сравнении с первой (С. 46). В болгарской диалектологии, включая БДА, в связи с редукцией безударного *o* имеется указание на его замену гласным *y* (*и*), но В. Жобов в своей работе это явление никак не комментирует. Автор подчеркивает, что качественная редукция гласных связана с их количественной редукцией в безударном слоге. Приводятся примеры, когда ударные гласные *a*, *o* демонстрируют долготу в ms, значительно превышающую долготу безударных гласных. Редукция других гласных в диалектах не рассматривается, хотя для литературного болгарского языка имеются указания на возможность изменения безударных *e*, *и*.

Подраздел “Оглушение гласных (обеззвучаване)”. Это явление в диалектах существует как промежуточная ступень между редукцией безударных гласных и их утратой. Явление оглушения безударного гласного известно в русских говорах, когда “образуется артикуляция, необходимая для произнесения гласного, но голосовые связки не вибрируют и голос не возникает” [5. С. 56]. Это определение применимо и к болгарским глухим гласным, которые, как и утрата безударного гласного, связаны с определенными позициями. При этом утрата гласного может компенсироваться увеличением долготы предшествующего согласного (*йурган:те*, *млът:е* и др.) (С. 57–58), в чем можно видеть тенденцию к сохранению сегментной длины линейной последовательности. Как показано в разделе, посвященном согласным, между редукцией и утратой гласного помещаются и другие промежуточные ступени, касающиеся уже консонантных артикуляций: между смычными согласными – это открытый, затем закрытый переход от первого смычного ко второму (С. 96).

В подразделе “Долгие гласные” автор придерживается мнения, что в болгарских диалектах имеются “фонологически долгие гласные”, которые образовались путем компенсационного удлинения вследствие утраты соседних согласных. При этом подчеркивается, что такую долготу следует отличать от вокального количества, являющегося в некоторых говорах одним из перцептивных коррелятов ударения (С. 49). Чаще всего удлинение гласных в болгарских говорах происходит при утрате спиранта *х*. Автор показывает распределение такой долготы в разных именных и глагольных морфемах (С. 50–51), учитывая при этом влияние фонетического контекста на вокальное количество гласных (позиция перед звонким или глухим согласным), а также различие в артикуляции гласных (верхний ~ нижний подъем в *носи*: ~ *ора*).

В работе рассмотрено синтагматическое влияние назальных согласных на артикуляцию гласных (С. 54) и образование неоднородных гласных (дифтонгов, дифтонгоидов) (С. 48).

Автор не включает специально болгарские гласные в контекст общих типологических универсалий в языках мира, как это он делает далее в отношении согласных. Лишь на с. 115 указывается, как на отклонение от преобладающих тенденций, на говор, в котором гласных заднего ряда больше, чем передних, и на специфическое распределение в артикуляционном пространстве гласных *i* и *и*.

Первый раздел главы “Согласные” называется “Апроксиманты”. Этим термином обозначен тип звуков, которые по их отношению к признаку голосности помещаются в пространстве, промежуточном между гласными и согласными, с разной степенью приближения к тем или другим. В традиционной терминологии – это сонанты (сонорные согласные), но В. Жобов не пользуется этим термином.

Первыми из апроксимантов рассматриваются палатальный и губной спиранты *j/i*, *w/u*. По отношению к *i*, *и* в славистике часто применяется определение “неслоговые гласные *i*, *и*”, что, как справедливо отмечает В. Жобов, не соответствует их отношению к слогообразованию и фонетической характеристике – они имеют меньшую долготу и более узкий канал звукообразования, чем гласные (С. 61, 63). Автор выделяет в болгарских диалектах дорсально-палатальный апроксимант *й* (*j*) и палатальный *i*. Эти согласные различаются уровнем напряженности язычной артикуляции и, как следствие этого, уровнем шума.

В болгарских говорах лабиовелярный (т.е. двухфокусный) согласный *ў* (*и*), в варьировании с билабиальным *и*, употребляется в соот-

ветствии с безударными *y, o* после гласных, а также на месте *в, л, х, ф* в определенных позициях. Произношение билабиального *w*, а не лабиовелярного *ŷ* в конце слова автор рассматривает как появление фрикативного шума в согласном, ссылаясь при этом на имеющуюся в литературе оценку губного и велярного смыкания как генераторов шума – губное смыкание с этой точки зрения более эффективно (С. 63). Хотя, как кажется, участие велярной артикуляции в билабиальном *w* вряд ли можно отрицать столь категорично.

Заслуживает внимания утверждение В. Жобова, что в речи болгарской интеллигенции имеется тенденция к замене *л* согласным *ŷ* или велярным апроксимантом *ц*, который определяется и как “консонантный *ъ*” (С. 65–66).

В подразделе “Латеральные согласные” выделяются три типа этих согласных в болгарских диалектах – твердый, мягкий, палатальный. Твердый согласный варьирует свою артикуляцию. Это может быть альвеодентальный переднеязычный или альвеолярный с более высоким положением средней части языка (*л*). Согласный *л* (“велярный *л*” – определение, с которым В. Жобов не согласен) образуется при активности задней части спинки языка (С. 66, 68). Имеется и слоговой *л* (*л̥*), произносимый, как вариант, в соответствии с *лъ*. Слоговой латеральный согласный отличается большей длительностью в *ms* от неслогового (С. 70).

Не вполне понятно, присоединяется ли автор к цитируемому им определению Б. Цонева, делая различия между альвеодентальным палатализованным согласным *л'* и палатальным *л̇*. Констатируются различия между “сливной” и “раздельной палатальностью” (С. 67) и различия между *л'* и *л̇* (С. 76). По высоте тона эти согласные могут быть близки, но применение термина “палатальность” к обоим согласным некорректно, поскольку он относится к месту образования согласного, а не к его характеристике по тону и по добавочной артикуляции. Именно разная локализация согласных *л'*, *л̇* относит их к разным классам консонантного инвентаря.

В подразделе “Р-звуки” главное внимание уделено артикуляции слогового вибранта *г* на месте сочетаний *жр, гд (ър, ръ)*. Колебания в его образовании выражаются в возможности выделения гласного призвука при вибранте, его интенсивности и места относительно вибранта. Диалектное произношение слогового вибранта автор подверг экспериментальному анализу и сделал вывод, что, несмотря на вокальные вставки в спектре, по своим физическим параметрам *г* принципиально от-

личается от сочетания вибранта с гласным (С. 70–73).

В подразделе “Назальные согласные” рассматриваются позиционно обусловленные варианты согласных – это замена смычно-проходных согласных проходными, перемещение язычной артикуляции согласных в заднюю зону (С. 74–76).

В разделе “Шумные согласные (обструенты)” последовательно рассматривается специфика болгарских согласных разного места образования.

В губном ряду собственно шумными являются согласные *р, б, ф, Ѱ (п, б, ф, Ѱ)*. К этому же классу автор причисляет лабиодентальный *в (ѳ)*, который качеством шумного согласного проявляет в виде позиционного оглушения в *ф*, но в то же время в линейной последовательности подобен апроксиманту, так как не требует оглушения предшествующего согласного. Для болгарских диалектов характерно варьирование лабиодентальной и билабиальной проходной артикуляцией (то же было отмечено для апроксимантов) (С. 79).

К классу *зубных* (дентальных) болгарских согласных относятся альвеодентальные переднеязычные *т, д, с, з, ц, ж (т, д, с, з, ц, ж, с)*. Возвращаясь к много раз обсуждавшемуся в славянской фонетике вопросу о статусе аффрикат (один ~ два согласных), автор добавляет еще один аргумент в пользу их моноконсонантности. Это – зависимость метатезы *ъ* от количества следующих согласных, т.е. *сърце* как *кърпи*, а не *сръце* как в *кръпка* перед двумя согласными (С. 81).

Переднебный (постальвеольный) ряд репрезентуют согласные *ж, џ, џ, џ (ш, ж, ч, и)*. Благодаря нюансам артикуляции (дополнительное резонаторное пространство, элементы лабиальной артикуляции) согласные могут иметь пониженный тон. Именно возможностью включения лабиальности в артикуляцию согласных, по мнению автора, болгарский язык выделяется среди других славянских (С. 83). Между тем, по наблюдению Брока, элемент лабиальности присущ переднебному спиранту в севернорусском диалекте (см. [6. § 8]). В. Жобов пишет: “сила и относительно высокая частота фрикативного шума является акустической основой для объединения согласных типа *с, з, и, ж* в натуральный сибилантный класс” (С. 62). Это не совсем так. Общее между данными согласными состоит только в фрикативности. Но по характеру шума их принято относить к разным классам, чему соответствуют термины – свистящие, т.е. собственно сибиланты (*whistling/sibilant consonant*) и шипящие (*hushing sounds*). Свистящие согласные в сравнении с шипящими имеют более высокий тон и более

низкий уровень шума, образуемого фрикативностью.

Говоря о согласных *палатального* ряда, В. Жобов особое внимание уделяет статусу велярных согласных перед передними гласными – становятся они палатализованными или палатальными. Поскольку место образования меняется, перемещающаяся в зону твердого нёба, автор считает, что речь должна идти о палатальных согласных (С. 85). Что касается других палатальных согласных, то в болгарском языке они имеют преимущественно среднепалатальное среднеязычное образование. Переднепалатальное образование существует как диалектный вариант и сопровождается большим фрикативным шумом, что показано на спектрограмме (С. 85).

Задненебный (велярный) ряд представлен болгарскими согласными *k, g, x, γ* (*к, г, х, γ*). При этом *x* может быть локализован и в более задней зоне. Автор специально останавливается на спирализации *g > γ*, связывая это со спецификой звукового резонатора согласного *g/z* (С. 86). Именно этим, считает автор, объясняется достаточно распространенный фрикативный характер велярного согласного (*h, γ*) в славянских языках/диалектах. Но в болгарской ситуации изменению *g > γ* может способствовать позиция между сегментами высокого уровня голосности (V-V), когда уровень напряженности согласного ослабевает.

В болгарской фонетике не принято выделять *увулярные* согласные. В. Жобов вносит коррективы в это представление. Он утверждает, что гласный, по своей артикуляции максимально продвинутый в заднюю зону (например *a* в еркечком говоре), вызывает передвижение предшествующих велярных согласных в поствелярное или увулярное место образования. Увулярный согласный отличается от велярного по ряду физических параметров (более низкий тон, более высокая концентрация шума) (С. 88).

В болгарских говорах существует *фарингальный* согласный *x*, т.е. образованный сужением прохода в области глотки. По наблюдению В. Жобова, в говорах в соответствии с *x* может произноситься и ларингальный согласный, т.е. место образования согласного приближается к голосовым связкам (С. 90). Возможны как глухой, так и звонкий варианты ларингального – последний появляется в позициях V-V, V-Son, где напряженность согласного слаба, но усилено участие голоса. Для ларингального *x* в болгарской транскрипции нет обозначения (не *h, γ*). Ларингальная смычка в болгарских диалектах используется и как твердый приступ перед инициальными гласными (С. 94).

Можно было бы ожидать, что выделенные в отдельный раздел “Аспекты способа образования согласных” будут представлены столь же детально, как и их локализация. Но автор ограничивается рассмотрением лишь нескольких артикуляций. Это – особенности произношения первого смычного согласного в *pt*. В зависимости от того, возникает ли смычка *t* до или после разрешения (взрыва) смычки в *p*, образуется закрытый или открытый переход от первого согласного ко второму. В болгарском, отмечает автор, эти виды перехода распределены по разным частям слова – открытый в начале, закрытый в середине (С. 95). Стоит отметить, что в русских говорах именно закрытый переход в начале слова устраняется заменой взрывного согласного сонантом – *мтица́, мчелá*. При закрытом переходе, вероятно, можно было бы считать последовательность *pt* дифтонгом с лабиальным началом и дентальным концом, т.е. *p̣ṭ*.

В подразделе “Назальные смычные согласные” отмечается, что они, и не только в болгарском, произносятся в соответствии с *tn, dn*, когда смычка разрешается назальным взрывом (термин “фаукальный взрыв” Брока, “зубной щелчковый согласный” Панова). Заслуживает внимания констатация В. Жобовым назальной смычки в сочетании зубного фрикативного согласного с назальным. Артикуляция последовательности типа *zn* начинается с закрытия прохода в носовую полость с последующим его открытием путем отделения маленького языка от гортани. Энергичная реализация этого движения создает впечатление назальной смычки между согласными (т.е. *z'n*) и может восприниматься как полноценный согласный (С. 97). Но вряд ли в этом можно видеть причину устранения смычного согласного в сочетаниях *stm, zdn*, как это считает автор.

В славянских диалектах может варьироваться позиционно обусловленное качество согласных, выступающих на месте согласных, образованных с участием голоса, или звонких (как шумных так и сонорных). Это отражено и в транскрипции ОЛА – ср. *d* (переднеязычный зубной звонкий), *ǰ* (безголосый согласный не совпадает с глухим, сохраняя ненапряженность, свойственную звонким), *ǰ* (полувзвонкий согласный) [7. С. 43]. В разделе “Участие голоса” связанные с этим проблемы автор затрагивает в самом общем виде (С. 94). Но далее среди доказательства палатализованных согласных с последовательностью *C + j* приводятся подтвержденные в эксперименте факты частичной утраты голоса фрикативными согласными перед *j* (С. 105–107). В этом есть

определенная новизна, поскольку считается, что перед сонантами (апроксимантами) звонкие согласные не меняются. Интересно было бы узнать, происходит ли такое снижение голоса перед другими сонантами или это ограничено позицией перед *j*.

Раздел “Вторичные артикуляции” в основном посвящен палатализованным (мягким) согласным (как сказано выше, применение термина “палатальные” к таким согласным некорректно). Автор справедливо указывает, что для достижения реального представления об артикуляции этих согласных следует учитывать, что отдельные согласные образуются разными артикуляционными комбинациями – вторичная артикуляция могут производиться разными речевыми органами, вторичная артикуляция лишь модифицирует основную. При этом к числу палатализованных согласных В. Жобов относит сдвинутые в зону твердого неба велярные согласные, которые ранее были определены им как палатальные (С. 98). Уделяется много внимания опровержению, казалось бы, ставшего анахронизмом утверждения, что палатализованные согласные вообще и в болгарском в частности являются сочетанием согласного с *j*. В подтверждение того, что палатализованный согласный и сегмент *Sj* нетождественны, автор приводит серию полученных экспериментальным путем доказательств, которые трудно опровергнуть (С. 105–108).

В подразделе “Долгие согласные” приводятся экспериментальные характеристики долгих согласных в сравнении с недолгими. Долгие согласные связаны с определенными морфологическими позициями.

Анализ специфики согласных завершается в подразделе “Звуковой инвентарь болгарских диалектов”. Здесь к согласным применен используемый в общей фонетике критерий степени сложности артикуляции, которой они образованы. Считается, что чем сложнее артикуляция, тем реже она в языках мира употребляется. По шкале сложности выделяются три ступени – основной сегмент (используется только легочный выдох в начале звука) и осложненные – трансформированный (“обработен”) и сложный сегменты. Болгарские согласные (в этом случае автор использует термин “фонема”) относятся по преимуществу к числу основных сегментов – они образуются легочным выдохом и модальной (не придыхательной) фонацией. Отступления редки и носят узко диалектный характер или проявляются в эмоциональной речи. Трансформированные консонантные сегменты пред-

ставлены только палатализованными согласными.

Анализ гласных и согласных болгарского языка позволил автору констатировать много артикуляционных нюансов, соответствующих статусу звука речи, часто поданных в транскрипции МАФ. В целях обзорности полученных результатов и возможности их включения в контекст общеславянской фонетики можно было бы пожелать, чтобы выделенные звуки речи были обобщенно даны в виде списка или таблицы. В работе широко показаны результаты экспериментально-фонетического анализа болгарских звуков. Но этим не компенсируется отсутствие в работе иллюстративного собственно языкового материала, который крайне необходим, когда речь идет о диалектной фонетике – особенно, если это касается наблюдений самого автора.

Исследование В. Жобова представляет интерес как опыт преодоления ситуации, при которой моделирование фонологической системы онтологически оставляет во многом за пределами внимания реальное звучание речи, хотя именно оно часто определяет фонетическую специфику идиома. Такой подход к изучению болгарской фонетики позволил автору предложить новый взгляд на состав фонетических диалектных различий в болгарском языке, а также показать отношение болгарской фонетики к некоторым языковым универсалиям.

© 2007 г. Л.Э. Калынь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов П.С. Об основных положениях фонологии // *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
2. Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
3. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge, 1962.
4. ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы **ε*. М., 1990.
5. Каткин Л.Л. Диезиса и оглушение гласных в говорах Дюнецкой группы южного наречия // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* М., 2002. Вып. I (VII).
6. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // *Сб. ОРЯС.* 1907. Т. 83. № 4.
7. ОЛА. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994.

К 25-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА СТАРОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИЛЕПЕ

В 2005 г. исполнилось 25 лет Институту старославянской культуры в Прилепе (далее ИСК). Его предшественником являлся Центр исследования славянской культуры при Народном музее города (далее ЦИСК), существовавший до 1980 г., когда был заложен фундамент Института-юбилера в качестве самостоятельного научного учреждения. Первый толчок к организации Института в Прилепе был дан в октябре 1970 г. группой ученых (П. Корощец, М. Чорович-Любинкович и И. Ковачевич) во время конференции “Вторжения варваров в Юго-Восточную Европу и их отношения с местным населением”. Высказанная ими идея, официально обнародованная на состоявшемся в Задаре собрании Общества славянской археологии, получила соответствующее оформление и вместе с сопроводительным письмом 8 мая 1972 г. была представлена Македонской Академии наук. В письме, в частности, говорилось: “Было бы полезно, если бы в Прилепе был основан и хорошо организован Институт для изучения старославянской культуры, связанный с исследованиями, ведущимися во всем славянском мире”. На том же собрании в Задаре Прилеп был избран в качестве первого центра Союза Международных Обществ славянской археологии. В результате активизации работы названного Союза в том же 1972 г. в Прилепе при Народном музее и был оформлен ЦИСК.

Его международные научные связи были установлены прежде всего с учены-

ми славянских стран. К 1974 г. относится начало сотрудничества ЦИСК с кафедрой археологии при Университете им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша).

В том же году в Малых Возоканах в Словакии на совещании директоров археологических институтов социалистических стран было решено организовать международную аспирантуру по средневековой археологии, обозначив при этом, что одним из центров учебы аспирантов будет Прилеп.

В 1975 г. занимавший в то время должность директора Народного музея в Прилепе Б. Бабич по приглашению Центрального института древней истории и археологии при Академии наук ГДР в Берлине прочел лекцию “Древнеславянская культура в Македонии”. Тогда же в Берлине был подписан и протокол о сотрудничестве между обоими научными учреждениями, а Б. Бабич был избран вице-президентом Международного Общества славянской археологии.

В том же 1975 г. между Институтом истории материальной культуры при Польской Академии наук и ЦИСК был заключен договор о научном сотрудничестве, а несколько позднее, на III Международном конгрессе славянской археологии, была создана международная комиссия по проблемам, связанным с изданием и изучением источников, с центром в Прилепе.

В 1977 г. в Нитре был подписан договор о сотрудничестве между Археологи-

ческим Институтом при Академии наук Словакии и ЦИСК, а также соглашение о сотрудничестве ЦИСК с Государственной Мастерской по реставрации памятников (PKZ) в Варшаве.

В 1978 г. полномочный представитель Народного музея Прилепа участвовал в Издательском совете Международной энциклопедии по истории и культуре народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы с V по XII (а точнее – по XIV) столетие. Тогда ЦИСК был определен в качестве административно-технического центра, в который должны были направляться работы югославских ученых для Международной энциклопедии.

С 1970-х годов ЦИСК постоянно сотрудничает с Союзом археологических обществ Югославии (далее САОЮ) при организации научных конференций, например уже упоминавшейся конференции в Прилепе и конференций в Неготине в 1973 г., Копере в 1974 г., Водице в 1976 г. и др. В 1972 г. на совещании основателей САОЮ в Задаре Прилеп был определен как первый центр САОЮ. В том же году ЦИСК основал единственный журнал, посвященный проблемам старославянской культуры в Югославии, – “Balcanoslavica”.

До 1980 г. в ЦИСК велась исследовательская работа прежде всего в области археологии, а также и в других гуманитарных науках. Благодаря успехам в этой деятельности ИСК стал пятым национальным институтом Македонии и постоянным коллективным членом Университета “Св. Климент Охридский” в Битоле. В настоящее время ИСК – единственное научное учреждение Республики Македония, занимающееся комплексным изучением средневековой археологии не только в Македонии, но и на Балканах в целом.

В структуре ИСК имеется пять научно-исследовательских отделов по дисциплинам: археология, искусствоведение, история, языковедение и этнология, фольклор.

Научная деятельность сотрудников ИСК сводится в данное время к следующему: собираются, систематизируются, подвергаются научной обработке и под-

готавливаются к публикации материалы, относящиеся к проблемам исторической и культурной идентичности македонского и других славянских народов; определяются исследования в сфере этногенеза македонского народа и путей развития его культуры; организуются и проводятся исследования в области истории, искусствоведения, культурной и общественной антропологии, языковедения, этнологии и фольклора. ИСК внимательно следит за научно-искусствоведческой деятельностью и ее результатами в Македонии и за рубежом. Организуются научные симпозиумы и конференции в пределах страны, принимается активное участие в работе научных форумов за рубежом. Осуществляется систематическое сотрудничество с родственными научными организациями в своей стране и за рубежом.

Научная деятельность Народного музея в Прилепе ознаменовалась серьезными результатами в 1958 г., когда в Вароше, пригороде Прилепа, к юго-западу от церкви св. Афанасия, под полом церкви св. Николая были обнаружены следы древнего славянского поселения. Затем, в 1964 г., в деревне Дебреште близ Прилепа был раскрыт древний уровень другого славянского поселения. С того времени на данной научной основе стали осуществляться более глубокие изыскания в области средневековой полевой археологии, включая историко-сравнительные исследования. В результате раскопки стали непременной частью археологических проектов, которыми до конца своей жизни руководил Б. Бабич. Ныне эту роль выполняет д-р Б. Ристеский. Среди наиболее значительных археологических проектов, которые выполнялись совместно учеными Македонии и Польши (как и тех, которые теперь ведутся совместно с коллегами из Швеции), необходимо назвать следующие: средневековый Прилеп (раннесредневековые славянские селища, возникновение и развитие поселения городского типа, в том числе крепости Маркови Кули); первые славянские поселения на Балканах в свете археологических изысканий в Градиште близ деревни Дебреште; раннесредневековые поселения и захороне-

ния в Македонии с рубежа VI–VII до VIII в.; материальная культура Македонии: первые древнехристианские и церковные центры; позднеантичные и средневековые поселения на территории Северной Македонии и в других регионах.

Помимо археологических, ИСК осуществляет и другие научно-исследовательские проекты (всего их в настоящее время девять). Назовем некоторые из них. По Отделению этнологии и фольклора: ад и рай в македонской и албанской народной культуре (руководитель д-р Т. Вражиновский, внешний эксперт д-р Х. Джафери); представления о роли мужчин и женщин в христианской и мусульманской традициях в Македонии (руководитель д-р С. Иованоская-Ризоская). По Отделению искусствоведения: памятники настенной живописи поздневизантийского периода и эпохи Возрождения в Пелагонийской митрополии (руководитель д-р Н. Митревский). По Отделению языка: письменные памятники о средневековой культуре Республики Македония (руководитель д-р Л. Митревский); лингвистический анализ коротких рассказов и поучений патериков XIV в. в Македонии (руководитель д-р С. Новотин); топонимы как памятники культуры (руководитель д-р Л. Станковская).

Торжества по поводу столь важного для ИСК 25-летнего юбилея продолжались в течение почти всего 2005 г. Открылись они 17 июня и завершились 25 декабря. Празднества преследовали цели укрепления межинститутского внутреннего (македонского) и международного научного сотрудничества. Для того чтобы ознакомить коллег и друзей из других отечественных и зарубежных учреждений, какими проблемами и кто именно занимается в данное время, были организованы выставки, презентации научных изданий, лекции, показы фильмов и т.п., дающие представление о научном вкладе и уровне научного сотрудничества с центральными научными учреждениями Македонии, Сербии, Черногории, Российской Федерации, Великобритании и Швеции.

Начало празднества 17 июня ознаменовалось открытием выставки “Человек в Македонии в доисторическую и истори-

ческую эпохи”. На основе останков людей были созданы реконструкции, дающие представление об антропологических особенностях, одежде, украшениях и орудиях человека неолита, бронзового и железного веков.

12 августа в Охриде состоялась вызвавшая большой интерес презентация научной продукции ИСК.

Д-р Л. Гаврилович, научный сотрудник Этнографического института САНУ, выступил 15 ноября с публичной лекцией на тему “Возможность создания всеобщей культуры через сближение национальных”. В связи с этой лекцией были показаны созданные в 1994 г. С. Дмитриевичем фильмы “Земледельческая свеча” и “Сефкеринская мандолина”.

9 декабря состоялись публичные чтения, посвященные памяти д-ра Б. Бабича “Мemento. Бошко Бабич – завершение идеи”. Профессор Е. Манева прочла лекцию “Деятельность и идеи д-ра Б. Бабича”, депутат Македонского Собрания Р. Топузова-Кареская, сотрудник ИСК, подробно осветила деятельность Б. Бабича в области искусствознания, о его археологических исследованиях и реставрационной работе говорил д-р Б. Ристеский, а хранитель Табачного музея А. Цветкоский напомнил аудитории о большой лекции Бабича предметов, связанных с курением и составляющих теперь часть собраний в Табачном музее Прилепа.

15 декабря в большом зале ИСК М. Кули прочел публичную лекцию “Памятники культуры и природные феномены, признанные первостепенными и находящиеся под охраной ЮНЕСКО”.

Празднества по случаю 25-летнего юбилея ИСК завершились 26 декабря торжественным заседанием в присутствии депутатов Македонского Собрания, официальных лиц Министерства образования и науки, членов городского управления, представителей родственных научных учреждений, с которыми ИСК тесно сотрудничает.

Среди непосредственных результатов юбилейного года можно отметить и создание международной редколлегии журнала “Balcanoslavica”, в состав которой вошли известные медиевисты

Дж. Шепард, С.М. Толстая, В.Я. Петрухин, Р. Радич и др.

Вся деятельность ИСК, все виды и формы его сотрудничества с другими организациями и учреждениями, осуществлявшиеся в год юбилея, свидетельствуют не только о плодотворности основополагающих принципов в работе сотрудников, но демонстрируют вместе с тем их готовность продолжать и расши-

рять творческие связи, привлекать к работе новых коллег дома и за рубежом, решительно идти далее по пути приобретения новых познаний в надежде обрести силы для утверждения авторитета Института старославянской культуры в Прилепе среди других научных учреждений славянского мира.

© 2007 г. С. Зокович

Славяноведение, № 1

Международная научная конференция “История и современное состояние отечественной славистики. К 170-летию основания кафедр славистики в университетах России”

30 ноября – 1 декабря 2005 г. на историческом и филологическом факультетах МГУ состоялась международная научная конференция, посвященная 170-летию основания кафедр славистики в университетах России. Она была организована кафедрами истории южных и западных славян и славянской филологии МГУ и Институтом славяноведения РАН. В конференции приняли участие около 50 историков и филологов из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Воронеж, Ростов-на-Дону, Брянск, Тверь, Кемерово, Сыктывкар и др.), Украины, Белоруссии, Болгарии, Чехии, США и др.

Пленарное заседание конференции открыл зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, проф. *Г.Ф. Матвеев*, который подчеркнул важность этого юбилея для развития отечественного славяноведения, имеющего славные традиции в Московском университете, где по уставу 1835 г. была открыта кафедра истории и литературы славянских наречий. Почти два века, прошедшие с тех пор, были наполнены напряженным трудом ученых-славистов, принесли многочисленные открытия и достижения в области изучения истории, культуры и языков славянских народов, способствовали расширению

предмета славяноведения, возникновению новых исследовательских центров, в частности, Института славяноведения, развитию и укреплению сотрудничества отечественных и зарубежных ученых. В заключение *Г.Ф. Матвеев* указал, что не следует забывать о трудных, проблемных периодах в развитии славистики. Они должны стать предметом глубокого анализа, чтобы не позволить повторять ошибок прошлого и, напротив, дать возможность более обоснованно представлять себе перспективы будущего развития нашей науки.

О том, что юбилейная встреча – это повод подведения итогов, оценки настоящего и определения перспектив на будущее говорила в своем выступлении зам. декана по научной работе исторического факультета МГУ проф. *Л.С. Леонова*. Она перечислила имена наиболее выдающихся отечественных ученых, стоявших у истоков российского славяноведения. Здесь преподавали *М.Т. Каченовский*, *О.М. Бодянский*, *А.Л. Дювернуа*, *Н.А. Попов*, *Р.Ф. Брандт*, *В.Н. Щепкин*, *М.К. Любавский*, а в советское время *В.И. Пичета*, *З.Р. Неедлы*, *С.А. Никитин*, *И.А. Воронков*, *И.М. Белявская*, *В.Г. Карасев* и др. Сейчас тут трудятся проф. *Л.П. Лаптева* и другие известные ученые. Кафедра истории южных и западных

славян пользуется заслуженным авторитетом среди других структурных подразделений факультета и университета, поддерживает и развивает научные связи со многими университетами Европы. Ее сотрудники выпускают монографии, учебники, сборники по истории науки и труды, посвященные ее ведущим преподавателям. Докладчик отметила современные успехи кафедры. Она постоянно развивается, здесь создаются новые специализации (например, украинистики и белорусистики), большое внимание уделяется истории науки, и нынешние юбилейные научные чтения находятся в русле этих исследований.

В своем приветственном слове зав. кафедрой славянской филологии и зам. декана филологического факультета МГУ проф. *В.П. Гудков* подчеркнул важность комплексного подхода к истории славистики и необходимость обсуждения не только проблем прошлого, но и современного состояния, перспектив и тенденций развития славяноведения.

Директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров* в докладе “Институт славяноведения РАН в преддверии своего 60-летия” подчеркнул, что 170-летие основания кафедр славистики – важное событие не только в университетском славяноведении, но и в истории Российской академии наук, хотя комплексный Институт славяноведения впервые появился в структуре Академии лишь почти через 100 лет, в 1931 г., в Ленинграде. В атмосфере репрессий по “делу славистов” он просуществовал только до 1934 г. и был восстановлен в новой послевоенной реальности в 1947 г. в Москве. Ныне в нем работает 191 человек, в том числе 180 научных сотрудников: более 60 докторов и 80 кандидатов наук. Свыше десяти человек обучаются в аспирантуре. С 1965 г. на базе Института издается журнал “Славяноведение”. Он также выпускает сотни научных трудов, в последнее время – до 40 книг ежегодно (в том числе пятитомную “Историю литературы южных и западных славян”). Институт комплексно разрабатывает важные проблемы истории, языка, литературы и культуры славянских народов от древности до современности (среди них

истории славянских стран в XX в., публикации документов, широкие культурологические исследования и пр.), тесно сотрудничает с учеными Европы, Америки, Японии, в том числе и с университетскими славистами, особенно МГУ: 80% сотрудников Института являются его выпускниками. В феврале 2007 г. Институт планирует провести сессию, посвященную 60-летию со дня его основания.

Далее с основополагающим докладом “Два века русского славяноведения” выступила проф. *Л.П. Лантвева*. Опираясь на результаты своих многолетних исследований и особенно новой капитальной монографии “История славяноведения в России в XIX веке” (М., 2005), автор представила периодизацию истории отечественного славяноведения и показала особенности каждого периода. По ее мнению, первый этап начался с начала XIX в. и продолжался до периода реформ 1860-х годов. Он характеризовался накоплением знаний о славянах, их систематизацией, первыми знакомствами русских славистов со славянским научным миром воочию в продолжительных командировках, первыми опытами преподавания нового предмета (пока в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах) с учетом мнения авторитетных славянских ученых и комплексным (синкретическим) подходом к славяноведению. Второй этап продолжался до 90-х годов XIX в. Русское славяноведение в то время шло в ногу с достижениями западноевропейской науки и активно расширяло сферу своего распространения, утверждаясь практически во всех российских университетах (в Киевском, Дерптском, Варшавском). В это время началась закономерная специализация славистических дисциплин. На третьем этапе своего развития, продолжавшемся до 1917 г., славяноведение в России достигло подлинного расцвета. Славистические курсы читали во всех университетах и ряде других учебных заведений России, славяноведение заняло почетное место в академических структурах. Слависты с мировым именем разрабатывали новые оригинальные научные направления, становились основоположниками новых дисциплин. После

Октябрьской революции, в 1920–1930-е годы, отечественное славяноведение заметно регрессировало: славистические центры в университетах и Академии постепенно закрывались, выдающиеся ученые погибли в лихолетье Гражданской войны, многие эмигрировали, оставшиеся – подвергались жестоким репрессиям по “делу славистов”. Некоторое оживление в развитии славяноведения наметилось в 1939 г. в связи с угрозой войны. Были открыты славистические центры в МГУ и АН СССР. Во время Великой Отечественной войны слависты внесли свой вклад в антифашистскую пропаганду. Но только после 1945 г. в СССР началось возрождение славяноведения на марксистской основе. Начал работу Институт славяноведения АН СССР, открылись славистические кафедры во многих университетах. Автор критически оценила развитие славяноведения в советский период, жестко связав его с идеологической политикой правящей партии. Эта наука развивалась в тесных рамках марксистских методологических догматов, культа личности Сталина, здесь долгое время предпринимался жесткий классовый подход в оценке исторических фактов, поощрялось отрицательное отношение к дореволюционной и “буржуазной” науке, ученым-эмигрантам и пр. Только в 1960-е годы началось некоторое послабление в развитии международных связей советских славистов. Обновление славистики началось после распада СССР в 1990-е годы, когда российское славяноведение, преодолевая трудности, стало постепенно вливаться в мировой процесс развития этой науки. В заключение автор критически охарактеризовала деятельность кафедры истории южных и западных славян МГУ в общем негативном контексте развития науки советского периода и указала на недостатки и проблемы ее современной работы.

Со стороны филологов тему продолжил *В.П. Гудков*, который в докладе “Кафедра славянской филологии и учебное отделение филологического факультета МГУ на рубеже XX–XXI вв.” осветил историю этого научного подразделения с 1835 г. до современности, особо остановившись на его современных зада-

чах и проблемах. То же самое в отношении кафедры славянской филологии и других славистических подразделений С.-Петербургского университета предприняла доцент этого университета *З.К. Шанова* в докладе “Прошлое и настоящее университетской славистики в Санкт-Петербурге”.

Заседание секции истории открыл доклад *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН) “М.Т. Каченовский – первый профессор истории и литературы славянских наречий в Московском университете”, в котором автор показала роль ученого в формировании российской славистики на основе обнаруженного ей конспекта лекций 1838 г. Подробнее эта тема освещена в книге *М.Ю. Досталь* “Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок”, изданной в 2005 г. к 170-летию основания кафедр славистики в российских университетах.

В докладе *И.В. Чуркиной* (ИСл РАН) “Славяноведение в Дерптском университете” говорилось о развитии этой дисциплины в Дерптском (Юрьевском) университете от основания кафедры русского языка до 1917 г., когда здесь существовали уже несколько кафедр славистики и преподавали такие выдающиеся слависты, как *И.А. Бодуэн де Куртэнэ*, *А.С. Будилович*, *Е.В. Петухов*, *Г.А. Ильинский* и др.

Проф. *Л.В. Горина* (МГУ) проанализировала в своем докладе “Марин Дринов – профессор Харьковского университета” деятельность замечательного болгарского слависта в контексте эпохи и его вклад с отечественное славяноведение. *Д.П. Золотарев* (Воронежский филиал РГСУ) посвятил свой доклад “Историософия В.И. Ламанского как теоретическая основа позднеславянофильской историографии” обоснованию заявленного в названии доклада тезиса. Доцент Тверского университета *Е.А. Макарова* проанализировала в своем докладе опыт преподавания истории славяноведения в этом учебном заведении, его проблемы и перспективы. Доцент МГУ *Е.Ф. Фирсов* осветил, в свою очередь, состояние разработки истории культурно-просветительских обществ инославян в России на новых архивных материалах.

В оживленной и острой дискуссии обсуждался главным образом поднятый в докладе Л.П. Лаптевой вопрос о роли идеологии и партийных установок в развитии отечественного славяноведения после 1917 г. на примере кафедры истории южных и западных славян МГУ, Института славяноведения, трагических судеб отдельных славистов. В дискуссии приняли участие К.В. Никифоров, Л.П. Лаптева, Г.Ф. Матвеев, В.П. Гудков, И.В. Чуркина, А.В. Карасев, М.Ю. Досталь, Е.Ф. Фирсов и др.

На вечернем заседании секции истории первой выступила профессор Тверского университета *И.Г. Воробьева*, охарактеризовав в своем докладе уникальные и малоизвестные материалы по истории славянских народов, хранящиеся в Государственном архиве Тверской области. Архивная тема была продолжена в докладе *Т.А. Джалилова* (Архив президента РФ) «Советско-чехословацкие отношения в области гуманитарных наук в конце 1940–1950-е гг. (по данным архивных материалов)».

Ученый секретарь Института славяноведения РАН *А.В. Карасев* в своем сообщении оценил роль первого «Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения», проведенного институтом в Москве в 1961 г., в развитии отечественной науки.

Остальные доклады касались главным образом особенностей преподавания славяноведения и освещения отдельных его курсов в разных вузах страны. Так, проф. Воронежского университета *Н.П. Мананчикова* выступила с докладом «Историческая славистика в научно-исследовательской и учебной деятельности кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов в Воронежском государственном университете». Профессор того же университета *С.В. Кретицин* осветил в своем докладе некоторые проблемы изучения истории зарубежных славянских народов в новое и новейшее время в российских вузах.

В рамках конференции проф. *М.В. Дмитриев* (МГУ) провел «круглый стол» на тему «Границы истории славянских стран: этнические, политические, географические, профессиональные, ци-

вильзационные», выступив со вступительным докладом «Проблема границ Центральной и «Центрально-Восточной Европы» в современной историографии и публицистике».

1 декабря 2005 г. заседание секции истории открылось докладом *Е.А. Верецагиной* (Воронежский университет) «Средневековые далматинские города в освещении отечественной историографии второй половины XX – начала XXI вв.».

А.Н. Горяинов (ИСЛ РАН) в докладе «О преподавательском составе цикла южных и западных славян на этнофаке МГУ (1927–1930)» на основе архивных данных разносторонне охарактеризовал малоизвестные факты о деятельности малоизвестных им преподавателей цикла *М. Колинковой*, *Д.И. Розенталя*, *Г.А. Ильинского*, *М.К. Любавского*, *С.В. Бахрушина*, *Ю.В. Готье* и др.

М. Байсенгер (Университет Нотр-дам, США) в докладе «Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): славяноведение как религиозный поиск» подробно осветил суть евразийской концепции *П.Н. Савицкого* в области его исследований по структурной географии Чехословакии и СССР, связав это с эволюцией религиозных представлений ученого.

Доцент С.-Петербургского университета *Л.М. Аржакова* в докладе «С.М. Соловьев и отечественная полонистика 1860-х годов» рассмотрела сформированную им концепцию, касающуюся польской истории, в контексте развития российского полонистического славяноведения XIX – начала XX в.

Ю.В. Власова (Международный институт компьютерных технологий в Воронеже) проанализировала вопрос о том, как сербо-турецкая война 1876 г. отразилась на страницах русской периодической печати XIX – начала XX в., а *Е.К. Трифонова* (Сыктывкарский университет) сделала обзор исследований российских славистов на страницах журнала «Славянский глас» в первой трети XX в.

Л.В. Юрченкова (ИНИОН РАН) на основе архивных документов рассказала в своем докладе о трагической судьбе уникальной библиотеки Института славяноведения РАН (1949–1998 гг.) и по-

ставила вопрос о ее возрождении в новом помещении, скорейшее отыскание которого должно стать предметом забот дирекции Института.

Е.В. Гурко-Кряжина (ИНИОН РАН) поведала о своем опыте составления полной картотеки русскоязычной периодики по теме “Словаки и Подкарпатская Русь (1919–1944)”. *А.С. Левченко* (Аналитическая компания “Медиология”) осветил основные тенденции во внутривосточном развитии Чехии в период восстания 1618–1620 гг. *Н.В. Волостнова* (МГУ) отметила наиболее интересные моменты из дневника своего отца – участника Словацкого национального восстания, в докладе “К изучению истории Словацкого национального восстания 1944 г.”.

Заседание секции филологии открыл доклад, посвященный роли О.М. Бодянского в деятельности Общества истории и древностей российских, с которым выступила сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ *Л.Ю. Аристова*. Она подчеркнула, насколько важен был на первом этапе становления отечественного славяноведения личный энтузиазм и самоотверженность конкретных лиц, ученых. Первые российские слависты были вынуждены практически одновременно учиться сами и учить других, доставать и обрабатывать учебные материалы, что одновременно становилось и глубокими научными исследованиями. Большим вкладом в историю отечественного славяноведения стала Славянская учебная библиотека Бодянского, которую он привез из своей поездки-стажировки по славянским странам. Еще одному такому энтузиасту, слависту, было посвящено выступление *В.В. Дементьева* (Саратовский университет) “Александр Митрофанович Лукьяненко и преподавание славянских языков в Саратовском университете”. Эта тема была продолжена в выступлении *С.Н. Мецеракова* (МГУ), рассказавшего о трудах профессора Московского университета Н.И. Кравцова, писавшего о связях русской и зарубежной славянских литератур. Докладчик отметил, что хотя инославянские литературы не были основным объектом научных интересов Кравцова, его монография “Проблемы

сравнительного изучения славянских литератур” привлекает глубиной анализа и эрудицией, важно, что ученый выходил за рамки идеологически одобренных произведений и авторов, стремясь сохранить полноту и объективность описания литературного процесса.

Интересные детали, связанные с первыми шагами отечественной болгаристики, были приведены в докладе *Г.К. Венедиктова* (ИСЛ РАН) о болгарском языке в Москве в XIX веке. Докладчик собрал первые разрозненные упоминания, заметки, краткие исследования, посвященные болгарскому языку и появившиеся в русской печати после организации кафедр славистики, а также задался вопросом, кто и как обучался болгарскому языку в это время. Оказалось, что первым учебным пособием по болгарскому языку можно считать “Карманную книгу для русских солдат в походе против турок”, своего рода разговорник, снабженный русско-болгарским словарем и кратким очерком грамматики болгарского языка.

Обобщающий взгляд на отечественную славистику был представлен в докладе *Л.Б. Карпенко* (Самарский университет) “Об интегративном характере современного славяноведения”. Докладчик обратила внимание на то, что многие специфические черты славистики как науки находят мотивацию в ее истоках, восходят к учительской традиции создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия, многогранность их деятельности наследуется отечественными славистами и реализуется в универсализме, энциклопедичности, полидисциплинарности русского славяноведения и его первых представителей, таких, как П.И. Прейс, А.Х. Востоков, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович. Особенность объекта исследования, комплексность методологии и богатая научная традиция обуславливают интегративность славяноведения. Огромное значение для его становления имел сравнительно-исторический метод и работа над составлением этимологических словарей славянских языков.

В докладе *О.С. Плотниковой* (МГУ) были подробно охарактеризованы этапы развития науки о словенском языке в

ХІХ в. *Р.П. Усикова* (МГУ) рассказала о роли межфакультетской кафедры славянских языков МГУ, которой она руководила с момента основания в 1971 г. в течение более чем десяти лет, в развитии прикладного направления в отечественной славистике.

Документам, мемуарам как источникам славистических исследований был посвящен доклад доцента Брянского университета *К.В. Михайлова* “Дославистические формы славяноведческой деятельности на Руси с XVI по XIX век”. Примером исследования частных славистических проблем были доклады *Н.С. Кушнерук* “Выражение эмоциональной оценки в польско-русских идиомах с глагольным компонентом” и *С.А. Рылова* “Проблема развития структуры простого предложения в отечественной славистике”.

Итоги конференции подвели *Г.Ф. Матвеев* и *В.П. Гудков*. Они констатировали, что в целом она прошла успешно. Выступило в общей сложности 35 человек. Были проанализированы не только вопросы истории славистической науки, но и дана критическая оценка ее современного состояния в России, как в университетах, так и в Академии наук, намечены перспективы развития этой дисциплины в области филологии и истории. По итогам конференции предполагается издать сборник статей в Институте славяноведения РАН. Обсуждение затронутых проблем предложено продолжить на втором Всероссийском совещании славистов, приуроченном к 60-летию основания Института славяноведения РАН и намеченном на 2007 г.

© 2007 г. *М.Ю. Досталь, О.О. Лешкова*

Славяноведение, № 1

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ОПЫТ ИСТОРИИ – ОПЫТ ЛИТЕРАТУРЫ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА”

22–23 ноября 2005 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция “Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы. Центральная и Юго-Восточная Европа”, подготовленная Центром по изучению современных литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Организаторы данной конференции ставили своей целью выявление значения Второй мировой войны как исторического этапа, предопределившего новый облик мира и оказавшего существенное влияние не только на политические, социальные и экономические процессы XX в., но и на развитие культуры и литературы стран региона.

Программу конференции составили 40 докладов ученых из России, Болгарии,

Венгрии, Македонии, Польши, Чехии, Хорватии. В работе конференции приняли участие представители Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного педагогического университета и Северодвинского государственного педагогического института.

Открыла заседание заместитель директора Института славяноведения РАН, д-р филол. наук. *Н.М. Куренная*, отметившая актуальность научного собрания в юбилейный год празднования окончания Второй мировой войны. *Н.М. Куренную* поддержала руководитель Центра по изучению современных литератур д-р филол. наук *С.А. Шерлашмова*, подчеркнувшая во вступительном слове назрев-

шую необходимость представить новый взгляд на такую традиционную тему исследований, как литература о Второй мировой войне, показать ее новое осмысление в художественном творчестве писателей и работах литературоведов из стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ряд докладов был связан с осмыслением мало исследованных прежде аспектов темы Второй мировой войны. Так, д-р филол. наук *Л.Н. Будагова* в докладе “Литературы западных и южных славян в годы Второй мировой войны. О новых подходах в исследовании периода” говорила о том, что настоящее время дает возможность глубоко и объективно разобраться в литературной ситуации тех лет, оценив по достоинству по-разному отразившийся в подцензурном, нелегальном и эмигрантском творчестве политический, нравственный и эстетический военный опыт славян. Доклад д-ра филол. наук *И.И. Калиганова* был посвящен образу советской России в профашистской болгарской литературе 1920–1940-х годов, а в выступлении д-ра филол. наук *Ю.П. Гусева* “Изнанка войны. О чем долго молчала венгерская литература” говорилось о произведениях 1990-х годов, обратившихся к проблемам, о которых раньше открыто писать было невозможно: страшная реальность концлагерей, как немецких, так и советских; страдания, приносимые мирному населению и немецкими, и советскими войсками. Совместный доклад *Н.М. Куренной* и канд. филол. наук *М.В. Лескинен* “Женщина на оккупированной территории (на материале русской и венгерской литератур)” также освещал круг вопросов, связанных с изменением взглядов на события Второй мировой войны в литературах стран региона. Этим же проблемам были посвящены и доклады канд. филол. наук *М.В. Фридмана* “Мифы и антимифы в румынской литературе второй половины XX века”, д-ра филол. наук *Г.Я. Ильиной* «Переакцентуация прозы о Второй мировой войне (“Сухой порох” Б. Чопича, “Солнце далеко” и “Разделы” Д. Чосича)», канд. филол. наук *Н.Н. Пономаревой* “Вторая мировая война и антифа-

шистское Соппротивление в болгарской литературе до и после 1989 г.”, в которых шла речь о том, что во второй половине 1990-х годов в румынской, сербской, болгарской литературной критике происходит переоценка ближайшего прошлого, в том числе и произведений о Второй мировой войне. Отказавшись от тотально негативного отношения к прозе о Второй мировой войне, создававшейся участниками антифашистского народно-освободительного движения, в последнее десятилетие литературная критика стала подходить к ее осмыслению глубже и шире, актуализируя ранее не замеченные или замалчиваемые пласты и образы, что свидетельствует о весомом шаге литератур региона на пути к демистификации ложных мифов о войне.

В докладах, авторы которых говорили о специфике отражения темы Второй мировой войны в польской литературе, был представлен широкий спектр проблем и обновленных оценок как исторических событий, так и собственно художественного их воплощения. Новое прочтение романа Е. Анджеевского “Пепел и алмаз” в контексте философии экзистенциализма было предложено канд. филол. наук *Т.В. Лошаковой*. Об истории контактов литераторов Москвы с деятелями польской культуры, оказавшимися с началом Второй мировой войны во Львове, говорила в докладе “Деятели польской литературы в СССР. Сентябрь 1939 – начало 1940-х годов” *Т.П. Агапкина*. В докладах д-ра филол. наук *В.Я. Тихомировой* “Образ немца в польской литературе о Второй мировой войне”, д-ра филол. наук *Е.З. Цыбенко* “Роман Владзимежа Одоевского о Катынской трагедии”, *О.В. Цыбенко* «Вторая мировая война и польская история XX века. Два взгляда из 1990-х годов: “Горизонт” В. Мысливского и “Правек и другие времена” О. Токарчук» был представлен современный взгляд польской литературы на Вторую мировую войну.

Многоаспектную картину, сложившуюся в словацкой литературе о войне, представили канд. филол. наук *Ю.В. Богданов*, говоривший в докладе “Раннее творчество Доминика Татарки в контек-

сте словацкой прозы о Восстании и войне” о глубоко индивидуальном художественном раскрытии темы военных лет и восстания в прозе словацкого писателя, канд. филол. наук *Н.В. Шведова*, выступившая с докладом «Апокалиптическое видение войны в композиции Р. Фабри “Я – это кто-то другой”» и *Л.Ф. Широкова*, которая в докладе “Родина в пору войны – Родина в пору детства” осветила основные тенденции развития военной темы в словацкой прозе 1950–1970-х годов.

Еще одной проблемой, обратившей на себя внимание участников конференции, стали особенности поэтики отразивших катастрофическое видение войны произведений в разных национальных литературах. Некоторые выступавшие обращались к публицистике и мемуарной прозе. Так, жанровым особенностям эссеистики Шандора Мараи и Станислава Винченца был посвящен доклад д-ра *М. Балог* (Будапешт). В докладе *А.Ю. Вольновой* шла речь об отражении атмосферы Второй мировой войны в дневниках и лирике Иржи Ортена.

О метаморфозах тематики и поэтики чешского романа о Второй мировой войне говорила *С.А. Шерлаимова*; к изменениям жанровой системы чешской литературы в годы войны обратился в своем выступлении д-р *Л. Павера* (Опава). Канд. филол. наук *А.Г. Шешкен* размышляла о традициях средневековой литературы в македонской прозе о Второй мировой войне, канд. филол. наук *А.Е. Евстратова* – об изображении Второй мировой войны в македонском рассказе 1960-х годов, д-р *В. Миронская-Христоская* (Скопье) говорила о специфике отражения этой темы в современном македонском романе. Поэтическому восприятию военной темы в словенской литературе посвятила свое выступление канд. филол. наук *Т.И. Чепелевская* (“Два поэта – две судьбы. Франце Балантич и Карел Дестовник-Каюх”).

К проблемам героя литературных произведений обратились в своих выступлениях д-р *М. Спасевский* (Скопье) (“Образы детей в македонской литературе

о Второй мировой войне”), д-р *В. Мойсова-Чепишевская* (Скопье) (“Тирания и лишение власти. На материале творчества Владо Малеского”), д-р *Н. Аврамовская* (Скопье) (“Вторая мировая война в романах Петре М. Андреевского”), д-р *Д. Маравич* (Загреб) («“Зимние каникулы” В. Десницы»), д-р филол. наук *Л.Б. Шаргина* (Будапешт) (“Человек в кровавом вихре войны. Герои Иштвана Эркеня”), канд. филол. наук *Ю.А. Созина* (“Война в драматургии Душана Йовановича”).

О реакции литературы начала XXI в. на проблематику Второй мировой войны, а также об особенностях читательского восприятия этой темы говорили *В.Т. Середа* в докладе “Творчество Имре Кертеса: особенности восприятия в современной России” и канд. филол. наук *М.Б. Проскурнина* в докладе “Эхо Второй мировой войны в македонском романе рубежа XX – XXI вв.”.

В заключительном слове руководителя Центра по изучению современных литератур *С.А. Шерлаимовой* было отмечено, что прошедшая международная научная конференция позволила обозначить достаточно широкий круг проблем, связанных с осмыслением проблематики Второй мировой войны в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конференция показала, что рецепция опыта войны в литературах региона чрезвычайно сложна и не может быть сведена к прямолинейным и однозначным оценкам. Современная трактовка военного опыта и его отражение в художественном сознании позволяют рассмотреть литературу о Второй мировой войне во всех ее течениях, что и было продемонстрировано участниками конференции.

По итогам международной научной конференции “Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы. Центральная и Юго-Восточная Европа” опубликованы тезисы докладов и будет выпущен сборник материалов.

КОНФЕРЕНЦИЯ “АДАМ МИЦКЕВИЧ И ПОЛЬСКИЙ РОМАНТИЗМ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ”

Международная научная конференция под таким названием, приуроченная к 150-й годовщине со дня смерти Адама Мицкевича (1798–1855), прошла в Москве 18–19 октября 2005 г. Ее организаторами стали Институт славяноведения РАН (члены оргкомитета – В.А. Хорев, Н.М. Филатова) и филологический факультет МГУ (члены оргкомитета – Е.З. Цыбенко, С.В. Клементьев). В конференции приняли участие представители крупных научных центров России и Польши (Институт славяноведения РАН, МГУ, Институт литературных исследований Польской Академии наук), полонисты и русисты из Кракова, Лодзи, Вроцлава, Гродно, Калининграда. Среди гостей конференции был посол Польши в России Стефан Меллер.

В истории польской культуры романтизм как литературное и шире – идейное, общественное течение сыграл роль, которую невозможно переоценить. Романтическая парадигма искусства и общественной мысли надолго определила облик польской культуры, далеко перешагнув границы самой эпохи романтизма. Развитием этой парадигмы или же ее преодолением жила польская литература XX в. По словам Я. Ивашкевича, романтизм – это “эссенция” польского художественного творчества и всей польской жизни.

Оказал влияние польский романтизм и на русскую культуру. О взаимопроникновении двух культур той эпохи говорит творческая близость Мицкевича и Пушкина и сам факт, что духовный лидер польского романтизма как поэт был “открыт” в России и лишь потом признан своими соотечественниками.

Диалог культур подразумевает восприятие культурных ценностей одного народа другим, их оценку и творческую переработку как современниками, так и последующими поколениями, включает в себя “переключку” эпох. Так, освоение польского романтизма в России интенсив-

но проходило на рубеже XIX–XX вв. В диалоге культур России и Польши польский романтизм всегда играл особую роль: он определял самописание польской культуры, лицо “польскости” в общении с внешним миром. Романтическая система ценностей, тип патриотизма воздействовали на формирование устойчивого образа Польши и поляков в сознании других народов, в том числе и русского. С другой стороны, польские поэты – “пророки” XIX в. – Мицкевич, Словацкий, Красиньский – активно осмысливали взаимоотношения Польши с Россией – центральную политическую проблему их времени.

Таким образом, тема “Мицкевич и польский романтизм в русской культуре” поставила перед участниками конференции множество проблем. К ним можно причислить и сравнительные аспекты польского и русского романтизма, и вопросы литературных взаимовлияний, и проблему восприятия творчества польских романтиков в России, и особенности их перевода на русский язык. К традиционным темам, предложенным многими докладчиками, можно отнести русские контексты творчества Мицкевича, его российские контакты и связи. Наряду с этим, участники конференции заинтересовали образы России в польской литературе и Польши и поляков – в русской, рассмотренные в контексте романтической культуры. В обсуждении этих и других тем участники конференции продемонстрировали широкий диапазон подходов.

Вопросам романтической эстетики был посвящен доклад А. Ковальчиковой (Варшава, Институт литературных исследований ПАН) “Идеология и искусство: исторические события и эстетические позиции”. Она затронула проблему сходства и отличия условий развития польского и русского искусства в эпоху романтизма. Скрытое сходство исследовательница усмотрела в отсутствии творческой свободы, что определялось в России цензу-

рой, а в среде польской эмиграции – жестко доминирующими эстетическими критериями. А. Ковальчикова проследила эволюцию польских эстетических концепций в эпоху романтизма и пришла к выводу, что после восстания 1830 г. произошла пагубная изоляция польского искусства от европейского. Это было связано с давлением критики и общественного мнения, требующего подчинения искусства актуальной тематике, обязательно звучания патриотической ноты. Художественные ошибки легко прощались, не прощались забвение патриотического долга. Эстетическая мысль приобретала крайне консервативные формы, не допускавшие новаторства, авангардизма, гротескного стиля.

Невольную переключку с идеями А. Ковальчиковой можно было усмотреть в материале, представленном в докладе Ю.А. Лабынцева и Л.Л. Щавинской (Институт славяноведения РАН) “Певец души крестьянской: А. Мицкевич о Ф. Карпинском”. В нем речь шла о характеристиках, данных А. Мицкевичем поэту XVIII в., автору религиозных стихов для простого народа Францишеку Карпинскому. Сравнивая две работы Мицкевича о Карпинском (1827 и 1842 гг.), авторы доклада увидели в них отражение эволюции философских, эстетических, религиозных взглядов самого Мицкевича. Если в ранней работе польский романтик высоко оценивает творчество Карпинского как поэта “своего времени и своего народа”, то в парижской лекции он отказывается ему в праве называться национальным поэтом, считая, что Карпинский “как поэт политический не имеет никакого значения”. Наблюдения, сделанные Ю.А. Лабынцевым и Л.Л. Щавинской, на наш взгляд, как нельзя лучше подтвердили выводы А. Ковальчиковой об односторонней эволюции эстетической мысли польского романтизма.

Неординарный подход к “Лекциям о славянской литературе” А. Мицкевича продемонстрировала М. Рудас-Гродзка (Варшава, Институт литературных исследований ПАН) в докладе “Славяне – невольники Европы”. Она интерпретировала историософские построения Мицкевича в современных терминах, связав

дискурс славянства в “Лекциях” с категориями господства и подчинения, активности и пассивности (в том числе сексуальной), с понятием “истории победителей”. Взгляды Мицкевича на роль славянства в истории рассмотрены сквозь призму господствовавших в его время представлений о славянах как невольниках, лишенных собственной истории, обреченных на вечную пассивность и подражание западной культуре. Его высказывания исследовательница интерпретирует как полемику с этим негативным стереотипом, попытку его переоценки. Анализируя, как Мицкевич описывает античные памятники, изображающие славян-рабов, Рудас-Гродзка усматривает в его описаниях своеобразную эстетику насилия, мазохистскую драму субъектности. Аналогом терзаемого славянина-невольника является польский народ: субъектность переживается им в форме мессианистской идеи.

В центре внимания участников конференции были особенности восприятия русской культурой художественного наследия А. Мицкевича, а также его историософских, религиозно-политических идей. Е.З. Цыбенко (МГУ) в докладе «Восприятие поэмы А. Мицкевича “Пан Тадеуш” в России» отметила большой интерес русского читателя к каждому новому произведению польского поэта. Перевод “Пана Тадеуша” (1834) появился в России не сразу, поскольку после выхода из печати в Париже III части “Дядюв” само имя Мицкевича было запрещено цензурой. Первый перевод поэмы – прозаический – принадлежал Петру Дубровскому. Он был опубликован в 1858 г., затем в 1860–1870-х годах появились стихотворные переводы Николая Берга и в начале 1880-х годов Владимира Бенедиктова. Многие русские литераторы знали “Пана Тадеуша” до появления этих переводов, среди них Гоголь, Пушкин, Некрасов. Авторы первых откликов высоко оценили эту поэму. Некоторые, в том числе Пушкин, считали ее лучшим произведением польского поэта.

А. де Лазари (Лодзинский университет) в докладе «А. Мицкевич и “Вопрос о национальностях” в мировоззрении Аполлона Григорьева» показал, какое место

занимает Мицкевич в литературном наследии А. Григорьева. Ученый рассмотрел присутствие личности Мицкевича в мировоззрении А. Григорьева в контексте взглядов последнего на романтизм и его позиции по национальному (прежде всего польскому) вопросу. Высоко ценивший романтизм как художественное явление и называвший себя “последним романтиком”, Григорьев не только переводил польского поэта, но и считал его одной из самых значительных фигур европейской культуры. Мицкевич, наряду с Байроном и Шиллером, ставился им вровень с национальным гением – Пушкиным (что казалось невозможным, например, для Ф.М. Достоевского).

Преломлению идей польского романтизма в творчестве Ф. Достоевского был посвящен доклад Ю. Гладысь (Краков). Предметом ее рассмотрения стал портрет представителей польской нации в произведениях Достоевского, игравших определенную роль в литературном мире его романов и рассказов. Проанализировав образ поляков у Достоевского, почти всегда выступающих в качестве антигероев, комических персонажей, исследовательница условно называет его “шутковским”. По ее меткому наблюдению, совокупность всех черт поляков Достоевского – это карикатурное отражение польского менталитета и автопортрета, созданного романтизмом. Здесь, по словам Ю. Гладысь, открывается огромное поле для исследований “под знаком зеркала”, которое не только отражает, но и искажает “чужое” в процессе культурного контакта.

По-иному воспринимался польский романтизм в России рубежа XIX–XX вв., в период, отмеченный возрождением интереса к романтизму в Европе. Это замечательно проиллюстрировал А. Дудек (Краков, Ягеллонский университет), сосредоточившийся на интерпретации творчества и идей А. Мицкевича русскими символистами Дмитрием Мережковским и Вячеславом Ивановым. Для Мережковского Мицкевич – это прежде всего страдающий пророк, религиозный мыслитель, самый выдающийся представитель польского мессианизма. Наряду с А. Чешковским и А. Товьянским он не только создал

важную для Польши и при этом морально чистую, лишенную “лжи национализма” религиозно-политическую идею, но сумел также, как никто, выразить польскую душу. Для В. Иванова великий польский поэт – это глашатай идеи славянской соборности и правильно понятого славянофильства. По Иванову, настоящее славянофильство, которому учил Мицкевич, это главным образом религиозная идея, лишенная националистических ограничений, основанная на вере во вселенскую миссию славянства. По его словам, польский романтический мессианизм – это все еще “живая сила” в начале XX в.

О.В. Цыбенко (Институт славяноведения РАН) в докладе “В. Ходасевич и польские поэты-романтики” отметила повышенный интерес русского поэта и критика к А. Мицкевичу, Ю. Словацкому, З. Красиньскому. Этот интерес отразился в его переводах произведений польских романтиков, а в эмигрантский период – в статьях, посвященных их творчеству. Обращаясь к русским писателям-изгнанникам, Ходасевич напоминал им о высокой миссии эмигрантской литературы, ее особом предназначении, которое в XIX в. осознавалось польскими романтиками.

С.В. Клементьев (МГУ) в докладе “Ю. Словацкий в России в конце XIX – начале XX в.” продемонстрировал факт “присутствия” польского поэта-романтика в русской культуре того времени – в переводах и критике. Он особо подчеркнул увлечение Словацким К. Бальмонта, открывшего для русского читателя мессианистские мотивы польской поэзии, интерес к творчеству Словацкого символистов, а также Ф. Корша, А. Амфитеатрова и др.

Немаловажную роль в польской романтической культуре играл образ России – исторического противника, участника разделов, превратившегося в XIX в. для большого числа поляков в господствующую титульную нацию. Политические коллизии (противостояние Польши и России в ходе национально-освободительного восстания 1830–1831 гг.), его подавление царским правительством) способствовали формированию однозначного образа России как силы, враждебной всему польскому. основополагающую роль в создании и закреплении этого образа играли средства романтической поэтики.

Романтическому канону восприятия России в Польше был посвящен доклад *В.А. Хорева* (Институт славяноведения РАН). Исследователь отметил роль романтизма в процессе стабилизации этнических стереотипов, а также воздействие романтических клише на польскую литературную традицию (в том числе на писателей XX в.). По его мнению, польский стереотип России во многом определил отношение к ней А. Мицкевича. Исследуя образ России в творчестве признанного вождя польского романтизма, ученый подчеркнул, что в произведениях Мицкевича автостереотип поляка – героя и бунтаря складывается в противопоставлении образа поляка образу русского. Образ России – политического сатаны, угрожающего с востока цивилизованной Европе, стал общим местом польского романтизма. Благодаря романтикам А. Мицкевичу, Ю. Словацкому, З. Красиньскому негативный образ России часто в упрощенной, экспрессивной и стереотипной форме, определившей его живучесть и распространенность, вошел в историческую память следующих поколений.

Поднятая В.А. Хоревым тема была развита в докладе *Н.М. Филатовой* (Институт славяноведения РАН), сосредоточившейся на одном из конкретных воплощений образа России в творчестве польских романтиков – образе русского царя. Этот образ чрезвычайно важен для польской литературы: именно ей принадлежит первенство в развитии темы царя и царизма, приобретающей порой формы фобии. Могущество империи романтики прежде всего соотносили с личностью самодержца. В царизме они усматривали не только силу, но и таинственную философию, грозную и чуждую им идею, противопоставленную Богу и истории. В докладе были выявлены характерные мотивы, связанные с образом царя в художественной литературе – произведениях А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского, С. Гарчиньского, С. Гоциньского, Я. Чиньского и др. Это мотив подчинения царя дьявольским силам, тема царя-Ирода, мотив греховности императора и всей династии Романовых, мотив запятнанной кровью или узурпированной короны. Кроме этого, романтики подчеркивали сакрали-

зацию самодержца в России, опасность экспансии деспотизма и роль Польши в защите Европы от него. Единоборство Польши с могущественным и зловещим деспотом было призвано, в их глазах, возвеличить польскую нацию.

Осветили участники конференции и контакты Мицкевича с представителями русской культуры, сосредоточившись на малоизученных аспектах. Личные и творческие взаимоотношения Мицкевича и Пушкина – тема, имеющая богатейшую научную литературу. Обратившись к ней, *Б. Донарт* (Краков, Ягеллонский университет) в докладе “Мицкевич о Пушкине во французском контексте” связал роль Пушкина в творческой биографии Мицкевича с концепцией развития славянской литературы и культуры, предложенной польским романтиком в парижских лекциях. Исследователь также коснулся вопроса о том, Пушкин или Рылеев изображен Мицкевичем в стихотворении “Памятник Петру Великому”.

А.В. Липатов (Институт славяноведения РАН) рассмотрел мировоззрения двух великих поэтов как “два типа национальной проекции европеизма”. Соположив русские мотивы у Мицкевича и польские у Пушкина, он обратил внимание на различие национальных менталитетов (обусловленное преобладанием “государственного” общества в России и гражданского – в Польше), различное понимание патриотизма, а отсюда – и общей принадлежности к Европе. Для Мицкевича характерен европейский универсализм, тип мышления, свойственный гражданскому обществу. Сходный тип мышления А.В. Липатов нашел в воззрениях тех представителей российской общественной мысли, которые воспринимали свое отечество и осмысливали его историю вне стереотипов официальной идеологии (П. Чаадаев, братья Тургеневы, П. Вяземский). Пушкин же, по мнению исследователя, не мог увидеть свое отечество сквозь призму истории других народов, в общеевропейском контексте, что определило его одностороннее понимание польской проблемы.

Д.П. Ивинский (МГУ) высказал ряд наблюдений, позволяющих внести коррективы в существующие представления

о “безоблачных” отношениях А. Мицкевича и П. Вяземского, их идейной близости. Он сосредоточился на роли Вяземского во взаимоотношениях Мицкевича с Пушкиным. Комментируя записку польского поэта Вяземскому 1839 г., в которой Мицкевич определяет свое отношение к близким ему русским как “дорогим врагам”, Д.П. Ивинский пришел к выводу, что это выражение относилось также и к Вяземскому. Сама же записка, по мнению ученого, была ответом на стихотворение Пушкина “Он между нами жил”, с которым Мицкевича познакомил Вяземский.

Доклад *В.В. Мочаловой* (Институт славяноведения РАН) “Мицкевич в кругу петербургских поляков” был посвящен вопросам национальной и культурной идентичности/самоидентификации таких известных представителей польской диаспоры в Петербурге и одновременно видных фигур российской литературной жизни, как Фаддей Булгарин и Осип Сенковский, с которыми Мицкевич общался в период своего пребывания там. Сопоставление противоречивых, контрастных оценок этих фигур, как с польской, так и с русской стороны, свидетельствует не только о существовавших и как бы само собой разумеющихся различиях идеологических позиций, но и о сложности и неоднозначности самой проблемы двойной культурной лояльности, которая – с перспективы прошедшего времени – может стать объектом переоценки.

Взаимоотношения А. Мицкевича и М. Бакунина были посвящен доклад *А. Каминского* (Вроцлав). Они были рассмотрены в широком контексте польских связей русского мыслителя-анархиста, детально исследованных ученым. Контакты Бакунина с польской эмиграцией были разносторонни и охватывали представителей самых разных ее направлений. Однако сдержанность поляков по отношению к себе Бакунину удалось преодолеть после публикации статьи в парижской газете “*La Réforme*” с критикой царского режима, притесняющего польскую нацию. Тогда же, в 1845 г., он привлек к себе внимание Мицкевича. Результатом их контактов стало обращение Бакунина к революционному славянофильству: на потенциальные возможности

славянства ему указал польский поэт. В то же время попытки Мицкевича склонить Бакунина к религиозно-мистическому учению Товьянского потерпели неудачу.

Н.А. Соловьева (МГУ) в докладе “Французские лекции А. Мицкевича и славянская тема в творчестве Жорж Санд” показала, какую роль в творческой биографии французской писательницы сыграло посещение ею лекций А. Мицкевича в Коллеж де Франс. Результатом стало открытие ею пространства славянской культуры, обращение к чешской истории в исследовании “Ян Жижка”. Исторические очерки Ж. Санд не привлекли особого внимания, но они важны для представления о том, насколько славянская тема под влиянием А. Мицкевича затронула общественное сознание европейцев.

Обращению польских романтиков к традиционной славянской культуре были посвящены доклады этнолингвистов из Института славяноведения РАН *Е.Е. Левкиевской* и *О.В. Беловой*. *Е.Е. Левкиевская* рассмотрела, как А. Мицкевич в поэме “Дядя” использует обрядовые формы и мифологию славянского поминального культа. Она подчеркнула, что народный поминальный обряд (называемый в украинской и белорусской традиции *дедами*, в польской – *дзядами*, в русской – *родительскими субботами*) избран А. Мицкевичем в качестве оси координат, задающей систему смыслов всей поэмы. Исследовательница рассмотрела, из каких структурных элементов состоит этот народный обряд, какие смыслы он содержит, и что именно в нем меняет поэт, преследуя собственные художественные цели. Она пришла к выводу, что Мицкевич использует в “Дядях” материал народной поминальной обрядности в русле романтической традиции, намеренно сдвигая в нем смыслы и заменяя одни структурные элементы другими. Тем самым польский романтик задает сквозные мотивы поэмы: выводит обряд из семейного круга на уровень общественного действия, обозначает тему греха и нагнетает атмосферу демонического, в которой одно и то же событие может быть истолковано как в реальном, так и в ирреальном ключе.

О.В. Белова обратилась к фольклорному сюжету в творчестве Ю. Словацкого, избрав предметом анализа эпизод из его драматической поэмы “Ксёндз Марек”, в котором идет речь о некоем аномальном природном явлении, носящем в народе название “рабиновой ночи” (*noc rabinowa*). Она рассмотрела этот эпизод сквозь призму славянских народных поверий, зафиксированных в фольклорно-этнографических материалах XIX в., а также бытующих сегодня. Исследовательница заключила, что упомянутая Ю. Словацким *noc rabinowa* находит соответствия в современной польской и украинско-белорусско-полюсской фольклорных традициях как на уровне терминологии, так и в сфере суеверных представлений, связанных с образом “чужого” в народной культуре.

Доклад С.Ф. Мусиенко (Гродненский ун-т) был посвящен образу русалки в славянском фольклоре и в литературе романтизма России и Польши. Выявив характерные черты, приписываемые русалкам народной мифологией, докладчица уделила особое внимание белорусскому и польскому фольклору, связи легенд о русалках с темой затопления белорусских городов и появлении на их местах озер. Образ русалки в литературе романтизма был рассмотрен на примере баллад А. Мицкевича “Рыбка”, “Свитязь” и “Свитезянка”, а также стихотворении и драме А.С. Пушкина “Русалка”. С.Ф. Мусиенко проанализировала особенности интерпретации польским и русским поэтами фольклорных источников, подчеркнув связь творчества А. Мицкевича с белорусскими народными песнями. По ее словам, каждый из названных поэтов придал образу Русалки национальные черты, наделив его национальным колоритом и показав с его помощью особенности жизни своего народа.

Предметом внимания участников конференции стали и интертекстуальные связи работ А. Мицкевича с произведениями русской художественной литературы. Л.А. Мальцев (Калининградский ун-т) избрал для сопоставления три текста – “Пан Тадеуш” А. Мицкевича, “Транс-Атлантик” В. Гомбровича и “Братья Карамазовы” Ф. Достоевского. По его мнению, роман “Транс-Атлантик” может быть рассмотрен в данном случае в качестве

текста-посредника. В сознании В. Гомбровича завязывается неразрывный “узел” поэмы Мицкевича и романа Достоевского. Гомбрович стремится к пародии на шляхетскую эпопею, старопольскую этику, польскую идею Отчизны. Одновременно он предпринимает пародийную “атаку” и на Достоевского. Таким образом, действие “Транс-Атлантика” вершится по законам карнавала, соединяя все разъединенное и далекое.

Эффекту “интертекстуальности”, а именно сходности мотивов Мицкевича и Тютчева, было посвящено выступление А.А. Илюшина (МГУ). Предметом его анализа стало стихотворение Мицкевича “*Polaty się łzy*” (“Полились мои слезы”), сопоставленное с тютчевским шестистишием “Слезы людские, о слезы людские...” и рассмотренное в контексте русской поэзии.

И.Е. Адельгейм (Институт славяноведения РАН) затронула проблему присутствия польского классика в молодой польской литературе после 1989 г. По ее словам, литературная реальность опровергает миф о вечной актуальности того или иного имени, в том числе являющегося национальным символом имени А. Мицкевича. Исследовательница попыталась наметить типологию отношения сегодняшнего художественного Я к Мицкевичу и олицетворяемой им – в инерции польской культуры – традиции. Она пришла к выводу, что характер присутствия Мицкевича в молодой литературе современной Польши отражает основные черты литературной ситуации – изменение места литературы в обществе, ее игровой характер, отказ от романтической парадигмы, увлеченность интертекстуальными приемами, убежденность в изменении эстетических критериев действительности. Практически не встречаются в опытах новой литературы попытки реинтерпретации или стилизации польского классика. Но отрицается при этом не сам Мицкевич, который просто выпал из круга активного чтения и переживания, а подспудно навязанный образец не работающих сегодня клише.

По материалам конференции будет подготовлен сборник статей.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЛОВАКИИ

(Братислава, сентябрь 2005 г.)

21–22 сентября 2005 г. в Братиславе (Словакия) состоялось Первое заседание Комиссии историков России и Словакии и приуроченная к нему международная научная конференция “СССР – Словакия на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. К 60-летию победы над фашистской Германией”. Это мероприятие было организовано Словацкой частью Комиссии под патронатом Исторического института САН (организаторы М. Барновский, председатель словацкой части Комиссии, и Т. Ивантышинова, ее вице-председатель) и философского факультета университета им. Я.А. Коменского. С российской стороны ее организатором выступил Институт славяноведения РАН. Подготовку конференции осуществляли чл.-корр. РАН В.А. Тишков (директор ИЭА) – председатель российской части Комиссии и М.Ю. Досталь, ее ученый секретарь.

Заседание 21 сентября в конференц-зале университета открыл директор Исторического института, *В. Быстрицкий*, который с удовлетворением отметил, что традиции взаимного изучения истории России и Словакии продолжают, наглядным примером чему является перевод и издание в России сотрудниками Института славяноведения РАН “Истории Словакии” (М., 2003), подготовленной в Историческом институте САН. Он приветствовал членов Комиссии и других участников конференции и пожелал успехов в ее работе. С приветственным словом выступил посол Российской Федерации в Словакии *А.И. Удальцов*, подчеркнувший важное научное и общественно-политическое значение этого мероприятия, которое может послужить импульсом для интенсификации научных контактов между российскими и словацкими историками.

На конференции обсуждалось два блока проблем. Доклады первой ее части были посвящены вопросам освобождения Словакии от фашизма. Доклад *В.В. Марьиной* (Исл РАН) “СССР и Словацкое национальное восстание 1944 г.” (зачитанный М.Ю. Досталь) осветил современные представления историков обеих стран об организации, ходе и результатах Словацкого национального восстания и проблемы советской помощи его участникам. В докладе *Й. Быстрицкого* (Институт военной истории, Братислава) “Словакия в конце Второй мировой войны и ее освобождение” рассматривалось участие Словакии в военных действиях во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии, которое до сих пор не получило полного и адекватного освещения в исторической науке. Докладчик сумел привлечь новые оригинальные документы и материалы, убедительно раскрывающие участие словацкой армии в боевых действиях на советско-германском фронте. *Н.В. Волостнова* (МГУ) познакомила собравшихся с неизвестным дневником своего отца Владимира Волостнова – участника Словацкого национального восстания. Сделанные в боевой обстановке и непосредственно по следам событий записи расширяют и существенно уточняют представления об обстановке в советских партизанских отрядах на заключительном этапе восстания. Участники заседания единодушно высказались за публикацию дневника как исторического документа эпохи. В докладе *Ю. Гаутовой* (Словацкий национальный архив) “Архивные документы по истории Второй мировой войны и Словацкого национального восстания” подробно анализировался корпус разнообразных документов, сохранившихся в словацких архивохранилищах.

В развернувшейся по докладом дискуссии приняли активное участие как словацкие историки М. Барновский, Й. Быстрицкий, П. Петрув, Б. Глава и др., так и российские – Г.П. Мурашко, Т.В. Волокитина и А.Ф. Носкова. Последние, опираясь на документальные материалы и результаты своих исследований, сформулировали позицию по вопросу о послевоенном устройстве стран Центральной и Восточной Европы, в частности, о планах, выдвинутых СССР и другими великими державами в отношении Словакии. В ходе дискуссии выяснилось, что словацкие историки знакомы с последними изданиями российских документальных материалов, несмотря на заметное ослабление связей и сотрудничества историков обеих стран после “бархатных” революций 1989 г. и распада СССР в 1991 г. Дискуссия показала явный интерес словацких историков к проблеме механизма принятия решений в советском политическом руководстве и к личности И.В. Сталина.

Второй блок проблем, поднятых на конференции, был связан с конфессиональной политикой в регионе в 40–50-е годы XX в. В докладе *Т.В. Волокитиной* (Исл РАН) рассматривался конфессиональный фактор в геополитических планах Москвы после Второй мировой войны и многоплановая, поощряемая властями, внешнеполитическая активность Русской православной церкви. Словацкий историк *Л. Гарбулёва* (Прешовский университет) проанализировала деятельность Русской православной церкви за рубежом (особенно монастыря в Ладомировой) на территории Словакии в период Второй мировой войны. *А.Ф. Носкова* (Исл РАН) в докладе “Власть – римско-католическая церковь – Ватикан в Восточной Европе. К проблеме советского влияния (середина 40-х – начало 50-х годов)” рассмотрела отношение официальных властей Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии к католической церкви и Ватикану, а также проблемы советского влияния на формирование церковной политики этих стран. Со словацкой стороны *Я. Пешек* (Исторический институт САН) в свете архивных документов разобрал вопрос о политике

властей Словакии по отношению к католической церкви в первые послевоенные годы. Завершали блок конфессиональных проблем доклады Г.П. Мурашко и М. Барновского. *Г.П. Мурашко* (Исл РАН) в докладе “Судьба греко-католической церкви в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов)”, показала, что ликвидация греко-католической церкви была результатом действий отнюдь не советской стороны, как утверждалось в ряде исторических работ, а прежде всего, результатом целенаправленной политики пражского правительства, заинтересованного в ослаблении позиций католической церкви в стране в целом. *М. Барновский* (Исторический институт САН) прочитал доклад “Греко-католическая и православная церковь в Словакии в 1945–1950 гг.”, в котором высказал свою, основанную на словацких материалах, точку зрения о причинах ликвидации греко-католической церкви в Словакии в 1950 г.

Обширная, оживленная дискуссия по проблемам конфессиональной политики показала большой интерес словацких историков к неизвестным, недавно рассекреченным документам архивов Российской Федерации, на которых были основаны доклады российских историков. Последние также проявили заинтересованность в изучении национальных архивов Словакии.

Обмен мнениями показал необходимость взаимного сотрудничества историков обеих стран для воссоздания объективной картины истории государственно-церковных отношений в странах Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны, а также степени влияния Кремля на формирование конфессиональной политики в рассматриваемом регионе.

Конференция вызвала интерес словацкой научной общественности. Словацкая сторона приняла на себя обязательства по публикации ее материалов.

К тематике конференции проявили интерес и средства массовой информации. Состоялись интервью председателя словацкой части Комиссии М. Барновского и руководителя российской делегации Г.П. Мурашко корреспонденту радио-

станции, вещающей на русском языке для населения Словакии, была организована специальная передача, посвященная первому заседанию Комиссии историков России и Словакии. Подобная передача в дальнейшем состоялась и в Москве (с интервью Г.П. Мурашко).

22 сентября в Историческом институте САН было проведено внутреннее заседание Комиссии, на котором прозвучали доклады *М.Ю. Досталь* о современном состоянии исследований русско-словацких связей в России и *Л. Гарбулёвой* об изучении истории России в Словакии, а также взаимоотношения между народами обеих стран. Доклады подытожили результаты проведенных исследований, показали лакуны в изучении данных проблем и наметили перспективные направления дальнейших разработок в данной области.

После краткой дискуссии члены Комиссии детально обсудили Положение о ее работе, регламентирующее цели и задачи Комиссии, основные направления ее деятельности. В зачитанном Протоколе работы Комиссии констатировался высокий уровень прочитанных докладов, основанных на широкой базе архивных источников и необходимость их ско-

рейшей публикации. Члены Комиссии говорили о насущной потребности и перспективах расширения и углубления научных контактов между историками обеих стран, необходимости обмена научной информацией, книгами, периодическими изданиями, написания рецензий и пр. Обсуждались возможности использования как традиционных средств информирования научной общественности о мероприятиях Комиссии и их популяризации, так и новейших – путем создания веб-сайта Комиссии в Интернете.

Активно дискутировалась тематика следующего московского заседания Комиссии. Были предложены темы: “Русские и словаки в XIX и XX вв.: национальное восприятие, взаимные контакты, идеологические концепции” и “Национально-территориальный вопрос в XX в. (Центральная и Восточная Европа)”. После обсуждения и согласования предпочтение было отдано первой теме.

Конференция и заседание Комиссии были прекрасно организованы, за что российская делегация выразила организателям сердечную благодарность.

© 2007 г. *М.Ю. Досталь*

К ЮБИЛЕЮ ГЕННАДИЯ АФАНАСЬЕВИЧА ЦЫХУНА

Г.А. Цыхун – автор фундаментальных трудов по проблемам балканского языкового союза, белорусско-инославянских лексических связей, социолингвистики, этнолингвистики, этимологии, д-р филол. наук (1982), проф. (1994), главный научный сотрудник Института языкознания НАН Беларуси (2005), вице-президент Международной академии наук Евразии (1994–1995), заместитель председателя Белорусского комитета славистов (с 1992), член Президиума Международного комитета славистов (с 2004), почетный доктор Софийского университета (2005), сопредседатель Общества дружбы Беларусь–Болгария (1992), награжден Почетной грамотой Верховного Совета Республики Беларусь (1996). Автор около 300 научных трудов...

Он родился 30 сентября 1936 г. Отец его работал учителем в школах Гродненского района, инспектором района и всю жизнь неумолимо, самоотверженно изучал родной край и пропагандировал его культуру.

В 1953 г. Г.А. Цыхун с успехом закончил школу в Гродно, в 1958 г. – славянское отделение филологического факультета ЛГУ. В студенческие годы определился центр его научных интересов, о чем свидетельствует блестяще защищенная дипломная работа “Реприза именного дополнения в болгарском и македонском языке”.

В 1959 г. молодой славист поступил в аспирантуру ЛГУ, где совершенствовался под руководством Ю.С. Маслова, а позднее, в Болгарии, – под руководством С. Стойкова и Л. Андрейчина. В 1958–1959 гг. и с 1963 г. Г.А. Цыхун работал в Институте языкознания им. Якуба Коласа, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом славянского и теоретического языкознания (1990) и главного научного сотрудника (2005). В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Синтаксис местоименных клитик в болгарском и македонском языках” (оппоненты С.Б. Бернштейн и В.В. Колесов).

Значительный интерес представляют работы Г.А. Цыхуна по теории языковых союзов и ареальной лингвистике. В докторской диссертации “Типологические проблемы балканославянского языкового ареала” и докладах на Международных съездах славистов ученый по-новому определил понятия архаизма, инновации, центра инновации. Были установлены источник и направления распространения балканских инноваций в сфере выражения адресата действия, определения, утраты падежных форм, категории определения, выражения степеней сравнения и др. Был сделан важный вывод о наличии нескольких инновационных центров, который опровергает традиционную точку зрения, будто на Балканах есть единственный “прогрессивный” регион, откуда и распространялись все изменения, описан вклад отдельных говоров в процесс балканизации южнославянского диалектного континуума. Эта монография и сегодня остается отличным примером описания языковых союзов.

Г.А. Цыхун успешно применил ареальный метод для исследования белорусского языка, получив новые результаты, важные также для диалектологии и типологии литературных языков. Ученый установил, что “чем более широка ареальная база литературного языка, тем менее системным характером он обладает. И наоборот, чем более узкая ареальная база, тем большей системностью характеризуется соответствующий литературный язык”. Исследователь подчеркивает, что “широкое распространение языковой черты не является основанием для кодификации в структуре литературного языка, особенно если эта черта архаическая и не представлена на территории, которая относится к ареальной базе литературного языка. В качестве литературной нормы часто выступают явления, известные на меньшей части языковой территории, однако име-

ющие инновационный характер и представленные в границах ареальной базы литературного языка” (“Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў”, 1993).

Значительный вклад внес лингвист в этимологическую науку. Он является соавтором, а в последних выпусках и редактором “Этимологического словаря белорусского языка”.

Еще одна область его интересов – этнолингвистика, особенно изучение Полесья. В ходе экспедиций 1960–1970-х годов, проведенных совместно с Институтом языкознания и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, были собраны уникальные свидетельства древней материальной и духовной культуры, выпущены сборники “Лексика Полесья” (1968), “Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)” (1968), “Туровский словарь” (1982–1987) и др.

Ученый выступил инициатором и активным организатором серии симпозиумов по изучению белорусско-иноязыковых связей.

Большую ценность имеют библиографические обзоры белорусского языкознания, которые ученый готовит для журнала “Rocznik Slawistyczny” и комиссии по лингвистической библиографии при Международном комитете славистов (МКС), членом которой он является. Г.А. Цыхун достойно представляет Беларусь также в комиссиях по истории славистики, по славянской этимологии и по балканскому языкознанию.

Инославянские, теоретические, ретроспективные интересы исследователя удивительным образом удачно совмещаются с его живейшим участием в деле языкового строительства. Он был одним из организаторов I Международного конгресса белорусистов, вице-президентом Международной ассоциации белорусистов. Он постоянно выступает с докладами о социолингвистической ситуации в Беларуси, разрабатывает проблему так называемой “трасянки” (смешанной белорусско-русской речи).

С 1993 г. Г.А. Цыхун – член Государственной комиссии по уточнению правописания белорусского языка.

Г.А. Цыхун выступал с лекциями и докладами в Московском, Варшавском, Краковском (Ягеллонском), Белостокском, Люблянском, Гамбургском, Зальцбургском, Софийском и других университетах. Во время занятий со студентами он щедро делится научными сведениями, знакомит с современными особенностями Балкан и других славянских стран, где он бывал и где его знают и любят. Эти лекции надолго остаются в памяти слушателей, ибо в них проявляются глубокие знания, ораторское мастерство, умение и желание увлечь собеседников любимым делом, любимой наукой.

Сердечно поздравляем юбиляра, желаем ему творческого долголетия в кругу друзей и коллег, семейного счастья, здоровья.

© 2007 г. *Б.Ю. Норман, Н.В. Супрунчук*

Славяноведение, № 1

К ЮБИЛЕЮ ГЕОРГИЯ ИОСИФОВИЧА ЧЕРНЯВСКОГО

Известному советскому и украинскому историку-болгаристу, живущему ныне в США, профессору, доктору исторических наук Георгию Иосифовичу Чернявскому исполнилось 75 лет. Георгий Иосифович родился 29 ноября 1931 года в г. Харькове в семье вузовского преподавателя правовых дисциплин.

Еще обучаясь в средней школе, он много слышал о герое Лейпцигского процесса 1933 г. Георгии Димитрове. Рассказы отца о совместной работе с другим известным болгарским деятелем Христианом Раковским, являвшимся в 1919–1923 гг. главой Совнаркома Украины, который в свою очередь хорошо знал Г. Димитрова лично, также пробудили интерес к Болгарии. Когда Г. Чернявский стал студентом исторического факультета Харьковского университета (1949–1954 гг.), у него появился устойчивый научный интерес к Болгарии, ее истории, политике и культуре. Его учителем и наставником стал известный ученый-болгарист, проф. С.И. Сидельников, под руководством которого Г. Чернявский стал писать о молодежном движении Болгарии, ставшем темой его дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации, защищенной в 1959 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. С 1960 г. Г. Чернявский начал работу в

Харьковском библиотечном институте (ныне Украинская академия культуры), где проработал почти всю свою сознательную жизнь, в течение многих лет возглавляя кафедру всеобщей истории и музеологии, параллельно читая спецкурсы по историографии и источниковедению на кафедре Новой и новейшей истории Харьковского университета. В 1969 г. Г. Чернявский защитил докторскую диссертацию, посвященную рабочему движению в Болгарии в 1925–1929 гг.

Можно выделить ряд научных проблем, которые были в центре внимания проф. Г. Чернявского. Основной являлась история рабочего движения в Болгарии. Писал он свои книги честно, как сам представлял себе существо научных проблем, разумеется, с учетом искусственных ограничений, предопределенных стереотипами советской историографии, характерными для 1950–1980-х годов.

С позиций нынешнего дня Г. Чернявский многое пересмотрел в своих научных подходах, но и многое, написанное им в советское время, ныне звучит актуально. Теперь он совершенно иначе оценивает “большевизацию” коммунистического движения в Болгарии, определяя ее как средство навязывания болгарской компартии большевистско-сталинской модели и превращения ее в спутника СССР на Балканах.

Другой научной проблемой, интересовавшей Г. Чернявского, были и остаются русско-болгарские и советско-болгарские отношения и связи. Он опубликовал две монографии в Болгарии в соавторстве с известными болгарскими учеными. Книги были посвящены “врангелевскому заговору” и отношению советской общественности к революционному движению в Болгарии между двумя мировыми войнами (“Борбата на БКП против врангелисткия заговор”. София, 1964; “Советската общественост и революционното движение в България. 1923–1944 г.”. София, 1979). В них доминирует характерный для историографии того времени стереотип негативной оценки белой эмиграции в Болгарии. Однако в отличие от других авторов Г. Чернявский пытался дифференцировать эмиграцию.

В своих работах, направленных против извращений болгарской истории (“Против извращения на българската история”. София, 1986), автор много внимания уделял критике взглядов западных историков. Некоторые из этих положений ныне устарели и пересмотрены автором, в частности, интерпретация понятия “буржуазной историографии”, от которого Г. Чернявский ныне отказался как от научной дефиниции, пытаясь показать именно идейно-политические, а не классовые позиции историков.

Близки к историографической проблеме и аспекты источниковедения, архивоведения, библиографии и научной критики, которыми занимается Г. Чернявский. Его перу принадлежат работы, посвященные выявлению важных документов, научные комментарии к ним. Автор ввел в научный оборот некоторые статьи, принадлежавшие Г. Димитрову и Х. Раковскому, опубликованные в свое время под псевдонимами или инициалами, впервые опубликовал переписку В.Г. Короленко с Х.Г. Раковским и Раковского с Л.Д. Троцким и многое другое.

Последняя тема привела его к сотрудничеству с проф. Ю. Фельштинским (США), совместно с которым он занимается в настоящее время научной публикацией архива Троцкого. Уже вышли первые два тома.

Известны также работы Г. Чернявского о деятелях болгарского рабочего движения В. Коларове, Г. Димитрове, Г. Бакалове и Х. Раковском. Много внимания было уделено В. Коларову в частности, о его пагубной роли в судьбах болгарской эмиграции в СССР и в трагической судьбе Трайчо Костова.

В конце 1980-х годов Г. Чернявский занялся изучением политической биографии Х. Раковского (“В борьбе против самовластия: Х.Г. Раковский в 1927–1941 гг.”. Харьков, 1993; “Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х.Г. Раковского”. Харьков; Око, 1994; “Фарс на крови”. Харьков; Око, 1997). В свете новых, доселе неизвестных документов, открытых в архивах России, Украины, Болгарии, США, Великобритании, он со своими соавторами по-новому подошел к освещению политической биографии Раковского, уйдя от старых стереотипов. Концептуальная установка состояла в том, что в лагере большевиков, в основе своем склонных к разрушительным инверсиям, Х. Раковский был в числе немногих, стремившихся к поиску разумной медиации, что привело его к присоединению к оппозиционной деятельности против Сталина, а затем и к гибели.

Работа над биографией Раковского и документами из архива Троцкого, в которых большое внимание уделяется критике сталинского режима в СССР, оппозиционной деятельности против Сталина, уже в США привела Г. Чернявского к мысли о фундаментальной работе, в которой давался бы сравнительно-исторический анализ двух основных форм тоталитаризма (“Тень Люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм: Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма”. Харьков; Око, 2003). Автор исследовал общие и отличительные черты

германского и советского тоталитарных режимов, их происхождение, этапы развития и преодоление их последствий на базе уже вышедшей западной и постсоветской литературы и разнообразных источников, ставших достоянием историков в последнее время.

Продолжением данной темы, но уже в жанре исторической публицистики стал выход книг о социально-политической истории XX века под общим названием “Притчи о Правде и Лжи”, в которых, наряду с обширной тематикой по политической истории России, Германии и Западной Европы, затрагивается и болгарская проблематика (“Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы XX века”. Харьков; Око, 2003.; “Новые притчи о Правде и Лжи: Политические драмы XX века”. Харьков; Око, 2005).

В последние годы Г. Чернявский в своих научных исследованиях вновь вернулся к болгарской истории. В Болгарии вышла новая книга Г. Чернявского и М. Станчева на русском языке о Георгии Бакалове, в которой прослеживается весь политический путь, включая и его “советский период” жизни (София, 2005).

Сейчас Чернявский совместно с проф. Л. Дубовой (США) работает над новой книгой о судьбе болгарских евреев в годы Второй мировой войны. Эта книга, на мой взгляд, вызовет несомненный интерес у читателей, прежде всего интерпретацией авторов на основе новых архивных материалов, ответственности тогдашних болгарских властей за судьбы болгарских евреев из Македонии и Фракии, не получивших болгарского подданства и отправленных в лагеря смерти.

За свои научные заслуги (им опубликованы более 30 книг и 400 статей) проф. Г.И. Чернявский награжден Ломоносовской премией, Большой золотой медалью Софийского университета и орденом Кирилла и Мефодия I степени Республики Болгария. Георгий Иосифович стал основателем Межреспубликанской научной ассоциации ученых-болгаристов и “Болгарского ежегодника”, издававшегося первоначально в Харькове, а затем в Киеве. Желая юбиляру прекрасного здоровья и успехов, я надеюсь, что проф. Г.И. Чернявский еще долго будет радовать научную общественность России, Украины, Болгарии и США своими новыми оригинальными исследованиями.

© 2007 г. М. Станчев

CONTENTS

ARTICLES

<i>Chatuntsev S.V.</i> (Voronezh). About the Evolution of K.N. Leontyev's Views on Slavic-Greek Mutual Relationships and the Oriental Question in 1860-ies – Early 1870-ies	3
<i>Kryuchkov I.V.</i> (Stavropol). Russian Diplomacy About the Economic Processes in Hungary in the Beginning of XX Century (1903–1912)	17
<i>Adelgeim I.</i> (Moscow). In the World of “Real”. Young Polish Prose and the Reality of the Post-Socialist Poland	28
<i>Anastasova E.</i> (Sofia). Old-Believers in Romania and the Globalization	41

COMMUNICATIONS

<i>Hlavachka M.</i> (Praha). Once More About Austrian Slavs Visiting Russia in 1867.....	54
<i>Plotnikova A.A.</i> (Moscow). Russian Old-Believers' Villages in Romania: Archaic and Holdings in Folk Culture.....	66
<i>Karlina N.N.</i> (Moscow). “Polish Question” in Vassily Aksyonov's Works	75

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Danilova O.S.</i> (Ekaterinburg). Lois Leger – the Founder of Academic Slavic Studies in France	81
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Michaltchenko S.I.</i> A.N. Pypin and Questions of Slavic Studies	90
<i>Shvedova N.A.</i> А.Г. Машкова. Словацкий натураизм (30–40-е годы XX века)	91
<i>Proskurnina M.</i> А.Г. Шешкен. Студии за македонската литература; Г. Тодоровский. Прикосновения: русско-македонские темы	94
<i>Kalnyn L.E.</i> В. Жобов. Звуковете в българския език	97

SCHOLARLY LIFE

<i>Zogovich S.</i> Towards 25 th Anniversary of the Institute for Slavic Culture in Prilepa.....	103
<i>Dostal M.Yu., Leshkova O.O.</i> International Scholarly Conference “History and Contemporary State of Slavic Studies in Russia. Towards 170 th Anniversary of the Establishment of Slavic Chairs at the Russian Universities”	106

<i>Proskurnina M.</i> International Scholarly Conference “Second World War: Experience of History – Experience of Literature. Central and South-Eastern Europe”	111
<i>Filatova N.M.</i> Conference “Adam Mickiewicz and Polish Romanticism in Russian Culture”	114
<i>Dostal M.Yu.</i> First Meeting of the Commission of Russian and Slovak Historians	120

ANNIVERSARIES

<i>Norman B.Yu., Supruntchouk N.V.</i> Toward the Anniversary of Gennady Afanasyevich Tsyhun....	123
<i>Stanchev M.</i> Toward the Anniversary of Georgy Iosifovich Tchernyavsky	124

Сдано в набор 05.10.2006 Подписано в печать 27.11.2006 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
 Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,3 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
 Тираж 502 экз. Зак. 1950

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
 E-mail: jurslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”
 Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Фирма “Наука-Экспорт” является распространителем за рубежом книг и журналов старейшего издательства России “Наука”, отметившего недавно свой 275-й юбилей.

Помимо литературы издательства “Наука”, фирма экспортирует газеты, журналы и книги десятков других издательств России и стран СНГ.

Тематика поставляемой литературы представляет историю, географию, этнологию, литературоведение, языкознание, литературу для изучающих русский язык и многое другое.

По желанию заказчиков фирма высылает списки тематических подборок литературы, а также списки выходящих новинок.

Фирма приглашает к сотрудничеству всех желающих.
Обращайтесь к нам по адресу:

Россия, Москва, 117997, Профсоюзная, 90, фирма “Наука-Экспорт”,
телефон/факс (495) 334-71-40, 334-74-79
e-mail: naukaexport@naukaran.ru

“Nauka-Export” Company is a subsidiary of “Nauka” Publisher, the oldest Russian publisher which has just celebrated its 275th anniversary. “Nauka-Export” distributes worldwide all journals and books published by “Nauka”.

Besides Naukas’s publications “Nauka-Export” exports periodicals and books by other publishers of Russia and CIS.

The literature is supplied on various subjects: history, ethnology, geography, linguistics, Russian language textbooks and much more.

At clients’ request lists of the publications available and of those to be published could be forwarded to them.

”Nauka-Export” would welcome any offer on cooperation.

Please approach us on the following address:

“Nauka-Export” Company,
Profsoyuznaya, 90,
Moscow, 117997,
Russia.

Tel/fax (495)334-71-40, 334-74-79
e-mail: naukaexport@naukaran.ru

